

УДК 821.512.122
ББК 84(5Каз)-44
Ш 12

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (председатель), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеуkenов Ш.Р., Исмаголов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исмакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Составитель Т. Шанбай

Шакарим

Ш12 Мое время. /Шакарим. Перевод с казахского.
Астана: Аударма, 2010. – 408 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников **В. Фроловой и А. Черкасского**.

ISBN 9965-18-312-0

УДК 821.512.122
ББК 84(5Каз)-44

ISBN 9965-18-312-0

© Издательство “Аударма”, 2010
© Иллюстр. “Музей современного
искусства”

ШАКАРИМ – ПОЭТ-МЫСЛИТЕЛЬ

Мое время не похоже на твое...

Шакарим Кудайбердыев

В конце 1980-х годов казахская культура обогатилась возвращением целой плеяды национальной интеллигенции, которая сыграла неоценимую роль в развитии всей культуры казахского народа. Имя поэта-мыслителя Шакарима в этом ряду занимает особое место.

Родился Шакарим 24 июля 1858 года в Чингисских горах Семипалатинской области. Кудайберды, отцу Шакарима, старшему брату великого казахского поэта Абая, будет тридцать шесть лет, когда он покинет этот мир. В жизни семилетнего мальчика ранняя смерть отца оставит неизгладимый след. Именно тогда, он напишет свое первое стихотворение. Именно с тех пор, он станет воспитываться уяди Абая. Абай же, горячо, по-своему любивший старшего брата, всю теплоту своих чувств старался вложить и передать маленькому Шакариму. Однозначно, воспитание Абая благотворно отразилось на формировании его мировоззрения. Изначально Шакарим получает знания у аульного муллы. Юноша воспитывается на ценностях Ислама. Абай замечает в Шакариме литературные наклонности, необычайные способности и настойчивость в изучении наук и основ религии. И безусловно, поддерживает его в творческом плане. В дальнейшем Шакарим получает всестороннее образование, изучает восточную и западную классическую литературу. Овладеет арабским, персидским, турецким и русским языками.

Творческий путь Шакарима, как поэта развивается под воздействием классических традиций Абая, отличается индивидуальным стилем. Он был мыслителем, даже в поэзии. Его философская лирика занимает особое место в казахской поэзии. Шакарим глубинно знал литературу и культуру Востока и Запада, был поистине личностью энциклопедического масштаба. Творчество же его актуально, познавательно, многогранно.

Шакарим, следя традиции великого учителя Абая, старался донести до родного народа свои откровения. В его поэзии передаются картины родной природы, размышления о сущности бытия, о добре и зле, о духовном и материальном и др. Каждая строчка его творений говорит нам о глубоком уважении и преклонении перед Абаем, к слову которого он призывает прислушаться молодых («Давайте, молодежь, найдем свою дорогу»). Философская лирика поэта характерна экзистенциальной проблематикой. Поэт пытается понять «Кто такой человек?», что такое «Молодость» и «Старость», где граница между добром и злом и др.

Шакарим не просто поэт-лирик. Он оставил многоголиковое духовное наследство. Помимо поэтических произведений известны его труды по философии, религии, истории, переводы поэзии и прозы. Шакарим прежде всего проникновенный лирик и мастер малых эпических форм; его перу принадлежат поэмы: «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек», «Нартайлак и Айсулу». Из них неординарностью интриги и остротой сюжета выделяется поэма «Калкаман и Мамыр», главное содержание которой составляет народное предание о светлой и трагической, чистой, беззаветной любви. В его эпических произведениях отражается природа народной жизни. Говоря об эпическом потенциале Шакарима, особой глубиной отличается проблема историзма. К примеру, поэт в заключении поэмы «Енлик и Кебек» подчеркивает историческую основу этого произведения словами: «Не сказка эта, выдуманная мною, а событие прошлых лет». В данном произведении главенствует познавательная концепция «У забывшего прошлое – нет будущего».

Роман Шакарима «Адиль-Мария», его многочисленные переводы, прозаическая миниатюра показывают широкий

масштаб его творчества как художника. В романе, написанном в начале XX века, ярко проявился его индивидуальный стиль.

Личность Шакарима как философа привлекает его глубоко познавательный труд «Три истины». Мыслитель начинает его с размышления: «Истину человек видит и воспринимает не просто глазами, а глазами разума...». Этот труд ставит Шакарима в один ряд с известными мыслителями мира. Если его «Каноны мусульманства», стоящие у истоков национальной теологии представляют огромную ценность в религии, то в истории труд «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» – одна из фундаментальных работ в истории независимости казахского народа. В 1905 году Шакарим совершает паломничество в Мекку. Осуществляет мечту побывать в библиотеке Стамбула. На основе собранного материала он и разрабатывает «Родословную тюрков, киргизов, казахов и ханских династий». В этой работе Шакарим выделяет три актуальные проблемы, стоящие перед еще не сформировавшейся к тому времени наукой истории казахов. Это: проблема образования казахов как народа, история образования казахского ханства и в целом история тюрков. Они и сегодня являются научными проблемами, не потерявшими свою актуальность. В процессе написания труда Шакарим пользовался работами восточных историков средневековья Махмуда Кашкари, Нажиба Гасымбека, Мухаммеда Хайдара Дулати, Васифа, Абылгазы Бахадурхана, знатоков истории позднего периода Березина, Радлова, Аристова. Но, несмотря на это, он относился критически, подходил к истории с позиций собственных взглядов и разумений. К примеру, Шакарим не соглашается с некоторыми мнениями в родословной Абылгазы Бахадур-хана, связанными с древнетюркским периодом. И подобных несогласий и аргументаций в труде встречается довольно много.

Даже краткий обзор огромного наследия Шакарима не позволяет охватить всего.

Рассматривая творчество Шакарима в контексте литературного процесса конца XIX–начала XX вв, следует сказать, что он внес значительный вклад в развитие и укрепление казахско-русских литературных связей этого периода. Его творчество, выросшее на основе казахского фольклора и

предшествующей письменной литературы, а также всей многожанровой литературы Востока, вобрало в себя и литературный опыт русской литературы в лице ее классиков Пушкина, Лермонтова, Толстого, Некрасова и др. Первое знакомство передовой казахской интеллигенции с русской культурой началось в конце XVIII-начале XIX вв, главным образом через ссыльных революционеров - Михаэлиса, Долгополова и др. Восприятие же русской литературы, творческое ее освоение и осмысление способствовали наиболее полному раскрытию таланта Шакарима как казахского поэта и писателя. Шакарим не просто высоко оценивал творения русских классиков, но и самостоятельно разрабатывал сюжеты и лирику на толстовские и пушкинские темы: «Дубровский», «Боран», «Ассархидон-Лаэли», «Үш сауал».

Русскоязычному читателю 14 стихов Шакарима стали доступны благодаря переводам русских поэтов-переводчиков В. Рождественского и В. Цыбина. Они были опубликованы благодаря М. Магаину в 1978 году в сборнике «Поэты Казахстана».

Надо отметить, что в основном с творчеством Шакарима русский читатель знаком благодаря казахским поэтам и переводчикам, пишущим как на казахском, так и на русском языках. Так, в переводе Бакытжана Канапьянова на русском языке зазвучало восемь стихотворений Шакарима: «Кетермін, артта жазған сөзім қалар» («О себе»), «Біреу маган от жаңа деп қылды бұйрық» («Огонь. Жизнь»), «Шаранамен туып едің...» («Был рожден как бы в рубашке...»), «Жаз келер...» («Приходит лето»), «Сен гылымга болсаң ынтық» («Если мир постигнуть хочешь...»), «Жуандар» («Толстосумы. Сильные мира сего»), «Қош» («Прощание»), «Дубровский әңгімесі. Соз алдынан» («Слово»). Впервые они были опубликованы в 1988 году в №8 журнала «Простор». Здесь же была напечатана статья Б. Канапьянова «Апрель Шакарима».

Прозаический цикл Шакарима, включающий «Шын бақыттың айнасы» («Зеркало подлинного счастья»), «Бәйшешек бақшасы» («Сады подснежников»), «Мәнді создер» («Мысли разных лет»), «Мен 72 жасқа келгенше» («За 72 года») будет переведен Р. Сейсенбаевым. Впервые они будут опубликованы в №7,8 журнала «Простор» за 1988 год. Позднее, выйдут в свет отдельной книгой «Записки забытого».

В «Хрестоматии по казахской литературе для русских школ за 10-11 классы» в переводе М. Адибаева будут опубликованы два стихотворения Шакарима: «Шыннан озге құдай жоқ» («Без сердца Истина – обман»), «Жаз шығып...» («Когда наступит лето...»). В 1991 году институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова впервые издает философский трактат Шакарима «Три истины» на казахском и русском языках в переводе Е. Сыздыкова. Предисловие на русском языке к трактату написано доктором филологических наук М. Мырзахметовым. В 1997 году переводчиком Б. Каирбековым была переведена и опубликована «Түрік, қыргыз, қазақ һәм хандар шежіресі» («Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», Алма-Ата, Жазушы). Попытка перевода прозаических миниатюр Шакарима из цикла «Бәйшешек бақшасы» («Сады подснежников») была предпринята Р. Кошеновой. Переводы были опубликованы в 1996 году в книге «Возвращенные имена» (Алматы).

Сегодня интерес русской читательской аудитории к творчеству Шакарима заметно возрос. Появляются новые переводы. Большой вклад в дело ознакомления русского читателя с поэзией Шакарима сделан М. Султанбековым, поэтом и переводчиком, кандидатом филологических наук, который заинтересовался творчеством Шакарима еще в 90-е годы. Им впервые были осуществлены переводы поэм Шакарима «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек», опубликованные в №1, 2 журнала «Абай» за 1998 год. Через 9 лет в №1 этого же журнала за 2007 год в его же переводе вышла в свет поэма «Лейли и Меджнун». Его поэтические переводы отличаются значительной приближенностью к тексту оригинала. Если в переводах М. Адибаева наблюдается вольное переложение сути с произвольными высокопарными добавлениями, то переводам М. Султанбекова характерен буквализм. В разное время в периодике появляются новые переводы лирики Шакарима. С 2006 по 2008 годы в журналах «Абай», «Шәкәрім әлемі» опубликовано свыше 26 новых переводов М. Султанбекова стихов Шакарима. Среди них «Жаз келер» («Наступит лето ...»), «Қазақтың жасаманы болмас...» («Плохих казахов нет в помине...»), «Арман» («Мечта»), «Жылым – қой, жұлдызым – июль» («В году овцы под летний зной...»), «Молдалар өзгелерді көпір дейді» («Мулла гяуром

назовет чужого»), «Ана жылы әскер шыгып...» («В какой-то год, сражаясь беспощадно...»), «Сен гылымга ...» («Поверь науке»), «Өзіме» («О себе»), «Кейбіреу безді дейді қатынынан» («Иные вторят, что жену оставил...»), «Насихат», «Абай марқұм откен соң өзіме айтқан жырларым» («Песня, которую спел для себя после кончины Абая»), «Біреудің мінін кешірсең» («Простишь иному недостатки»), «Үш-ақ түрлі өмір бар» («Три вида жизни знаю»), «Ақындарға» («Поэтам»), «Жасымнан жетік білдім түрік тілін» («Владею тюркским»), «Аңышылық әүелінде қандай тәтті» («В начале охота»), «Жолама қулар, маңайга» («Не подходите близко»), «Tau басынdagы ой» («Мысли на горной вершине») и др. На сегодня в переводе разных переводчиков на русском языке имеется свыше 50-ти стихов Шакарима, из них многие имеют несколько переводов («Шаранамен туып едің», «Жаз келер...», «Сен гылымга...», «Арман», и др.).

В данной книге мы попытались собрать все произведения Шакарима на русском языке. Переводы эти сделаны в разное время и разными переводчиками. Поэтому читателю предоставляется возможность самостоятельно сравнить и оценить качество перевода.

Современной наукой уже сделаны значительные успехи в области шакаримоведения. Эффективно и плодотворно на протяжении 10 лет действует в Семее научно-исследовательский центр Шакаримтану. Согласно концепции центра, творчество поэта рассматривается в контексте философии, культурологии, теологии, истории, литературоведения. В этой связи 150-летний юбилей поэта и мыслителя центр встретил такими крупными научными достижениями, как персональная энциклопедия «Шакарим», шеститомник серийного научного сборника «Вопросы шакаримоведения», научно-познавательный журнал «Шакарим» и др.

Мы надеемся, что книга станет универсальным помощником в познании творчества выдающегося казахского поэта-мыслителя Шакарима.

Е.Б. СЫДЫКОВ,
доктор исторических наук,
профессор

СТИХИ

О МОЛОДОСТИ

Как камни драгоценные – глаза,
Лик – как луна, и до пяты коса, –
Она дороже жизни, ангел твой!
А речь ее, как соловийный щелк.
Характер мягкий, нежный, словно шелк.
Кого сравнишь с красой ее живой?
Словно река широкая, шумна,
Возлюбленной моей была она.

Гармония ее – как райский хор.
Искал ее я средь степей и гор,
Невинную и чистую, как свет.
Стройна, словно жердинка тростника,
И в талии, как волосок, тонка –
Другой такой на белом свете нет.
А кто ее обидит хоть бы раз,
Тому не поздоровится от нас.

Поблескивают ласково глаза,
Слова ее стекают, как роса.
Волос коснутся зубья гребешка,
Ее волос, – горю я без огня.
Душа в восторге рвется из меня,
Лишь поглядит она исподтишка.
Красавицы, мы в вас всех влюблены,
Хоть помыслы у юношей грешны.

Без устали волнуются, как ртуть,
И носятся, как лисы, чтоб взглянуть

На милую хоть мельком, хоть тайком,
Волнуются все ночи и все дни.
То соколом взвиваются они,
То льстят им, рассыпаясь серебром.
Окупится сторицей эта власть,
Когда вошла мужчине в сердце страсть.

И ты спешишь – нет на тебе лица,
Теряешься, робеешь без конца,
Когда ты приезжаешь к ней тайком.
Ты все стада, все табуны свои
Пожертвуюешь без жалости – любви.
Так серы поступают, если дом
Родной наскучит. Снится непокой
Им, что любимых любят всей душой!

В нарядах сплошь, чтоб не ударить в грязь,
На аргамака белого садясь –
Им все дается, видимо, легко, –
И в поисках возлюбленной все дни
Гарцуют и красуются они,
Не ленятся – аул, мол, далеко, –
Спешат к любимым на любовный клич.
Так ястребы бросаются на дичь.

Найдет аул. И, верностью горя,
Вокруг него давая кругала,
Не едут напрямик, а наугад.
Удобный случай ждать они не прочь,
Биение сердца слушая всю ночь...
И день, и ночь они в степи кружат.
Жигит, не спавший ночи напролет,
Товарища за новостями шлет.

Товарищ услужить рад, как дитя,
Бесшумно исчезает, шелестя
Одеждою своею, как змея.

Лишь час прошел, как бы смотрел восторг –
Уже везет от девушки ответ,
Как кобчик, трепеща: каков, мол, я!
Передала, мол, девушка тайком:
Коль смел жигит – пускай заходит в дом!

Так вот в чем сложность. И терпеть невмочь.
Свою одежду сбрасываешь прочь,
Весь изовьешься, как веретено,
Ползком ты пробираешься вперед,
Словно за мышью осторожный кот.
И сердце от любви напряжено.
Ты входишь в дверь, умерив в сердце дрожь.
А если нет – через жапсар войдешь.

Вот входишь ты в просторный юрты круг,
Не чувствуя ни ног своих, ни рук,
На цыпочках, но чтоб наверняка,
К своей любимой – льется свет сквозь щель,
Спешишь рукой нащупать ты постель,
Вот косы... вот рука... а вот щека...
Мутится разум, грудь любви полна.
Возлюбленная рядом – вот она...

Протягиваешь руки, сам чуть жив.
Она целует, шею обхватив,
И ты ее целуешь
В шею, в грудь.
В глазах – круги, растаять ты готов.
На языке – ни вздоха нет, ни слов,
И ей в твоих объятьях не вздохнуть.
Ах, мир, ах, мир, – кто суть твою постиг?
Куда уходит разум в этот миг?

Собравшись с духом, нежностью объят,
Вдыхаешь поцелуй аромат.

И все-таки в плену иных страстей,
Снедаемый желанием своим,
Ты тайной страстью все сильней томим,
Как ястреб над добычею своей, –
Исполнились заветные мечты!
У милой на груди вздыхаешь ты.

Рассвет спешит прийти! Рассвет придет!
И тело холдеет, тело ждет,
Когда придет свиданья час опять.
«Ну, – говоришь, – прощай и не жалей!» –
И назначаешь встречи снова ей.
«Знай, что умру я, коль не будешь ждать».
Клянешь ты ночь за то, что коротка,
И для тебя все это – лишь тоска.
И вот в сиянье рос, в жужжанье пчел,
Тебя смущая, в дом рассвет пришел.
Пора тогда с постели вам вставать.
«Прощай!» – сказал любимой ты своей.
Что делать? Задержался у дверей,
Хотел уйти, но не ушел опять.
Остался б – но рассвет заполнил даль,
Уйти бы – но возлюбленную жаль.

Из светлой юрты выйдя на простор,
Бежишь в низину и – на косогор;
Ровесника ты увлекаешь вдаль.
И, лишь отъехав от аула прочь,

Поймешь, что без возлюбленной – невмочь,
И запоздало выскажешь печаль:
Остался б, да рассвет, мол, виноват,
Если б не день – вернулся б, мол, назад.

На перевал взобравшись, слыша гул
Потоков, оглянешься на аул:
Любимая глядит тебе вслед.

Товарищу кричишь внезапно – стой!
Поводья натянув, звеня уздой,
Спешишь назад ты, нежностью согрет.
Коснувшись снова шейки золотой,
Продолжишь путь на перевал крутой...

1879

* * *

Язычник, что забот вовек не знал,
За бога идол каменный считал.
Обету своему он – верный раб.
Он бога в камне грубом отыскал.

Не ищет славы он – пустая честь,
Чужды ему и похвальба, и спесь.
И не жесток. Довольствуется тем,
Что у него на первый случай есть.

Мулла-еке, дивишься ты, что тот
Язычник в рай небесный попадет.
А ты – двуличный оборотень ты,
Тебя лишь ада преисподня ждет.

А кто из настоящих сам людей,
Тот не двуличен, тот не лицедей.
Коли убьет, то в лоб. Он не предаст
Ни веры в бога, ни души своей.

Что вера, что душа – ты так и знай, --
Ведь все одно, хоть где ты ни плутай,
Тебя дорога к аду приведет.
Язычник же войдет спокойно в рай.

Не притча это, знай же доброхот.
Я говорю – святой язычник тот.
Безумец, душу предавший свою,
Лишь жаждою наживы он живет.

1889

* * *

Смолоду язык турецкий изучил я не от скуки:
Потому что на турецкий переведены науки.
Я не знал в ученье лени – мне из тьмы сверкнуло
солнце,

Стали мне понятны краски, запахи земли и звуки.
Пробудило меня рано поэтическое слово.
Понял я, в чем тайна мира, мироздания основа,
Через лирику Востока... Изучив прилежно русский,
Смыл с себя я, смыл я с сердца грязь невежества
былого.

И от слов не отступаюсь, ученик я Льва Толстого,
Хоть безбожником объявлен, но святош бессильно
слово:

Всей душою возлюбил он справедливости дорогу,
Он – владелец дум глубоких – кинул смелый вызов
богу.

Лев Толстой – нет, не неверный, вы – неверные,
святоши.

Лживы мысли и молитвы; если песни – то поплоше.
Да и сам, душою темен, как слепой, зари не видишь,
Жить невежественным в мире – тяжелее нету ноши.
Нет, не буду поклоняться ни талмуду, ни Корану,
Жалкой жертвой духовенства, жалкой жертвой
мулл не стану.

Духовенство все не стоит и мизинца Льва Толстого,
Только жалкие отребья прибиваются к их стану.

Если с умным ты вместе – ничего, что грозы грянут.
Ты служителей религий избегай, как лживых грамот.
Коль последуешь за добрым человеком,

справедливым,

Знай, что никогда не будешь в жизни ты своей
обманут.

1905

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?

Тот страдает над бумагой, сна не зная, – кто учен,
Мысленно обозревает шар земной, волнуясь, он
В трудных поисках решенья, как исправить жизнь
людей,
Знать, что чувством состраданья человек был
одарен.

Иль доволен он насилием, тем, что жизнь – и ложь,
и жуть,
Муками, что омрачали навсегда душевный путь?
Ничего не знаю мысли человеческой светлей,
Если нужно суть постигнуть, прояснить вдруг
что-нибудь...

Если, думая о людях, ты решишь, какой в том толк:
Этот, как лиса, завистлив, этот злобен, словно волк.
Вот каков мир непонятный, мир насилия,
мир вражды,
Стало быть, исчезла жалость, сострадание и долг?
Может быть, таких понятий вообще нет на земле?
То, что есть они на свете, значит, лгали вам и мне?
Внешне выглядит пристойно образованный народ
До тех пор, пока тобою не изучен он вполне.

А когда к делам их ближе ты присмотришься, тогда
Ты поймешь – они не знают ни сомненья, ни стыда.
Хвастают, что исправляют злые нравы и сердца,
У самих же меж собою – вековечная вражда.

«Образованные» страны не бахвалятся умом,
А бахвалятся оружием: кто винтовкой, кто клинком;
Хитростью своей, сноровкой утверждая свое «я»,
Остальные – все чужие! Так живут, как враг с врагом.
Не найдешь нигде народа, чтобы «мы» сказал – не «я».
Как увижешь это с правдой и со смыслом бытия?

А подумать – вроде б братья все народы на земле,
Почему ж тогда враждуют все народы, все края?

Нет народа, что покончить мог навеки с грабежом,
Хоть слова мои правдивы, тяжелы они, как гром.
Образованные люди – это всей Европы цвет –
Изменить едва ли смогут мир ученьем и трудом.
Так куда ж душа девалась, что природа им дала?
Только войско и оружье да торговые дела –
Вот чем заняты «науки» все столетья до сих пор,
Позабыв о состраданье в дебрях яростного зла.

Сердце доброе, святое вы встречали или нет?
Встрепенулся б я, заслышив положительный ответ!
Чистого в делах народа я покамест не встречал –
Не богат, видать, на честность этот век, двадцатый
век!

Дескать, добрый я душою – пустозвонные слова!
Пред жестокостью бессильны все обиды, все права.
Там, где царствует оружье, – справедливости там нет.
Лучше смерть, чем знать: на свете зло живет и ложь
жива.

Разве люди отказаться от оружья захотят,
Если так у них ведется, что не верит брату брат?

И пока они враждают и пока друг другу мстят,
Не исправятся – и дело не пойдет у них на лад.

Сила с хитростью! Страшна их нескончаемая власть,
Ведь не выправить народа, коль смываешь грязью
грязь.

И покамест не найдется тот, кто может разбудить
Совесть в людях, беспокойно к справедливости
стремясь.–

Это все слова пустые – так что ты не пустословь.
Мало их, в чьем сердце ныне – справедливость
и любовь.

Из пустых междуусобий, нет, не выйдет ничего.
Неужели вышибают глаз, чтобы подправить бровь?

И зашедшегося в плаче как ребенка ты не бей,
Все равно дитя не станет ни спокойней, ни умней.
Пес – обжора ненасытный – не побрезгует ничем,
Чтобы сгрызть от всех в сторонке груду брошенных
костей.

Человек похож порою то на волка, то на съять,
И порой от человека зверя все ж не отличить.
Лишь в одном его отличье – в светлом разуме, в уме.
Если сил на это хватит – должен ум ты подлечить!

1915

О СТАРОСТИ

Если знанья есть,
То и слову честь, –
У души и тела суть одна.
Взглянешь глубоко,
И душе легко,
Если юных сил душа полна.
Для юности открыт весь свет,
У старости тех сил уж нет.

Молодость всегда,
Как скала, тверда,
Ей повсюду путь открыт,
Все ей нипочем:
На пути своем
Жизнь ей радости дарит.
Нам юных душ отраден пыл;
У старых – ни ума, ни сил.

Мужества уж нет,
Разум тьмой одет,
Если старости пришел черед.
Плох тот человек,
Кто свой отжил век, –
Уж никто к нему не подойдет.
Для старых жизнь давно не впрок,
А их конец уж недалек.

Ты бессильным стал,
Зубы потерял.

Все лицо в морщинах, как кафтан.
Грелся пред огнем
И ворчал притом.
Ты уже скелет, в глазах туман.
Из юрты выйти – труден путь,
Штаны не в силах натянуть.

Редок ус и сед,
И зубов уж нет,
Словно череп стал в пыли степной.
Уж не можешь встать
И привык болтать,
То и дело хвастать стариной.
Огонь в душе давно погас...
Что хуже старости для нас?

В веках краснота,
Речь уже не та,
Если вспомнишь юные года.
Деснами жуешь,
В рот не протолкнешь,
Пища стала всякая тверда.
Любым ты давишься куском,
А смерть стоит уж за плечом.

Согнут ты, как крюк,
Нет для дела рук,
Поясница ноет и спина.
«Что ты, старый пес,
Вздор опять понес?» –
На тебя в сердцах кричит жена.
Зарыться б в землю от стыда,
Давно уже пора туда.

Смерть уж не беда
В дряхлые годы,

Ведь ко всем она придет в свой час.
Тот, кто был рожден,
Смерти обречен,
Кто же избежит ее из нас!
Уж лучше старости не ждать,
А раньше нам ее призвать.

Без огня в груди
Доброго не жди,
Нет в душе ни счастья, ни тоски.
Но о том забыть
И надеждой жить
Все теперь желают старики,
Но шесть десятков лет – предел.
Ведь старость – горестный удел.

1879

ИСПОВЕДЬ

Ты, несчастное сердце, пылаешь огнем,
Но надежды мои – дым во мраке пустом.
Испарились и воля, и стойкость, и ум,
Стало пусто и грустно на сердце моем.

Не на радость моим ты являлась очам,
И в сетях колдовских я запутался сам.
Ты взглянула – и кругом пошла голова,
Жизнь свою я тебе теперь в жертву отдал.

Ты сияешь лицом, и сам я как свет,
Навсегда в моем сердце останется след.
Увлекли меня черные ягоды глаз,
Я горю, как в аду, и спасенья мне нет.

Обратила любимая взор на меня,
За туманом печали не вижу я дня.
Надо б было, не видя тебя, умереть,
Но уже погасить не смогу я огня.

Месяц в небе сияньем твоим озарен,
Любоваться тобою спускается он.
Только ты все не хочешь меня пожалеть,
Я твоим безразличием горько смущен.

Я лишился рассудка, пылаю в огне,
Ты ушла, но твой образ все видится мне.
Я терзаюсь, представив тебя на пиру,
Где краса твоя ярче всех звезд в вышине.

Черных кос твоих блеск только с шелком сравним,
Ты прославлена разумом светлым своим,
Лоб широк, бел, как снег, ни морщинки на нем,
И изогнуты брови кинжалом кривым.

Ты ресницы вонзила мне в сердце опять,
Ты взглянула – и я не могу не пылать.
Меркнет разум при виде лица твоего,
И коснулась души твоя легкая прядь.

«Я люблю» – так душа подступила к губам,
Отвечая твоим все безмолвным устам.
Говори и заставь меня молча внимать,
Жизнь свою я тебе, не жалея, отда.

Солнце скрылось, твоей смущено красотой,
Месяц, звезды остались, любуясь тобой,
«Семь разбойников» ищут повсюду тебя,
Над тобою свершая свой путь круговой.

Звезды копят подарки для свадьбы твоей,
И Шолпан от тебя не отводит очей,
У Полярной звезды два коня впряжены,
Чтоб на свадебный пир ей домчаться скорей.

Но с рассветом исчезли все звезды, луна,
Ждать устали они под истомою сна,
Ветер, шелком шурша, зашептался с тобой,
И уж первая песенка птичья слышна.

Солнце встало твоим любоваться челом
И, в тоске по тебе, удалится потом.
Тучи, черный покров над землей растянув,
От любви безысходной прольются дождем.

Закачались цветы, и поют соловьи,
Забурлили, запенились всюду ручьи.
Ветры с тучей грозу развели колдовством –
Гром удариł, и молнии небо зажгли.

Для тебя закружился весь мир от огня,
Ради кос, что колдуют, к себе нас маня.

Ну подумай, какая корысть или стыд
В том, что ты на земле рождена для меня?

Я безумен, какой же могу дать ответ?
Что ответит несчастный, утративший свет?
И душою, и телом я предан тебе,
Я терзаюсь, в тебе же и жалости нет.

Ты души моей свет, ясный день для очей,
Разум твой для меня – исцеленье скорбей.
Чем в любви безответной всю жизнь мне сгорать,
Всю я душу открыл – исцели иль убей!

1881

* * *

Я мог бы для огня взять горсть углей,
Но даже искра сердце не зажгла.
Я душу дал возлюбленной моей,
Она ее отвергла, не взяла.

Я душу, тело отдал ей тогда –
Все ценное, что в жизни есть моей,
Что накопил за долгие года,
И это все не нужно ей.

Один лишь взгляд – и я уже живой,
А не посмотрит – я уже мертвец.
Она не хочет говорить со мной,
Моим надеждам, вижу я, конец.

Но смысл иной скрыт в отказе том,
И сразу я понять его не мог.
«Твоей я буду, лишь когда умрем».
Что то уловки – мне и невдомек.

И умер я. И вместе мы опять,
Мы стали неразлучны в этот миг.
Лейли с Меджнуном вышли нас встречать,
Готовя праздничный нам ерулик.

Та, с кем ты в жизни был соединен,
Любовь не настоящая – она
Любовница, ей чужд любви закон
И к праведным дорога не дана.

Любимую подругой не зови,
Покуда не пройдет страстей туман,
Она мила, но все ж в ее любви
Притворство есть, уловки и обман.

А коль захочешь обмануть себя,
В ней не найдя для сердца ничего,
Раскаешься, что жил, ее любя,
И жертвой стал незнанья своего.

1890

* * *

Явился в мир ты голышом,
Уходишь – в рубище одет.
За счастьем ты спешишь бегом.
Как знать: догонишь или нет?
Добра ты сколько б не скопил,
Оставил все. То сон пустой.
Добро скопив, лишь им ты жил,
Но не возьмешь его с собой.
Друзей не счастье, унижен враг,
Ты все обрел, чего хотел.
Ведь это счастье как-никак,
Завидный, может быть удел.
Не счастье богатства твоего,
О чем тебе еще мечтать?
Но толк какой? Ведь ничего
С собой не сможешь ты забрать.
Коварен мир. Он как поток,
А мы – соломинки. Мы с ним
Летим, куда укажет рок,
И наш полет неудержим.
О камни нас, о корни бьет,
Нет нам ни отдыха, ни сна.
Но смерть настигла нас. И вот
Нас обступила тишина.
Куда-то мир унес и нас
В большое озеро на дно.
Кто рано, кто в свой поздний час –
Сошли соломинки в одно.
И переводят дух они
Там, где хватает места всем,
Где будут вечно длиться дни,
Не омраченные ничем.

1904

* * *

Перо – ты родич мой и задушевный друг.
Недавние друзья сомкнули вражий круг,
Не смотрят на меня, улыбки ни одной,
И тот, кто ростом мал, стал великаном вдруг.

Так лампа, зажжена, нам щедро дарит свет,
Которым освещен наш угол и согрет,
Но если на ветру огонь ее погас
Иль сломана она – в ней проку больше нет.

Я б не хотел, грустя, тех осуждать людей,
Чей так изменчив нрав по сущности своей.
Попробуй с фонарем пройти весь бренный мир –
Нет чистых в нем сердец – и станет жить грустней.

1914

* * *

Уже нет в небе черных туч,
Нахмурив бровь, ушли они,
И ветер стал не так уж жгуч,
Не так бушует в эти дни.
Аул собрался кочевать,
Покинув зимнее житье,
Но и теперь должно страдать
Ты, сердце бедное мое.

Ребятам хочется шуметь
И бегать наперегонки,
На солнце вышли кости греть,
Вести беседу старики.
У девушек и у парней
Веселье, игры, шутки, смех,
Мое же сердце все мертвей,
И нет ему былых утех.

Вокруг все тихо и светло,
Прогреться солнышком спеши.
Душе ли не любить тепло,
Весна ведь праздник для души.
Земли чернеющий скелет
Травою скоро прорастет,
Тебе лишь, сердце, счастья нет,
Ничто в тебе не расцветет.

Подснежники в живом тепле
Уже усеяли овраг,
И подарил красу земле
Огню подобный красный мак.
И шуба уж снята с полей,
Растаял снег, журчит вода,
И лишь душе еще грустней,
Ей не воскреснуть никогда.

Все к травам тянется, к цветам,
Одна душа другую ждет,
Дана жизнь новым существам,
И в стаде множится приплод.
А из оттаявших сосцов
Пролились мед и молоко,
Лишь я душой скорбеть готов,
В крови она, ей нелегко.
Весне и солнцу каждый рад,
Дни потеплели – добрый знак.
Уж люди кобылиц доят,
И подрастает молодняк.
Уж на жайляу весь народ,
Весна согрела людям кровь.
Но сердце мне тоска гнетет,
Ему не разгореться вновь.

1915

ВЗОШЛА ЗАРЯ СВОБОДЫ

Свободы день встает. Казахи, мой народ,
Идите за людьми, узревшими восход,
За светлою зарей идет и солнце вслед,
Казахи, вам пора навеки сбросить гнет.

Прочь с корнем вырвем мы усобицы, раздор,
Отбросим навсегда ложь, сплетни, всякий сор,
Всю волю, мужество пора уже собрать,
По справедливости зажить всем с этих пор.

Всю душу дружно вы в свой вкладывайте труд,
Передовые пусть народы вас ведут,
Самовлюбленность вам и зависть ни к чему,
Пусть вас свободными, правдивыми зовут.

Пусть совесть прояснит твой разум, мой народ,
И светлое пускай над темным верх возьмет,
Как сердце доброе, пусть справедливый труд
В союзе с разумом всех к миру приведет.

От справедливости победы жди всегда,
И не умрут плоды достойного труда.
Добро всегда живет и не умрет вовек,
А вот от жалости дождешься лишь вреда.

Коль честно разделить дары природы всей,
То может и земля всех накормить людей.
Труд в сочетании с любовью создает
Благополучие и счастье наших дней.

Жизнь тем не кончится, мир будет обновлен,
Насилию и злу поставим мы заслон.
Будь справедлив, народ, и ты тогда пожнешь
Плод своего труда, душою возрожден.

Пусть я умру, за мной идут потомки вслед,
Их много впереди ждет трудовых побед.
Пусть, вспомнив обо мне, они почтят мой прах,
Продолжат песнь мою, как добрый им завет!

1917

* * *

Не стало истинно влюбленных,
Их больше нет среди живых,
И правы в том судьбы законы,
Что я родился после них.
Всегда хранил я правду века,
Встречал достойных я порой,
Но где найдешь ты человека,
Что сердце отдал лишь одной?
Не просто девушку люблю я,
А ту, в которой правды свет.
Но вам не знать ее такую,
Для вас ее сиянья нет.
Она незрима, хоть и рядом,
В ее лицо взглянуть не смей.
Броди голодным сердца взглядом
Лишь в тайниках души у ней.
Узреть любовь мою желая,
Лишь с чистым сердцем к ней иди
И, самого себя сжигая,
Знай – ждет лишь гибель впереди.
Будь до конца в ее ты власти,
Но от себя не отпускай.
Ни въявь, ни тайно плотской страсти
Владеть собою не давай.
Лишь с ней достигнешь совершенства,
Но помни: страшен правды вид,
Ее кинжал – мое блаженство,
Она им сердце мне пронзит.
Любовь пусть возродится новью
Из той души, что мне мила,
На всей земле, омытой кровью,
Чтоб Правда вечною была.

Пусть духов страсти воля злая
Ничем влюбленным не вредит,
И Правда мир, достойный рая,
От черной крови охранит!

1919

* * *

Блаженство моих безгорестных дней,
Блаженство моих беспечальных ночей,
Пользы от вас никакой.
Шесть десятков мои отсчитали года,
И уже голова моя стала седа,
Где найду я покой?
И обречен я слезы лить,
И опьянен я без вина,
Судьба погасит мой огонь,
И мне могила уж видна.

Мне юность свою не возвратить,
А старому телу вновь жарким не быть,
Оно холодно, как лед.
Что и глядеть на старика,
Юность его уж далека,
Никто ее не вернет.
Мне шестьдесят, зубов уж нет,
Живется невесело старикам,
За то, что над ними смеялся я,
Теперь расплачиваюсь сам.
Судьбе человек давно подчинен,
И все же мечтами тешится он,
Так и жизнь вся идет.
Тот, кто умней, владеет собой,
Тот, кто глупей, – мечтою пустой
И тщетою забот.
Отец и мать, и все вокруг,
Пора удач твоих и бед
Всему научат нас, а мы
Всех тех, кто нам идет вослед.

1919

* * *

Цари на войско не жалеют трат,
Готовят войны к выгоде своей,
Один другого истребить хотят,
Народ же шлет под пули сыновей.

Изменчив мир, его круговорот,
И гибнут жертвы столько лет подряд.
Где чья земля? И прав какой народ?
Могильные холмы о том молчат.

Но разве я не настоящий царь?
Мои войска – ряды стихов моих.
Стихи бессмертны и теперь, как встарь,
И все переживет правдивый стих.

Не могут умереть мои войска,
Коль будет суждено попасть в печать.
Любого воина сильней строки,
Когда ее все будут повторять.

Каким оружием его ни бей,
Ничто не может слово победить.
Пусть крутится извечный мир сильней –
Мои войска, не старясь, будут жить.

Слова сильны бессмертием своим,
Они губить не станут никого.
Нет веры наслаждениям земным,
Нет вечного под небом ничего.

Зачем мне царство? Я б его не взял.
Что делать с ним? Ведь смерть все заберет.
Но если бы мой смертный час настал,
Мои войска бумага сбережет.

Своим потомкам стих я передам –
Одним на радость и на смех другим.
Хоть не придется повстречаться нам,
Пусть знают, как я скорбью был томим.

1919

О СЕБЕ

Кану я, но будут жить стихи,
Молодые все запомнят до строки.
Кто-то с верой примет это, кто-то – нет,
Нет, не каждому стихи мои близки.

Так ушедших обсуждаем мы порой,
Все плохое, наносимое молвой,
Отвергаем, чтобы память добрых дел
Не тускнела в стороне его родной.

После смерти отстоять я не смогу
Чувство жизни, что легло в мою строку.
Это мненье в своем сердце сохранив,
Вот что высказать хочу, пока я жив:

Не суди о человеке, не познав,
Не суди, в кругу его не побывав.
И над путником не смейся, тяжкий груз
На свои в дороге плечи не принял.

Словно в лодке, что на море, – в те года...
Не забыть эпоху эту никогда.
Мое время не похоже на твое.
Если сядешь в эту лодку, что тогда?..

Сам отсек я пуповину, выбрал путь.
Тьму раздвинул, никуда мне не свернуть.
Так что полностью судьбу мою познай,
Верю, что поймешь меня когда-нибудь.

ВЫБОРОЧНЫЕ МЕСТА ИЗ НАЗИДАНИЙ

Лень достойна укоризны, не достойна добрых слов,
Не стыдись учиться жизни у поживших стариков.
Если ты познал науку, постарайся передать
Знанья сыну, внуку, другу, чтобы мир могли познать.

Твои знанья бесполезны безнадежному глупцу,
Что не вытащить из бездны, по его видать лицу.
Сколько б зерен ни бросали в каменистую среду,
Зерна не произрастали сеятелю на беду.

Попугай, хотя и знает обиходные слова,
Все же птицею внимает в то, что выдала молва.
Так подобно попугаю есть в ауле человек,
В суть предмета не вникая, не найдет себя вовек.

Как в дырявую посуду не нальешь святой воды,
Так у алчного часть ссуды не добьешься в дни беды.
И в рубли ты черный камень не старайся превратить,
И коварного стихами к доброте не приобщить.

Он использует науку, он использует стихи,
Чтобы злу они порукой стали бы в его деньки.
Знания преображают или губят этот мир.
Важно, кто их применяет – исцелитель иль вампир?
Подлинный глупец не в силах твою мудрость
оценить,

Знать, природа обделила, не за что его винить.
Если бы он знал об этом, разве звался бы глупцом?
Неуместно звать поэтом неучи с таким лицом.

И не дело за учебу плату брать, торг ни к чему,
Главное поймите, чтобы – быть богатым по уму.
Тот смышен, кто все стремится неизвестное
познать,
Неизвестное известным с каждым годом поглощать.

Вот луна, что отражает солнца заходящий свет,
Пусть по лунам мир считает – сколько вышло лунных
лет,
Ты по звездам время года распознать в ночи сумей,
Отраженный луч восхода солнца самого слабей.

Добрые дела отныне верх одержат над бедой,
Станут жаждущим в пустыне оживляющей водой.
Горною ночной прохладой утомленного взбодри,
В спелом яблоке из сада зернышком живи внутри.

ПРИХОДИТ ЛЕТО

Вот и тяготы зимы уступили лету.
В нежном мареве холмы, степь близка к расцвету.
Нет ни ложки снега, нет ни кусочка льда,
Мир, что вырвался из тьмы, воспевать поэту.

Тяга к росту у детей, жаждут порезвиться,
Тканью пестрой ширь степей, жизнь в ней будет
длиться.
И в ауле старики греются на солнце,
Речи о былом легки, и казан, на три ноги чуть
привстав, дымится.

Стригунки, бычки, ягнята летним днем окрепнут.
Им лужайка маловата, буйство трав на пепле.
Хоть Всевышний дал отчасти, но не долг счастья
век,
А степное это счастье не постигнет человек.

ТОЛСТОСУМЫ. СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО

Толстосумы миром правят, молвят, что в делах
верны,
И друг друга в мире славят, утверждают, что честны.
Понял я, быть может, поздно – нас куда они ведут,
Эти умыслы и козни, что не каждому видны.

Расскажу о них, послушай, может быть, и ты поймешь,
Беспринципные их души ты в любом kraю найдешь.
Распознать в степи нетрудно толстосума-главаря.
Он всесилен, чист наружно, но видна в поступках
ложь.

Всех купил своим богатством, думает, что мир – его,
Словно управляет царством, не жалея никого.
Если ты перечить станешь, голову снесет тебе
Иль тебе силки расставит, не оставив ничего.

Иль тайком натравит свору кровожадную собак.
Может быть, спасет в час ссоры жизнь твою
животный страх,
И безвольно на колени с возгласом: «Прости,
таксыр!¹»
Рухнешь, став рабом и тенью, свой же приближая
крах.

Будешь близок с ним – возвысит и тебя он до небес,
Приобщит тебя к корысти, и в тебе родится бес,
Бес господства над народом... Но останешься рабом –
Внешне вроде благороден, но во лжи погрязший весь.

Ты мечты его лелеешь – если преданно глядишь.
Перед ним от страха млеешь, ночи напролет
не спишь.

¹Таксыр – господин.

В безграничной его воле – миловать или казнить,
Рабскую под гнетом долю ты в краю родном влачишь.

Ты приказы исполняешь, предаешь своих друзей,
Волею его караешь, сеешь страх среди людей.
Исполнительным орудьем стал в руках владыки ты,
За него готов встать грудью, ты – звено его цепей.

Победив ценой любою ненавистного врага,
Он пожертвует тобою в нужный час исподтишка.
Обронив слезу пустую над судьбою злой твоей,
Он забудет подчистую о тебе наверняка.

Себялюбец, знать не хочет, чем обязан миру он,
Он себя в пророки прочит, в кознях дьявольских
силен
И возносится все выше, о Всевышнем позабыв,
И Всевышнего не слышит, жаждой власти оглушен.

Кто виновен в этой жизни, только ли ему судить?
По одним спрятывает тризну и других готов забыть.
Собеседник с чистым сердцем, рассуди своим умом,
Может ли единоверцем зваться он в краю родном?

И за ним, быть может, правда, и за ним, быть может,
путь?
Может быть, он чью-то волю исполнял, и в этом суть?
Может быть, свою же долю проклинал, когда
вершил?
Может, мысли о народе и его терзали грудь?

Может быть, несправедлива память о его делах?
Может, кто-то молчаливо переборет этот страх?
Собеседник мой, подумай обо всем, что говорю,
Показал я толстосума, да простит меня Аллах.

Толстосум уверен в жизни, утверждает: «Я – есть
Бог!»

Не потерпит укоризны он от тех, к кому жесток.
И хотя Всевышний терпит толстосума-главаря,
Знаю, после его смерти будет счет предъявлен в срок.

О, Аллах, прости нас, смертных, за крамольные
стихи,
Может быть, и мысли эти пострашнее, чем грехи,
Милости твоей нам хватит на земную нашу жизнь,
Разве толстосум оплатит те грехи, что велики?

Вы не слушайте, джигиты, речи толстосума, он
Со своею сворой-свитой в небесах приговорен.
Только лишь Всевышний знает душу каждого из нас,
Ибо он лишь утверждает жизни праведный закон.

ОГОНЬ. ЖИЗНЬ

I

Словно кто-то повелел зажечь огонь,
Пожелав зажечь огонь, обжег ладонь.
Собираясь осветить просторный дом,
Всем насущным запасался в доме том.

Чиркнул спичкою – и вспыхнула она,
На мгновение огнем озарена.
Нетерпение мое сродни огню,
Тьма пространства, отступить она должна.

Словно вновь подбросил я побольше дров,
Зарождалась теплота душевных слов.
Но как будто гнев безумного огня
Душу опалил, опустошил меня...
Умирало пламя, угли чернотой
Угнетали мои мысли в час ночной.
Жизнь, пылавшая, как пламя, стала пеплом
Или, может быть, развеялась золой?

I

Жизнь имеет три этапа в наши дни,
Старость с детством, меж собой они сродни.
Средний возраст – время поисков, расцвета...
И в дорогу манят звездные огни.

Понапрасну время жизни не теряй,
Понапрасну в спор никчемный не вступай,
Пожалеешь, свое время упустив,
Имя доброе свое не предавай.

Жизнь растет из детства, средний возраст – суть.
Если к старости нам не на что взглянуть,
Значит, жизнь твоя полна пустых похвал,
В три куплета твоя жизнь, не обессудь.

* * *

Был рожден как бы в рубашке,
Был завернут в чистый холст.
В жизни,
Словно бы на скачках,
Миража мелькает хвост.

Сколько ты богатства нажил,
Сколько накопил добра!..
Рисковал душою даже
Ради золата-серебра.

Друг вознесся, враг низвергнут,
Цели так достигли вы.
Трон устойчив, счастья беркут
Падает на зов травы.
Дни без горя, сердцу вторя,
Не вернуть мне вас, увы.

Где все это? Нет ответа.
Ничего не взяв, уйдем.
Все проходит в жизни этой,
Может быть, слепым дождем.
Мы травой сгорим у лета,
Но покоя не найдем.

По теченью бьет о камни
Жизни быстрая река.
Ядом стал напиток славный,
Дрогнула твоя рука.
Мы исчезнем, друг мой давний,
Словно горсточка песка.

Нас травинками в потоке
Закрутило, занесло,

Жизнь свои выносит сроки,
Каждому – свое число.

В бездне тени наши никнут,
Обретем покой, когда
Успокоится, притихнет,
Перестанет течь вода.

* * *

Будь стрелком, что бьет по цели, снова видя в жизни
цель,

Землепашцам на посевы не гони с вершины сель.

Будь, как облако, что дарит легкую в дороге тень,
Исчезая там, за далью, если на исходе день.

Мачтой будь, что крепит рею, раскрывая паруса,
Будь огнем, что в стужу греет, но не обжигай глаза.
На пути своем тернистом причиняем боль ступням,
Будь тропою каменистой, чтоб дойти до цели нам.

ПРОЩАНИЕ

Жизни миновали сроки, ничего ты не достиг,
Пролетели дни эпохи, пользы нет тебе от них.
Неучем твой сын в ауле среди сверстников своих,
С верного пути свернули, безысходность караулит,
Нету помыслов благих.

Дня полезного не будет, если не готов идти,
Без огня в теченье будней цели в жизни не найти.
Белый лист – мой спутник верный, а перо – помощник
мне.

После смерти кто же первый свет зажжет в моем
окне?

Пусть язык мой бедный снова молвит слово в тишине,
Пусть Аллах за это слово, что судьбы моей основа,
Не сожжет меня в огне.

Степь моя, чего я стою, если можешь, мне ответь.

Родичи, от вас не скрою, суждено мне умереть.

Без ученья нету счастья, в знаньях счастлив человек,
Будьте к знаниям причастны в этот просвещенный
век.

Вы трудитесь, не ленитесь, время знающих пришло,
Доброму всему учитесь, чтобы уничтожить зло.

Клад единственный на свете – это знание наук,
Убеждаюсь вновь я в этом, жизни завершая кру

Человек без знаний, словно бы колчан без стрел.

Воспитайте вы потомков для хороших, добрых де-

Как засеянное поле всходы ласт, вот так они

По своей познают воде мир, в котором не одни.

О казахи, встрепенитесь молью перед смертью!

Постигайте мир, стремитесь знать законы бытия.

Постройте мир, стремитесь стать законом бытия.

СЛОВО¹

I

Бесконечен, обновляя свой покров,
Этот мир во глубине рожден веков.
Что создателю известны его строки,
Вы в кругу поймете мудрых стариков.
Там, в древности, сменив друг друга снова,
В пещерах обретали чувство крова,
И человек подобно зверю был,
Не ведая о тайной силе слова.

II

Сильный слабого к огню не приближал,
Даже если он огонь оберегал.
Чтобы выжить в том единоборстве,
Против силы слабый хитрость применял.
Был дубиною порой вооружен,
Отбивался он, когда был окружен,
И сила отступала перед ним,
Так в неравном поединке выжил он.

III

Там умельцы сотворяли у огня,
Может быть, из камня острие копья
И плавить наловчились эти камни,
Тайну выплавки от глаз чужих храня.
Бог железа изменил весь род людской,
Стал иным, чем прежде, первобытный строй.
Все ж на слабых и на сильных он, как прежде,
Разграничен был небесною рукой.

¹ Поэма «Слово» была задумана как широкоохватное вступление к переводу Шакаримом ряда стихотворений А.С. Пушкина.

IV

На древе жизни словно бы три среза –
Век дикости, век камня, век железа,
А там, как следствие и мимики, и жеста,
Явилось слово – это антитеза.

V

Речь свою со слова «мама» мы ведем,
Речь свою обогащая, мы растем.
От животных этим самым отличаясь,
Образ слова раскрываем день за днем.
Состязаться стали словом, но опять
Стали хитростью беседу заполнять,
Зависть ядом проступает между слов,
Так и словом научились убивать.
Доброта исчезла, уступив вражде,
Не дождешься слова доброго в беде,
Даже если на шаре воздушном мы –
Словно птицы или рыбы, что в воде...

VI

Пароход и паровоз, воздушный шар –
Это все как будто миру божий дар.
Наряду с прогрессом грозный динамит
Раздувает на земле моей пожар.
В этом мире убивать легко огнем,
Пушки, бомбы, сотворенные умом,
Все живое и за несколько минут
Уничтожат в дни войны в краю родном.
Огнестрельное оружие, оно
В руки каждому из нас теперь дано.
Человечество придумывает войны,
Как на бойне, гибнуть многим суждено.
Все во имя истребления людей,

Чтобы править ими, чтобы быть сильней,
Языку красноречивому дано
Грешных нас спасти от гибели своей.

VII

Слово, что попало в цель, сильней огня,
Это слово по судьбе ведет меня.
Пусть глупец один мою оспорит мысль,
Но ему не оседлать в степи коня.
Слово мудрое ты в памяти храни,
Слово мудрое бессмертно в наши дни.
Даже рукопись поэта после смерти
Будет жить, пройдя и воду, и огни.
Удается слово вечное не всем,
Без таланта ты останешься ни с чем.
И, быть может, есть на тысячи один,
Чьи стихи не повторяются ни с кем.
Навои, Ходжа Хафиз и Физули,
Мудрость словом передать они могли.
Байрон, Пушкин, Лермонтов, Некрасов –
Словно звезды человечества взошли.
Разные поэты в каждой есть стране,
Перечислить их – не хватит пальцев мне.
Многие ушли, оставив книги нам...
Том раскрыт стихов, не гаснет свет в окне.

VIII

Рассказать одну историю хочу,
Издалека путь привел меня к ключу.
Я созданную Пушкиным легенду
Вам перескажу, подняв в ночи свечу.
То, что слушали до этого меня,
Сердцем и душою благодарен я.
Слово русского поэта постигайте –
Неизвестные познаете края.

Образ жизни, может быть, у них иной,
Но поэзия живет семьей одной.
Отвергая то, что ей не по душе,
Покоряя поэтической строкой.
Западая в душу каждого из нас,
Помогая пережить тяжелый час,
Поэтическое слово нами движет,
Чтоб источник света жизни не угас.
Так мы жажду утоляем из ручья,
Тот, кто жаждет знаний, он поймет меня,
Благодарны гению, что оставил нам
Образы свои, как свет былого дня.
Мысли Пушкина легли в мою строку,
Но дословно передать я не могу.
Пусть в аule нет ученых стекол¹,
Поэтическому я верен языку.
От текста отклоняться не намерен,
По смыслу, по сюжету труд мой верен.
И вдохновение мое подспорьем мне,
Ибо ключ для пересказа не утерян.
Не забавы ради Пушкин написал,
Для людей свои он мысли излагал.
Чтоб характер того времени познали,
Он в стихах эпоху ту обрисовал.
Написал о настоящей он любви,
Верность эту, сотворенной на крови,
Он в сердца своих героев заключил –
Это все ты, мой читатель, улови.
Что на внешний вид обманчив человек,
Что меняется за свой недолгий век,
Что от почвы, окружающей среды
Человек зависит – словно бы побег.
Может, кто-то осудить меня готов,
Что даю вам перевод я русских слов.
Не имея представления о сути,

¹ В смысле нет просвещенных людей, носящих пенсне.

Тот глупец, что обвиняет, нездоров.
А теперь я начинаю свой рассказ,
Может, с пользой кто послушает из вас,
Может, кто-то не дослушает, уйдет.
Ведь не каждому доступен звездный час.

ПОЭТАМ

Волнуясь, песни вдохновенные слагай,
Объятый чувствами и в мыслях – через край.
Заветные слова пусть обовьют,
Как будто в колыбели спиши, увидев рай.

К запросу публики, поэт, будь начеку
И на вопросы отвечай, как на духу.
Представ в момент отчаянным стрелком,
Ты прямо в сердце порази и заликуй.

Почтение к поэту – для народа честь.
Поэзия украшает жизнь, как и есть.
Пусть акинаком проникая в грудь,
Возвысит душу, поднимая до небес.

Озвученная песня до костей проймет,
Коль есть в твоих строках заоблачный полет.
Снаружи – роза, с таинством внутри, –
Вот отчего тотчас душа вся запоет.

Поэзия в тебе совет свое гнездо,
От грязи сердце очищая, как водой.
Степной простор от жажды утолив,
Пускай она течет божественной рекой.

Твои стихи должны быть зеркалом души, –
Тогда словаозвучны, рифмы хороши.
В пути они, вздымая совесть враз,
Пронзительно откликнутся волной в тиши.

ПЕСНЯ, В КОТОРОЙ НОВЕЙШИЙ МОТИВ

Песня,
В которой новейший мотив,
Тесно
В ней рифмам, коль новый курсив.
Желанию под стать

В груди
Невольно трепещет душа.
Гляди,
С мелодией как хороша,
И легко воспринять.

Созвучный такт
Ожил в стихах.
Серебро с медью нельзя
Мешать в словах,—
И лад в строках
Воспрянет, верно разя.

Весом
В этой песне мизерный знак,
Притом
Рифмы умещены в кулак,
Рожденные во мне.

Тайне,
Что надо раскрыть,
Крайне
Необходимо явной быть.
Смысла нет в стороне.

Восемь слогов,
Парных рифм шесть.
Две строчки представили в трех.
Кто прав, кто нет,

Коль дан ответ,
Где рифмы найдены впрок?

Силен
Днями без хлопот и беды.
Умен
Ночами, не зная вражды!
Есть ли польза от вас?

Воспрял
Шестидесятилетний пик.
Не внял
Старости, головой поник.
Недалек смертный час?!

Годы в узде,
Слезы везде.
Без тщетных сил опьянен.
Судьбе в укор
Потущен взор,
Могильным духом пленен.

Юность
Вернется ли, если взмолюсь?
Трусость
Уйдет ли, если напьюсь.
Холодом весь объят.

Так мной,
Разум, всецело не владей.
С тобой также не угнаться за ней,
Юность – прошлый парад.
Шестьдесят лет
Зубам во вред.
Был в юности старика
Охаять готов.
Сейчас без слов
Воспринимаю закат.

Судьба
Рождает насильно дитя.
Борьба,
Где страсти гонят, колотя.
Это – любовный путь.
Силен,
Кто правит страстью своей.
Пленен,
Кто слепо подвластен ей,
Лестью наполнив грудь.

Отец и мать,
И все опять
Внушают себе на ходу:
Будет пример –
Любви кавалер
Вырастет где-то в роду.

1919

О МОЛОДОСТИ

Как жемчуг глаза,
Слова, как слеза,
Блещут всегда чистотой.
Облик – луна,
Повадкой красна.
Ее не представить иной.
Обильным умом хороша:
При встрече растает душа.

Как пери в раю,
Найду – запою,
Восхитительно стройна.
Добротный росток,
Стан скручен в клубок,
Без недостатков она.
Встретившись как-то с такой,
Не потеряешь покой?

Лучистым взором
Глядя с укором,
Коснется шелковых волос.
Лишившись сил,
Словно мир не мил,
Сердце падает под откос.
Дева на свете всех милей,
Юноша, ластясь, рвется к ней.

Игриво, как ртуть,
Лисой маня в путь,
Уводит мыслей прицел.
Соколом взлетев,
Алмазом огрев,
Ставится высшая цель.
Не зря устремлен джигит,
Взволнованно сердце стучит.

Враз изменившись в лице,
Бегая в темном кольце,
Проводит ночи напролет.
Здесь не до скота,
Оплела суета,
Душа устремилась в полет.

О чести пропал разговор,
Когда чувств ощущил напор.

Светясь ковылем,
Одевшись щеглом,
Страной от глаз хоронясь,
Невесту ища,
Душа как в клещах,
На дальность аула не косясь,
Ловкого друга прихватил,
Соколом взмыл изо всех сил.

Пред оком – аул,
Его обогнул,
Не смея заехать к ней тотчас.
Стоит вдалеке,
Сердечко – в пике.
Терпение иссякло как раз.
Отправил друга послом:
«Пришлет ли весть этот дом?»
Товарищ в тот миг
Беззвучно проник,
Словно пронырливый змей.
Как сокол, кичась,
В окно не стучась,
Приносит весть поскорей:
«Пожелание передай,
Коль джигит, заходит пускай».
Насупясь в укор,
Одежде – отпор,

Крутясь, как веретено;
Тихонько вошел,
Нежен, как шелк,
Мышке с котом суждено
Быть после входа в тот дом,—
Остальное поделом.

В светлицу войдя,
Вовсю исходя,
К любимой, крадучись, прильнет.
Наощупь во тьме,
Не в своем уме,
Головку рукой обоймет.
И впрямь уйдет в пятки душа.
Поймет она, как хороша.
Подтянув плечо,
Обняв горячо,
Подарит ей поцелуй.
Подсунет тогда
Язык изо рта, —
И все тут, балуй — не балуй.
Ах, несусветный наш мир,
Отныне можешь быть сир?!
Собравшись умом,
Прижавшись к ней лбом,
Не в силах никак отойти.
Есть высшая цель,
Где только предел,
Сапсаном он с выси летит.
Добившись цели тайной враз,
Прильнул к груди, как в тихий час.

С раннего утра
На парня гора
Свалилась до встречи другой:
«Невеста, прощай,
В такой-то день ожидай».

Блеснула во тьме слезой.
Жалко, что близок рассвет,
Больше горя в помине нет.

При свете таком
В постели вдвоем
Возлежать голышом нельзя.
Простишись не в срок,
Шагнув за порог,
Уходит стеснительный зять.
Из дома выгнала заря,
Не сам ушел, хотя не зря.

Покинув сей дом,
Стоят за холмом,
Он выпустил руку едва.
Проводы как миг,
Головой поник.
Звучат прощальные слова.
Так скоро с приходом утра
Настала разлуки пора.
Взойдя на взгорье,
Увидит с горя,
Как милая машет платком.
Товарищу внял,
Коня задержал
И мчится назад прямиком.
Целуя, нет шейки нежней,
Как при расставании с ней.

1879

О СТАРОСТИ

Знаний – пруд пруди,
Язык – речь заводи,
Коль в ладу тело и душа.
Легко от дум,
Хотя наобум,
Когда силен, все круша.
В юности обрадует свет, –
В старости заминка в ответ.

Молодому впрок
И камня кусок,
В поисках сил через край.
В усладу себе
С умом в голове
Светлых дней хоть отбавляй.
Молодость приятна как дар.
Ни сил, ни ума, если стар.
Юности прыть
Заставит забыть
Безумная старость, как гром.
Поникло чело,
То время ушло,
Никто не придет в твой дом.
Дел и старость не лишена, –
За ней грядет с косой она...

С преклонных годов,
Лишившись зубов,
Лица не видно от морщин.
Согреввшись огнем,
Не прозрев и днем,
Остался скелет один.
Не в силах отлитъ во дворе.
Одежда обвисла к поре.

До костей иссох,
Усы, словно мох,
Голова, как череп, притом.
Не владея собой,
Ворчит сам не свой,
Хвалясь, говорит о былом.
Свет очей навсегда погас,
Лучше сгинуть навеки с глаз.

В белках – краснота,
В словах – маята,
Вспоминая юность, живет.
Деснами жуя,
Языком сужа,
Пища впрок совсем не идет.
Как только вложит мясо в рот,
До смерти невпроворот.

Искривившись стан,
Бегать перестал.
Поясница, ноги скрипят.
«Старый пес, не рычи,
Лежи, не кричи», –
Ругает бабенка опять.
Будто в могиле, хоть жив.
Лучше сам уйди, отвратив.
Смерть придет – не беда,
Не взывай никогда, –
Обеспечен конец такой.
Рожденный в себе
Покорен судьбе:
Все равно грядет смерть с уздой.
До возраста старика
Заберет Аллах пускай.

Без чувств, чуть дыша,
Задремлет душа,

Что старости явственный знак.
Отводится срок,
Судьбе невдомек, –
В надежде ворчун просто так.
Шесть десятков лет как предел.
В стариках – не лучший удел!

1879

НАСИХАТ¹

Если в науку устремлен, то вникни в мои слова,
Используй знание к добру, неустанно пополняй.

Мудрецу ты будь шакирдом, неуч – это твой шакирд.
От знаний достойней станешь, сам учить не уставай.

Искусство не терпит кривды, когда дано неуместно,
Волнует сожаление, покамест теплится оно.
Постигнув любое дело, придай ему известность.
Чем прогорает в тебе, пусть будет в мир унесено.

Не думай, что тушице ты сможешь свет свой донести.
Сколько б зерен не разбросал, на камнях
не прорастут.

Хоть попугай заговорит, птица – все ж не человек?
Так и знания в тушице на досуге отомрут.

Если камень смочешь кровью, в жемчуг превратится
ли?

В дырявой посуде не удержится никак вода.

Злодея в науку введешь – использует как пулью,
Живя на пагубу людей, обоснуется вражда.

Как наставник проклят будешь, веря его посулам.
С добром доверчивых людей он приведет впросак.

Мир на науке зиждется, творя и добро, и зло.
Злодей и ученый вкупе – краха всеобщего знак.

Истинные тушицы если не постигнут мудрецов,
Не ругайте, осуждая, как обиженных судьбой.

¹Насихат (араб.) – наставление, пропаганда.

Изначально нету прока от отъявленных голов,
Потому что бестолковый, познав письмо, сам ли
свой?

Людям разными делами заниматься суждено.
Для тупицы нет к науке тяги в жизни никогда.

Тот разумен, кто науку использует на деле.
Кто отринет благо знаний, тот сгорает от стыда.

Если неучи приходят брать уроки лишь у вас,
Не берите ни копейки, неуместна здесь цена,
Потому что ты оплату ощущаешь наяву,
Когда неучу на деле суть не определена.

Твой тупица неразумен, словно малое дитя,
И оплату брать обманом – для разумных не к лицу.

Обучение науке схоже с сутолокой рынка.
Заводить с детьми торговлю, как молитва, подлецу.

Не берите, если даром предлагает скот невежда,
Потому что он намного ниже твоего ума.

Кому-то благо не свершив, не пользуйся услугой.
Ложный принцип «дармовой» будет для тебя,
как тьма.

Вину кого-то не вскрывай, занавеской прикрывай.
Не уподобляйся солнцу, осветив все уголки.

Чужое счастье – не твое, найди свое и осветись.
Не будь луной, что в свете солнца попала в должники.

Как солнце, оповестишь ли нам рассвет или закат?
Отсчитывай, как месяц, сколько пролетело годков.

Не будь, как ночь, с затмением, завязывая глаза,
Страйся быть открытым днем, не скрываясь
под засов.

Помоги страдальцу жаждой, поднеси ему питье.
Но не будь с ледком, чтобы люди не отвернулись
вдруг.

Пусть будут явно теплыми облик твой и все слова.
Сам любезно обращайся, отводя от жгучих мук.

Вполне обессилевших овея прохладным ветерком.
Не набрасывайся вихрем, юрту скинув наповал.
Будь с пользой, как мать – земля, оборачиваясь благом.
Не будь каменистой почвой, чтоб ступни не разрезал.

Предстань небесным облаком, чтобы были тень
и дождь.
Отвернув и сель, и молнии, не взбудораживай людей.

Полноводной рекой веди пароходы по русле,
Не вздымай волны с угрозой кануть в пучине своей!

1911

ПЕСНИ, КОТОРЫЕ СПЕЛ ДЛЯ СЕБЯ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ АБАЯ

«Смерть пришла неотвратимо,
Смерть с косой необратима? –
Говорил: остерегайся.
Пролетело слово мимо?

За несбыточным погнался, –
Сам с собой один остался?
Смерть дана судьбой отменной.
Отчего не удержался?

Устремление благое
Оттолкнуло все родное?
В схватке с вражескою ратью
Достижение какое?

Приобрел немало знаний.
Что исполнил из желаний?
Все обретшее металось
С поражением на грани.

Захотел то обессмертить,
Знаком вечности отметить.
Сохранив при этом душу,
Предстаешь пред кем в ответе?!

В свете благостном был впору.
Отчего в избытке горе?
Стал отчаянно подвластен,
Отогнав свою опору!

Почему возврата нету,
Чтоб помочь душе ответно!
Опознали душегубы,
Что снуют кругом по свету.

Обходи вранье с лихвою,
Не гоняйся за мечтою.
И пророк, и все святые
Не объемлют мир собою.

Находись в покое смирно,
Замоли грехи умильно.
Коль имеешь дом отдельный,
Говори: «Как это мило».

При уме своем устройся,
Ямы кладбища не бойся.
Пред создателем являясь,
Быть рабом его настройся.

Окружение известно:
Человечность неуместна.
Ты с собаками общаясь,
Жил с грехами повсеместно.

В мыслях соберись как надо:
Будь, как горная громада.
Перестань метаться тщетно,
Чтоб проститься с миром в радость.

Что на этом свете жалко,
При достатке нет смекалки?
Кто относится с почетом,
Спас кого сам из-под палки?

Нет друзей, с кем были в братстве,
И к делам не стал причастен.
Жить на этом белом свете
Нет резона от несчастья.

Отчуждение повсюду,
Надоели пересуды.

Разболтавшись, как безумец,
Зря высакивал на людях.

Пламя песен, как на плахе.
Покорись персту Аллаха.
Испытав все блага, яда
Восприняв, умри без страха!

Покорить желаешь души,
Голос слышится все глушше...
Где там теплится надежда,
Чтоб невежество обрушить?

Захотел возвысить друга,
Низложив врагов по кругу.
В результате сам желаешь
Стать божком в своей округе.

У всесильного – задача,
Что опасна неудачей.
Можно в воздухе повиснуть
Вверх ногами, не иначе.

Верный друг за что был предан,
Приводил к какой победе?
В мыслях вот что: «Если буду
Где-то грешен, он в ответе».

Не возьмет твое открыто.
Запряжет тихонько, скрытно.
Попадись в огонь иль воду, –
За лукавство в прежней прыти.

Есть товарищи такие, –
Не покроет душу иней?
Не иссякнет спрос на честность, –
Значит страха нет в помине.

Развелось немало близких,
Умножающие риска.
Наставлял водиться дружно.
Оценен совет столь низко?

Одолела справедливость
Или слов взяла учтивость.
Столько лет не понимая,
Мысль сегодня обновилась?

Чтоб не мучиться до пота,
Окружи себя заботой.
Враг добрей родного брата,
Сдав земле сырой охотно.

Недруг твой на видном месте,
Со страной воспримешь вместе,
Неужели, япыр-ай¹,
Ум восполнился уместно?

Просто в знании нет толку.
Воплоти в дела – умолкну.
Отвернувшись от рутины,
Овладеешь ясным оком.

Что отныне греет душу,
Есть ли в мыслях цель получше?
Что возьмешь от этой жизни,
Чтоб предстать перед богом с кручи?

Пламенел, горя повсюду.
Что хотел, то дали люди.
Перепутав яд с водою,
Успокоился покуда.

¹Япыр-ай (каз.) – возглас удивления.

Отыскал хвалу довольно:
Устремлялся к ней невольно.
Что на голову свалилось?
Видно, джин ударил больно.

Если джин тебя не тронул,
То случайно стал уродом.
Соберись с умом, подумай,—
Смерть все ближе с каждым годом.

За кончиной нет в помине
Ни врагов, ни дел рутины.
Как простишься с белым светом,
Партий склоки тоже сгинут.

Пусть живые вихрем кружат.
Тосковать о них не нужно.
Смысла дум твоих не зная,
Распинаются натужно?

1912

* * *

В году овцы под летний зной
В июле, сотни лун назад,
Родился под своей звездой,
Что шестьдесят сутит в глаза.

Ведя такой казахский счет,
Набрал мушелей¹ пять всего.
Хоть сколько жизни не пройдет,
Все мало, словно ничего.

И жизнь увидел в наготе,
И радость в простоте вселял.
Но яд воспринял в доброте:
В пути науку отстранял.

Давно блуждает мысль во мне:
Кто произвел вселенский мир?
Душа живет ли в стороне,
Когда от смерти станешь сир?

Религии секрет постичь
В Коране норовит мулла...
Здесь нужен осмысленный бич,
Чего судьба не воздала.

Но с мыслью ясною живя,
Напрасно славу я снискал.
Оберегая сам себя,
От времени совсем отстал!

Сапсаном перебив гусей,
Прожил четыре да с нулем.
За годы не предстал бодрей,
Лишь смерти ближе окаем.

¹Мушел – двенадцать лет.

Но как вернуться мне назад,
Чтоб ум вдогонку наверстал.
Найдя науки вечный клад,
Наступит день, что ожидал?

Арабский, русский языки
Попали будто под запрет.
По книге тюрка вопреки
Вобрал познание в ответ.

Трактаты древних мудрецов
На тюркском все ж достались мне.
До смысла философских слов
Добрался, хоть и не вполне.

Но тяга к разным языкам
В края те проложила путь.
За чаем умудрился сам
На Мекку мысли обернуть.

На пароходе долго плыл,
В далеких странах встретил мулл
Страницы нужных книг раскрыл,
Когда приют мне дал Стамбул.

В Париже довелось узнать,
Что есть страна, как Индостан.
Араб, башкир и перс под стать;
Как турок, полиглотом стал.

Вступал в беседы наравне,
Обрел в уме вселенной пик.
Слепцу не быть век в пелене:
Туман, рассеявшись, поник!

С трудом идет чужой язык,
Нужны подспорьем словари.

К произношению привык;
Глаза раскрылись – говори!

Пришлось годков примерно пять
Скрипеть пером под грузом дум.
Копал иголкой, не отнять,
Колодец в мысленном саду.

Чего достиг? Как поступить?
Помрет ли с телом и душа?
Не оборвать бы знаний нить, –
Эх, неуч, взмыл, взахлеб дыша!

1919

* * *

Наступит лето, отселив невзгоды, –
Зима в снегах ушла на север вроде.

Бурана нет и снега нет ни крошки:
Аллах во благо всем творит погоду.

Чтоб в бытие, как взрослый, окунуться,
С холмов детишки вниз стремглав несутся.

И старики, воссев на солнцепеке,
В былую жизнь умильно окунутся.

Рождаются ягнята, верблюжата,
Растут, балуясь с зорьки до заката.

И все-таки не впрок людскому глазу,
Хоть сколько бог ни даст нам благ богато.

1880

* * *

Плохих казахов нет в помине,—
Хватает дури в лучшей мине.
За дело браться сообща
Не вознамерены поныне!

Где честность этого народа,
Чем одарила всех природа?
Такие подлости вокруг,
Что совесть не тупеет сходу?

Теряют скромность из-за чая,
Возьмут и масла, замечая.
Шныряя всюду без стыда,
Урвут твоё, души не чая.

Здоровый слабых унижает,
Тихоню каждый обижает.
Повсюду воровство и ложь.
Вот так поднять ли нам державу?

МЕЧТА

Как лето настанет, невзгоды отступят,
Тальник распускается, вспрянет трава.
Средь зелени смело, размашисто, крупно
Шагает косарь – здесь всему голова.

За ягодой в рощу отправятся девки,
Когда созревает в отвесных логах.
Влюбленный джигит, распознав эту спевку,
Торопится следом, проснувшись в потьмах.

Для пары влюбленной трава, как перина,
Скрывают, как занавес, тенью кусты.
Но мысли о бремени нет и в помине, –
Уйдя с того места, уходит в мечты.

У каждой души есть немало желаний:
«Безмерное счастье, достаток, покой».
Нужна еще сила помимо стараний, –
Лукавый склоняет на выигрыш свой.

Вороне, свинье и дворовой собаке
Бывает пределом мечтаний и кал.
Стрелку бы ружье, бедняку, хоть на свалке
Досыта наевшись, довольно икал...

Нагому пристало мечтать об одежде.
Замерзшего свет вдалеке позовет.
Найдется все это, как ныне и прежде,
Исконным трудом, а не свыше спадет.

О юности грезят стариk со старухой.
Мечтает малыш поскорей подрасти.
Вздыхая о доле мужской на досуге,
Не могут и женщины прав обрести...

Для многих мечта – это двор и скотина,
А вору приснится лихой аргамак,
Цари ненасытны, хоть вся половина
Земли отвоевана грозно и так.

Одежда для франта в пределах мечтаний.
Больного заботит, как душу сберечь.
Завистник и мститель в недружеском стане
Тебя размечтался безвинно упечь.

Вглядышься и вникнешь, что люди в заботах,
Повсюду мечтая возвысить себя.
Не в силах понять иль послушать кого-то,
Им мнится, что вечно коварна судьба...

1880

* * *

Мулла гяуром назовет чужого,
Не зная в языке его ни слова.
Настолько сей бедняга своенравен,
Что оскорбление на все лады готово.

Казах не ведает о лучших русских,
Но от того ему ничуть не грустно.
Отвергнув кладезь светоносных знаний,
Невежде подражает с взглядом тусклым.

Не знает, что искусство их постигнув,
Сумеешь и вершин наук достигнуть.
Познав об их поэтах и ученых,
Не смог бы совесть с честностью отринуть.

Толстого, Салтыкова обожая,
Добрался бы до разума без края.
А Пушкина и Гоголя строками
Вставал бы утром, радостно сияя.

С поэтами, как Лермонтов, Некрасов,
Советоваться можно громогласно.
Прозрев в степи, с раскрытыми глазами
Сородичей повел бы к свету властно.

Не подражай затворникам-софистам.
Они затянут тучей в небе чистом.
Равняясь на прозревших, расцветаешь,
Поскольку обучают к сердцу близко.

Покорствуя льстецам, с пути собьешься,
О, мой казах, слезами обольешься.
Когда и впрямь направишься к науке,
Свободы для страны своей добьешься.

1925

* * *

Простишь иному недостатки,—
Аллах откликнется в порядке.
Безумно будешь препираться —
Пробьет от темени до пяток.

Тому, кто в жизни добродушен,
Поможет бог, придав отдушин.
А для корыстного и злого
Блаженство скроется, как уши.

Во мне найдешь по жизни друга,
Перерождаясь, как по кругу.
В моих словах уместно яду,
Что плод сердечного недуга.

Но не бросай, хоть будет горько:
При жажде, как вода, и только.
Сумей познать, что с глаз укрыто,—
Не подсчитать коварных сколько.

* * *

Бездушным став, обрел какую пользу?
Отрадно было летом в чистом поле.
Уверился, что смерть необратима,
Иначе бы искал отца¹ невольно.

По матери тоскуют мои дети,
Познав убогой доли ад на свете.
Ты пожалей сирот моих несчастных,
Коль человек пред разумом в ответе.

¹После смерти отца мальчик Шакарим в горечи раздавил ногой червяка, от имени которого сочинил эти стихи, ставшие затем песней.
— M.C.

* * *

И я уйду, навечно сгину,—
Придешь оплакивать могилу.
Не встану, отклика не будет.
Читай стихи мои с другими.

Где цель твоя? Нашел ли друга
В пределах истинного круга?
Вся польза в праведном совете,
Который дан в благих путах.

* * *

Три вида жизни знаю, что хмельны,
Все возрасты равно наделены.
Необходима жизни середина,
Когда вершины в руки не даны.

Оберегай в ту пору каждый час.
Упустишь время – каяться не раз.
И днем, и ночью постигай науку,
Чтоб знание воспрянуло подчас.

Начало – детство, середина – лик.
Лишившись сил, бездействует старик.
Всю жизнь твою, воспетую огулом,
В двенадцать строк вместил и молча сник.

МЫСЛИ НА ГОРНОЙ ВЕРШИНЕ

Взобравшись на одну из гор Чингиса,
Так хорошо мне в мысли погрузиться!
Беззвучно пожелав спокойной ночи,
На смену дню приходит тьма с зарницей!
На небе кружат и луна, и звезды.
Полярная звезда лишь в прежней позе!
Движение небесных тел с закатом
Указывает круг земли серьезно.
Сверкает молния, внезапно ослепляя,
И дождь идет, до нитки промывая.
И ливень, и родник водою полны,
Что им не видно ни конца, ни края.
Тепло и холод порождают влагу.
Извечно пар земли несет отвагу.
Глаза прищурив, пребываешь в думах?
Без ясности ума к делам ни шагу.
Рука, язык и нос, глаза и уши
Обманны, коль не вникнешь мыслью лучше!
Углубившись в себя до поздней ночи,
Пришел я к выводу, чего не знаю круче:
Покроет тьма, умчавшись днем от света,—
В погоне друг за другом беззаветно.
Чтоб мир не утонул во мгле кромешной,
И звезды, и луна встанут приветно.
Так выверен их всход, как и намедни,—
По кругу продвигаются бесследно.
И солнца свет, и круг земного шара,
Как ночь и день, уличены в победе.
Когда бы мы лишились тьмы и света,
Откуда объявились наши дети?
Невежества поскольку с головою,
Реальное мы видим без секретов!

* * *

Вначале охота была моей страстью,—
Свободно дыша, никакой тебе власти.
А ныне найдется пригодная лошадь,
Изъезженной станет от тяжкой напасти.

Промолвил об этом совсем не с упреком.
Не думай, что старец пристал ненароком.
Охота как страсть — не удел азамата.
Трудом увлекайся, гуляя наскоком.

О многом поэт вспоминает в порыве.
Слова задушевны, хоть внешне с надрывом.
Десятками лет занимаясь охотой,
Стою как мудрец, наставляя с обрыва.

Твое не сравнится со временем нашим,
Уплыла пора, что казалось иначе.
Трудом благородным овеяно время,
Что с беркутом нет той желанной удачи.

* * *

Владею тюркским с самых юных лет.
Наук худых на языке том нет.
Без устали трудился, в суть вникая,
И предо мною воссиял рассвет.

Пленил давно поэзией Восток,
Что мир познал доподлинно, как мог.
Случайно русским языком увлекся,—
Познав его, отверг хулы поток.

Толстой – учитель мой, не откажусь,
Хоть как шакирд гяуром назовусь.
Он предан был и совести, и чести,
За что носил глубоких мыслей груз.

Толстой гяуру вовсе не под стать.
С молитвами иной обманет мать.
Прослыv святошней, сир и лицемерен,
Как можешь светоч мира опознать?

Софист толкует дoгмы на свой лад,—
По разуму он ниже во сто крат.
Аскет не стоит Льва Толстого ногтя:
За тысяч их не променяю, брат.

Не сгинешь, следя за его умом.
Отринь софиста, обходи притом.
Приемля справедливость, ум и честность,
Обманутым не будешь, дело в том.

НОЛЬ

Перо – мой лучший друг, приятель верный!
Друзей немало потерял, наверно.
По-вражески относится товарищ,
Представ с гордыней злобной на поверке...

Свеча горит и освещает ярко,
Что многие довольны тем подарком.
Но если ветер иль вода потушит,—
Затопчется, ни холодно, ни жарко...

Не говорю о том себе в угоду:
Так человека создала природа.
Лишь только жаль, что днем с огнем не сыщешь
Благого сердца при честном народе...

1924

ПОВЕРЬ НАУКЕ

Коль в науку устремлен,
Вникни в правду слов моих:
Действуй как осведомлен,
Познавай, чего достиг.

Не зазорно, что шакирд,
Поделись, когда умней.
Хорошо, что есть кумир,
Знаний также не жалей.

Не носи впустую ум,—
Так начнет он вскоре гнить.
Не пуская наобум,
Вскрой секрет искусства жить.

Дай науку, не томи,—
Обновится с ней народ.
Поделись добром с людьми,
Что с тобой зазря уйдет.

От невежды прока нет,—
Пользы благостной не жди.
На камнях посев — в ответ
Ничего не обрести.

Попугая языку
Научи — заговорит.
Так наука дураку
То, что не обогатит.

Если камень сунешь в кровь,
Он кораллом станет ли?
Влей в дырявое ведро
Воду — слезы потекли.

Но злодею не давай
В руки от науки ключ:
Звали как лишь поминай,
Потеряв последний луч.

На тебя проклятый град
Переправит злостный лгун.
Так безумный супостат
Умных гробит как болтун.

Знание наук – идей
И начало, и конец.
Коль ученый муж – злодей,
Сгубит Землю как подлец.

Если слово мудреца
Не подходит по уму,-
На безвинного лица
Обижаться ни к чему.

Он живет среди невежд,
Хоть и верит чудесам.
Отпрыск, полный всех надежд
Может выучиться сам?

Среди множества забот
Каждый занят лишь своей.
Для науки есть подход,
А невежде не до ней.

Тот умен, кто хочет знать,
Устремляясь, видит свет.
Плохо, если благодать
Приобрел, а света нет.

Если к вам придет иной
Брать науку изнутри.

У него за труд такой
Ни копейки не бери.

Потому что у тебя
Есть реальное в руках.
Хоть берет твое, любя,
Неизвестно что и как.

У невежды нет ума,
Как дитя, наивен, прост.
Неуместен здесь обман, –
В твоей мудрости вопрос.

Обучение за мзду
Спекуляции под стать.
Накликать с детьми беду
Не позволить шариат.

Коль невежда даст скота,
Не бери его гуртом,
Потому что тот чудак
Обделен простым умом.

С кем-то благом не делясь,
Не воспользуйся зазря,
Потому что, заскупясь,
Можешь ум свой растерять.

Не вскрывай ничью вину
Облеки ее в вуаль.
Солнцем уходи ко дну,
Затемняя, как ни жаль.

Счастье чье-то – не твое,
Лишь свое враз получи.
Месяц светлость подает,
В долг у солнца взяв лучи.

Солнцем всех оповещай
О конце, начале дня
И, как месяц, представляй,
Жизнь минувшую подняв.

Но, как ночь, сплошным не будь,
Завязав глаза совсем.
Укажи, как день, тот путь,
Что найдется в жизни всем.

Надо жажду утолить,
Как холодная вода.
Ледянью не испить,
Что запомни навсегда.

Как огонь, неси тепло
И в словах, и на лице.
Не сжигая плоть назло,
Радость сохрани в конце.

Ветром теплым пыль сдуvай,
С ослабевших от трудов.
Юрту с места не сдуvай,
Чтоб сосед был жив-здоров.

С пользой к людям, как земля,
Оборачивайся впрок.
От камней избавь поля,
Чтоб не ранить пальцы ног.

Тенью облачной укрой,
Когда надо, дай дождя.
Паводком не беспокой,
Молнией с небес сойдя.

Будь готов большой рекой
Пароходом прокатить.
Волны сбавь, владей собой,
Чтобы все не поглотить!

* * *

В какой-то год, сражаясь беспощадно,
Солдаты обливались кровью смрадно.
В Америке когда происходило,
Богач «Уолдер Белдет» жил отрадно.

Сразили многих вражеские пули.
Но благо, что Америкой замкнули.
Для помощи израненным солдатам
Тот сэр врачей отправил накануне.

В наказе он твердил, чтоб всех лечили,
Считая братьями, убогих не делили.
Снабдив лекарством, пищей при сиделках
Отправил, чтобы пользу приносили.

Направил сотнями машины и телеги.
Но веры нет и на душе не легче.
Подумал :«Все пойдет совсем некстати,
Коль находится в полусонной неге».

На корабле он ехал с этой мыслью,
Чтоб убедиться в пользе бескорыстной.
Здесь посередине моря бушевавшем
Беда настигла набежавшей крысой.

Увидев, что ко дну уходит судно,
Подал хозяин лодку, как ни трудно.
Уолдер Белдет сам не стал спасаться:
Детей и стариков садил прилюдно.

Помог он беззащитным в круговорти,
Хотя и сам был недалек от смерти.
Вдруг женщина забегала ужасно,
Ей не было спасения, поверьте.

Корабль, накренившись, стал тонуться.
Невыносимо женщина кружится.
Лишив себя спасательного круга,
Уолдер Белдерт смог тем отличиться.

Захватчики спускают море крови,
Преследуя, не поведут и бровью.
Направив молодежь свою под пули,
Громить детей и стариков не в нови.

Подумав как-то обо всем при этом,
Рабом не хочется и жить на свете.
Мне ангелом представился Уолдер,
Кто по-геройски был за жизнь в ответе.

КАЗАХ В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ О СЕБЕ

В руке перо, взволнован песней очень,
Сам от себя отвержен между прочим.
Заброшенной могилой представляясь,
Тоскую про былые дни и ночи.

Бледнея, обращаюсь к людям слезно,
Под тяжестью вины клянусь серьезно.
От дел минувших мне бывает стыдно,
Когда, увлекшись, принуждал с угрозой.

Касательно причастного вопроса
Забывается сердце гулко и без спроса.
Известно, впереди – вода без края,
Подумай о конце, что перед носом.

О чем жалеешь, с чем проститься жалко?
Бесился вдоволь – не пресечь и палкой.
Раскаяние приходит с поздней думой.
Всему есть мера, что под стать смекалке!

Где верный друг и где страна родная?
Имеешь ли хребет, их укрепляя?
Язык усох от жадности и чванства.
О чем жалеть изволишь, умирая?

Как было, так и есть на самом деле,
Вселенная в извечной карусели.
Познав ее до дна, предстал виновным,
Что смерть осилил, как мы не хотели.

Дела твои без отклика и пользы.
Бездонный мир от мыслей будет больше.
Труды мои не дали нужных всходов,
Хоть смерть с косою задержалась дольше.

Не будет для тебя другого взлета:
Нет юношеских сил для перелета.
Но по возможности ступай, не пятайся.
Кружение на месте – признак гнета.

Проси у бога за ошибки милость.
Тебе не раз свершать их приходилось.
Держись пред смертью все ж благочестиво:
При свете пасть могилы прояснилась.

Об этом думай – о красе ни слова.
Для хитрости и силы нет основы.
Минувшее не возврнешь, горюя,
Забудь о снах, что тенью бродят снова.

1912

* * *

Иные вторят, что жену оставил,
Что бросить близких и детей не вправе.
Мне прочат долю горькую Толстого,
Когда, лишась ума, оденусь в саван.

Об участи Толстого лишь мечтаю.
Ума не растерял, что отрицаю.
Не распознать вам истинную тайну,—
Себя в глупши я вовсе не караю.

Бываю горд от дум привольных дома,—
Насытился раслабленной истомой.
Мне мыслить суждено до самой смерти,
Хоть в зависти и сплетнях, как в содоме.

Умом итак обделены невежды,
Не буду связывать им языки, как прежде.
Кто воспевает правду всю, тот будет
Востребован с воспрянувшей надеждой.

Одет-обут и на коне исправном.
Мне горя нет, носясь под флагом правды.
Я не стремлюсь к богатству, славе, чину.
Вглядись с умом — предстану в прежнем здравье.

* * *

Не подходите близко.
С бедой хотите льститься?
Замучили Абая,
Так опустившись низко?

Отнекиваясь всяко,
Пинали, как собаку.
Загнать его в могилу
Смогли, устроив драку.

Что вверите потомкам?
Остатки злости только.
От мудрого Абая
Жемчужин было столько...

Добра от чести много,—
Цветов полна дорога.
От вас бесстыдных, лживых,
Зола коптит в итоге.

Не одолеть обману,
Умалчивать не стану.
Глупец бессилен впрочем,
Чтоб залечить мне рану.

Тружусь с лихвой, на совесть,
На благо всем готовясь.
Зарю приблизить надо,
Что для людей не новость.

Бывал и вместе с вами,
Зияла честь с дырами.
Как смолк, признав шайтана,
Не передать словами.

Мечта – добиться цели,
Приняв судьбы обстрелы.
Мне дан на долю поиск,
Чтоб жить на самом деле.

Плоды – для человека,
Пред кем всегда в ответе.
О, молодежь, на выбор
Бери свое при свете!

* * *

Нипочем мне словопрение,
Ни к чему твое горение.
Все беснуются и воют
Под собачье вожделение.

Среди вас не слышал правды,
Ловкачи крадут исправно.
Кровь сосущих у народа
Проклинаю за управу.

Вмig казахов как незрячих
Заведешь в тупик в горячке.
Уступив мерзавцу совесть,
Обелишься ли, не прячась?

ПРОЩАЙ!

Пролетели годы
Без науки вроде.
Выгляжу невеждой
На глухой дороге.

Без присмотра дети
Предстают чужими.
В том я сам в ответе:
Не общался с ними.

Счастья нет от лени,
Без труда растленен.
Вывели казахи
Из себя отменно.

Путь один назначен
К смерти, не иначе.
Сам с собой бесследно
Ухожу тем паче.

Белый лист – приятель,
И с первом как с братом.
Знаю, что оттуда
Не вернусь обратно.

Языком не надо
Разводить досаду.
Пусть Аллах на милость
Дарит мне награду.

Жив народ отдельно,
Одинок предельно.
Будьте в здравье, люди,
Ваш на самом деле.

Плох однако неуч,—
Он не видит неба.
Человеком станешь,
Коль науке внимлешь.

Сеет пропаганда
Зерна, как ни странно.
Не ленись трудиться,
Распри брось желанно.

Клад земной – наука,
В здравии порука.
Озеро познаний
Подноси по кругу.

Горе нес всей грудью,—
Жалость обоюдна.
Разум дан казахам:
Вы же тоже люди.

ПОЭМЫ

ЕНЛИК И КЕБЕК

Эта быль происходила в Чингисских горах между родами Матай и Тобыкты¹ приблизительно в 1780 году. Хотя и говорят, что по шариату выбор отцом жениха своей дочери равносителен законному браку, однако это не значит, что он печется о своей пользе, а наоборот охвачен только благой заботой. Священное писание не наставляет на то, чтобы кто-то продавал свое дитя какому-нибудь уродцу, извлекая выгоду, и накликал на нее горе. Думая именно таким образом, я не считаю деяние Енлик и Кебек настолько уж наказуемым.

Автор.

Небольшое вступительное слово

Живым усопшему не предстать пред нами.
Он сгинет за молчащими устами.
Предстанут все ж отрадные черты,
Когда к заслугам обратится память.

Как зерна жизни, вкрапленный рассудок,
И тоже воспитанию он чуток.
Но разум приумножится потом,
Когда примеров наберется груда.

Познание придет, что взвесить надо.
А движет человечеством все ж правда.
Укор и зависть, даже увлечение
Отметки оставляют как награда

Друзья с врагами встретятся в рассудке.
И есть необходимость в промежутке.
Но друг как враг, а неприятель другом
Внезапно предстают в картине жуткой.

¹Матай и Тобыкты – ответвления племен Найман и Аргын.

* * *

Казахи за калмыками в отместку. —
Писал я в «Калкамане», как известно.
В начале восемнадцатого века¹
Пошли бродягами казахи неуместно.

От Сыр-Дары прогнали их калмыки.
До Чу-реки добрались горемыки.
Гудели белые ступни от боли,
Что вокруг Саумала² падали впритыке.

И тут сказал им Жанибек Шакшак³
— О, дети, помните сей путь однако,
Как «актабан шубырынды» с проклятьем.
Аллах поможет в мести забиякам.

Слезами обливались люди вволю,
Прося аллаха облегчить их долю.
Когда немного отошли от мук,
Подняли дух, сплотившись поневоле.

Аргынцы продолжали путь кочевья.
Батыры с мест вещали о стечении:
Есил, Нура, Каркаралы и Сарысу
Да озеро Шапкар и Улытау в реченьях.

Аргынцы здесь и оседали в массе.
А Семь Момынов⁴ склонны к восвояси.
Зимовьем будут Ор, Елек, Ойыл, Киыл,
Летовка — горы Мугаджара⁵ в красках.

¹В оригинале – 1723 год.

²Озеро Саумал находится в западной стороне Бетпакдалы, где в него впадает Чу. (Автор).

³Жанибек Шакшак – рассудительный человек из рода Шакшак, ответвления племени Аргын.

⁴Семь Момынов – Атыгай, Караул, Канжыгалы, Тобыкты и три сына Басентиина, старшую мать которых звали Момын. (Автор).

⁵Мугаджар – горы, расположенные к юго-востоку от г. Актобе (Актюбинск).

На Малый джуз, к реке Урал, казахи
Откочевали, чтобы жить без страха
Абулхаир сидел там на престоле,
При ком царя признали пред аллахом¹.

Пошли попятное все Семь Момынов,
Мол, русские нас не сочтут за сына.
На склон восточный Мугаджара перейдя,
Нашли места Иргиз, Торгай отныне.

Зажили крепко в тех местах привольных,
Калмыцкий скот по барымте² присвоив.
Абильмамбет как хан Большого джуза
Оповестил, что хватит жить в неволе.

А Самеке – правитель в Среднем джузе.
Из джузов трех не счастье бойцов в союзе.
При схватке двух враждующих сторон
Калмыки дрогнули от мести груза.

Тот бой Аблая вывел на арену:
В единоборстве нет ему замены.
Калмыки не ушли от божьей кары.
Читайте «Родословную...», к примеру.

И посему казахи одержимо
К захватчикам усилили нажима.
Вокруг Чингиса и Тарбагатая
Еще потомки сохранили имя.

Калмыки в панике бежали от разгрома
За Нор-Жайсан и Чугучак в истоме.
Освободив родную степь Арку³,
Казахи оказались снова дома.

¹ В оригинале указана дата: около 1731 г.

² Барымта (каз.) – насильтственный угон чужого скота.

³ Сары-Арка – Золотая степь.

Батыр Мамай примчался на подмогу.
Его к Чингису привела дорога.
К семи Момынам долетела весть:
«Безлюдны все Чингисские отроги».

Лишь часть Момынов стала благосклонной
На переезд в края отцов исконно.
Но Атыгай, Басентиин и Караул
Ответили отказом преспокойно.

И долго их рядили не оставить
Караменде и Кенгирбай¹ на славу.
Так род Матая занял Чингистау,
Пока сородичи пересекли заставу.

Канжыгалы и Тобыкты – два брата.
Иные из Момына безвозвратны.
Просльшав, что Матай на Чингистау,
Канжыгалы на полпути остался.

И в тысяча семьсот восьмидесятом
Здесь Тобыкты устроился без брата.
На Ащысу, Орду, Кокен и Догалан
Батыр Мамай селил свой род с адатом.

Росли батыры в разных ответвленииах.
В Жуантаяке – в каждом поколении.
И эта ветвь взяла Кыдыр с округой,
Взирая на монгольский люд с презрением.

И Кабеке² ведет народ вдоль Чия.
Просторы сочные – его стихия.
С Матаем то в раздоре, то в ладу,
И мысли о Чингисе точат бия.

¹Караменде и Кенгирбай – бии (судьи) рода Тобыкты.

²Кабеке – уменьшительное и уважительное имя бия Кенгирбая, схожее с кабаном, потому что он так же был напорист и силен.

О Калкамане и Мамыр сказании
Читатели смекнули еще ранее.
Попробуйте раскрыть печальный смысл
Теперь Енлик – Кебека в сочетании.

Сказание об Енлик и Кебек

В походах был под тобыктынским стягом
Жуантаяковец – брат Токтамыс.
Ему под стать, прославившись отвагой,
Был и Кебек, кому чужда корысть.

Ему с младенчества присуща удаль,
Что с юных лет лелеял Тобыкты.
Предвидел в нем богатыря как чудо,
В ком сильная душа без суety.

Кебек в пятнадцать лет стяжал известность.
Силен верхом, сам гибок, как камыш.
Он острым взглядом лицезрел окрестность,
Плечистый, невысокий, но крепыш.

Он никогда не убегал из боя.
За свой народ восстанет, хоть свяжи.
Врагу – гроза, а друга встретит, стоя,
И без причин не оскорбит ни в жизнь.

Нысан –abyz святым отцом считался
Он, как баксы¹, повсюду на виду.
В него, как знать, какой-то дух вселялся:
Предскажет, что имеешь на роду.

Кебек однажды посетил abyza,
Шагал он смело, пряником пришел.
И старцу, в ноги поклонившись низко,
Батыр Кебек сказал вдруг горячо:

¹Баксы (каз.) – провидец, знахарь.

– Абыз! Возьми кобыз, открай мне тайну.
Я не останусь пред тобой в долгу.
Скажи всю правду, – это важно крайне.
Любую горечь пережить смогу.

– О, светик мой, не требую оплаты,
Не хлопочу подарка у тебя.
Лишь только не ищи здесь виноватых,
Что скажет джин, то выскажу и я... –

Обворожительные звуки из кобыза
Извлек абыз, качая головой.
«Кара¹ калмык» и «Кюй Коркута» – вызов
Для джинов, что кружились над землей.

Вокруг и стрелы сильно зазвенели,
И музыка уносит с головой.
Глаза баксы совсем осоловели.
Поддаться – можно потерять покой.

То слышен старца затаенный голос,
Что поневоле пробирает дрожь.
То вскрикнет: «а», оглядывая горы,
Что джин на говорящего похож.

Глаза Нысана сразу покраснели.
Едва остановился, побледнел.
Как будто пообщался в самом деле
Он с джинами всерьез, как и хотел.

Абыз Нысан весь обливался потом,
Сказал Кебеку прямо и в упор:
«Твоя судьба у девушки какой-то:
Светла и бровь дугою сверстницам в укор.

¹Кара (каз.) – черный, простой, множество.

Об этом говорю я не напрасно.
Мне это подсказал мой дивный джин.
У черных скал поведаешь опасность:
Разумные глаза, как властелин.

Батыр Кебек, ты встретишься случайно.
Но осторожность надо сохранить.
«Оглядки – все ж не прятки», встречи тайно
Не оборвали бы вдруг жизни нить!»

Загадка растревожила Кебека, –
Но все ж забыта в сутолоке дел.
Ему ль нужна нечистых сил опека.
Остерегаться – не его удел.

* * *

Непостижимо время проходило
Настали холода и выпал снег.
Охота и Кебека заманила,
Что в ноябре с орлом пошел в набег.

В норе лису поймал он на Койтасе,
На Хан¹ взбирался, чтоб пойти домой.
Но в тот момент следы, как знаки, ясно
К лисе ведут, что скрылась за скалой.

Камчой стегая лошадь рыжей масти,
На Хан взобрался прежде, чем лиса.
Батыр в азарте, что не до напасти,
Но буря поднималась, колеся.

Лису увидев, полетел и беркут.
И где-то взвился, крылья распластав.
Буран заставил заплутать Кебека,
И мимо он проходит неспроста.

¹Хан – один из пиков Чингисских гор.

Орла с лисой не обнаружил, скача.
Подумал, что лишился он орла.
А птица насыщалась от удачи,
Пока не стала надвигаться мгла.

И беркута Кебек запеленавши,
Тропинку потерял во тьме ночной.
Побрел искать аул и не иначе,
Чтоб у Чингиса получить покой.

Не видно ничего из-за бурана,
Средь ночи запутал опять Кебек.
Матайцы есть на берегу Хакана¹
Зимовье показалось, брезжит свет.

Коня к белдеу² привязал за повод.
Весь в иней превратился конский пот.
Где Боктыбай зимует в эту пору
И где скала, туда Кебек бредет.

Воскликнув: «Добрый вечер», он заходит.
Пока здесь не закончена еда.
Неведом чай, в бульоне курт³ разводят,
Что путнику преподнесли тогда.

Старик и бабка да пастух – мальчишка,
Еще есть поразительная дочь.
Лишь юрта из кошмы, загон плетеный,
Как будто им построиться невмочь.

Напиток с куртом ободрил Кебека.
Он крепко привязал коня к плетню.
Хозяин юрты, как велось из века,
Расспрашивал не ради слов отнюдь.

¹Река Хакан – ныне место нашей зимовки. Когда Чингисхан был Хаканом, зимовал здесь. Хакан означает хан ханов.(Автор).

²Белдеу (каз.) – аркан, которым опоясывается юрта.

³Курт – казахский сыр.

Кебек сказал: «Из Тобыкты охотник.
А звать Кебек. Возможно, кто слыхал».
При этом встрепенулся мальчик – скотник.
И дочь, взглянув, зарделась, как сноха.

У бая здесь закончились расспросы.
Но девушка не отрывает глаз.
Отец сказал: «Свет, постели-ка гостю»,
И стал готовиться ко сну тотчас.

И бай, и гость пред сном из юрты вышли.
Старик собак своих перекликал.
Кебек вернулся и неровно дышит:
Постель свою не может отыскать.

С улыбкой обратилась дочь к Кебеку:
«О, гость желанный, что стоишь в дверях?
Свою постель стелила человеку,
Кто, видно, к девкам не ходил впотьмах».

И выбрала корпе¹ с верблюжьей шерстью.
От близости взволнован и Кебек.
Батыра укрывала с речью дерзкой:
«Коль ты – Кебек, раскроюсь я тебе».

Батыр Кебек всецело озадачен
И, лежа, размышляет про себя:
«Лихая девушка, что сразу на удачу
Пришла признаться, не прошло и дня».

Старик уснул за серединой ночи,
Почил в глубоком сне, что захрапел.
Когда уснули все, как между прочим,
Пришла Енлик, как и Кебек хотел:

– Проснись, батыр! Ушел ты в сон глубокий.
А я, бедняга, всем обделена.

¹Корпе (каз.) – стеганое одеяло.

Ты неслучайно сторонишься боком,
Ты думаешь: «срамница» про меня.

Тебя я тоже в меру оценила.
Но что, скажи, подумал обо мне?
Несчастней нет той девушки немилой,
Любовь которой бродит в стороне.

Енлик я буду, а старик – отец мой.
Скота нажил, но только сына нет.
Он слыл героем силой молодецкой,
Но нынче притесняемый как дед.

Мой дядя Кабанбай¹ из Байжигита
Не зря же выдал за него сестру.
А я к ослу по сватовству прибита, –
Не пара мне умом и по нутру.

Меня, конечно, отдают за бая.
Он прошлым летом приезжал тайком.
Но охватила ненависть такая:
Не то, что спать, покинула бы дом.

Лицо безусое, как под увечья.
О нем наслышана была и впредь
В развалинах искал он бабки вечно.
А ночью спит, как в лежбище медведь.

Морщины появились до рождения.
Рабыне даже отдает поклон.
При нем я прихожу в оцепенение.
Избавлюсь ли от призрака, как сон.

Неловко мне становится при виде,
Когда в руке беспалая рука.

¹Кабанбай – прославленный батыр в период войны с джунгарами в XVIII веке.

Как мне не быть в смятенье и в обиде,
Коль видеть не могу издалека.

Смогла бы я и замуж выйти как-то:
Воркуют парни за моей спиной.
Не будет счастья от такого брака,
Поскольку не под стать из них любой.

Немало и завистливых, и грешных.
Не стану называть по именам.
Не в шутку я, ты тоже не приспешник.
Не даст игра впустую счастья нам.

Сегодня ты пришел по божьей воле.
Наслышана об имени твоем.
Коль опрометчив, думаю, невольно
Приблизится ко мне, чтоб лечь вдвоем.

Но если я угодна, ты угоден,
Такая овладела мной печаль.
Батыр Кебек, ты не чревоугодник,
Даешь ли слово крепкое, как сталь? –

Задумался Кебек, услышав это.
Не торопясь, он взвешивал слова.
Всю ночь Енлик в себе ждала ответа.
Но и батыр оценит, в чем права:

– Ай, Енлик-жан¹ в слова твои поверю.
Я понял все, до мелочей познал.
Оставив прошлое в той жизни серой,
Нам поиграть бы без добра и зла.

Не разбредется скот по смерти разве
И не подвластен и батыр судьбе?

¹Жан (каз.) – душа.

Возможно, муж твой юн, живет он праздно.
Но разве бедность, старость не в борьбе?

Да разве молодой не станет взрослым,
И детство не пройдет само собой?
Здесь торопливость превосходит просто,
Не исправляется ли муж женой?

Не хватит сил, чтобы управлять судьбою.
Нам не сойтись, коль богом не дано.
Уж лучше отрешимся мы с тобою.
Что в этом мире вечно суждено?! –

И здесь Енлик сказала: – Очень странно.
На прежнего джигита не похож.
Но если б кто-то молвил так пространно,
Воспринял бы ты без усилий ложь?

Конечно, все аллаху и подвластно.
Но все-таки есть воля и дела.
Коль без характера сидеть в ненастье,
Зачем даны нам в руки удила?

Я мужа к дурням не могу причислить.
Тихоня с толку все равно собьет.
Ума прибавить, палец дать мальчишке
У смертного нет сил невпроворот!

Стремление спасет в воде глубокой,
От пламени, ползущей по пятам?
Беды и дьявол сторонится боком.
Как за отправу я хвалу воздам?

Зачем на Чингистау из Мугаджара,
Вперив глаза, пришел род Тобыкты?
Чтоб окружить детей природным даром,
Чтоб жить в ладу, чтоб были все сыты.

Один аллах свои дары рассыпал.
И люди собирают благодать,
Любовь в какидку ненадежна, зыбка,
Когда всецело ей не уступать.

Коль слова дать не можешь, не преследуй.
Не ровней счел, скажи мне напрямик!
Чтоб грех везде не волочился следом,
Ты мольбы девичьи запомни в этот миг! –

Здесь не проходит у Кебека хитрость.
И девушке не верится сполна.
Когда же были доводы отбиты,
Батыр Кебек отходит ото сна:

– Ай, Енлик-жан, ты говоришь всю правду.
Однако у меня есть свой подход.
Матай и Тобыкты, два рода, равно
Лиши ищут повод, чтоб начать поход.

Ведь друг на друга смотрят они косо.
Матай уступит разве нам вдову?
Вскипит за скот без лишнего вопроса,
Хоть девушка, ты знаешь о табу.

Коль умыкну тебя я этой ночью,
Матайцы все не соберутся враз?
Отнимут скот у Тобыкты воочию
И распри вновь начнутся из-за нас!

Без барымты добиться бы нам мира.
Не пожалел б последнего скота.
Но если девушку потребуют задиры,
То что придумаем и денемся куда?

И тобыктинцы из строптивых, знаешь.
Хоть не возьмут числом, но рвутся в бой.

Аулам крах, в угоне скот, кровь, значит,
Благословения не знать с тобой!

– Такие рассуждения тебе ли?
Батыр, тебе уловки не к лицу.
А будущего знает бог пределы.
В руках – не бязь, не подражай купцу.

Предвидит кто, что с нами завтра будет?
Лишь только я любовь свою нашла?
Из века в век в любви живучи люди.
За умыканием воцарялся лад.

Коль выделишь скота, предстанешь щедрым,
Найдутся дяди, тети как заслон.
От искры могут загореться недра.
Кто может быть порукой для сторон?

Дождя без тучи не бывает сроду.
Оспаривают некий перевал.
Но если бог нам ниспошлет погоду,
Возможно, и скотом уймем скандал.

Я не прошу, чтоб ты увез сегодня
И взбудоражил двух родов покой.
Но если изнутри исходит подлость,
Не соглашусь на уговор с тобой.

Нет истинной любви – не притворяйся.
Простым обманом будет разговор.
Коль чувство сильное, то признавайся:
Твоей всецело буду с этих пор –

Едва сидел Кебек, в немом томленьи
Воспринимая девичьи слова.
«Где смерть твоя, там и моя», – как пленный,
Отдал он девице взарок права.

Енлик Кебека руку стиснув, грезит,
Как будто утолила жажду всю.
Поцеловала палец, пот и слезы
Текли по изнуренному лицу.

Когда рассвет забрежил по шаныраку,¹
Кебек пошел, чтоб привязать коня.
Енлик с арканом вышла как по знаку.
Ушли к скале, пока спала родня.

Енлик ему шептала по дороге:
«Батыр, тебе сказать еще должна.
Как только примирятся наши роды,
Тогда и буду я твоей сполна.

Пока встречаться будем у утеса.
Ни в коем случае надежду не теряй.
В три дня хоть раз встречаться нам без спроса,
Хоть в пятницу меня здесь ожидай».

Чтоб развести огонь, вернулась в юрту,
Казан, наполнив снегом, подогреть.
Пастух напиток разводил из курта.
Дочь масло подала, чтоб кушал дед.

Кебек в дорогу приготовил лошадь,
Енлик с батыра не спускает глаз.
А он – с Енлик и со скалы за рощей.
И вспомнил о баксы, его наказ.

«Меня сюда привел как будто кто-то?
Япыр-ая!² Иль джин, или шайтан?
Довлеет ли как в вещем сне забота,
Сбылись словаabyза ли вот так?

¹Шанырак (каз.) – деревянный купол юрты.

²Япыр-ая (каз.) – возглас удивления.

Все ж в этом бренном мире жизнь не вечна.
Придет и мне когда-нибудь конец.
Чем здесь бродить и превратиться в нечто,
Уж лучше за Енлик умрет боец!...»

Так сам себя батыр Кебек уверил,
Что бог сулил, того не миновать.
Пошел на завтрак, открывает двери,
Хоть нелегко порог переступать.

Умылся и прошел на место гостя.
И курт, и масло поданы сперва.
Казы, карта, жая и жал¹ непросто
Вместились в чашу у Енлик едва.

Кебек вначале деду и старушке
Отрезал жала, дал под «бисмилла»²
«С хозяйкой пища и вкусней, и лучше», –
Позвал Енлик, – и трапеза мила.

И чабану достались кости с мясом.
По чашке выпит сладостный бульон.
Молитва прочтена, с Енлик все ясно.
И конь в дорогу ею снаряжен.

Затем Кебек сказал: – Ай, аксакал мой,
Возьми на выбор из лисиц одну.
Прибило на удачу к вам сначала.
Справляй тымак³ и запирай в сундук.

Енлик сама Кебека проводила.
Кебек, с ней попрощавшись, сел в седло:
«Батыр, будь в здравьи как избранник милый»,
– Твердила вслед, пока не скрыл уклон.

¹Казы, карта, жая и жал – казахские национальные блюда из конины.

²Бисмилла (араб.) – молитвенное слово.

³Тымак (каз.) – шапка с длинными ушами из лисьей шкуры.

Вдали Кебек затосковал до бреда
С Енлик встречался с праведной душой.
Бывал тайком, то ночевал у деда.
Шесть месяцев водил коня тропой.

Их роды к лету все ж пришли к согласию.
Вернули скот, добытый барымтой.
И люди, склонные к гуляньям частым,
Енлик взбодрили новостью такой.

Кебек однажды вновь пришел к любимой.
Он тоже ждал, чтоб улучить момент.
Енлик готовилась к тому незримо,
Чтоб к черным скалам прибежать чуть свет.

Промолвила Енлик: – Где уговор наш?
Теперь нам надо время оценить.
Одежду, пищу принесла проворно,
И все в овраге спрятанным лежит.

Поверив, я беременною стала,
Зима прошла, пришло и лето вновь.
Рожать хочу я только в твоем стане.
К добру не приведет тайком любовь. –

Вот так вдвоем умчались они с риском.
И до рассвета прибыли в Орду.¹
Свой балаган покрыли тамариском
И жили, скрывшись, а не на виду.

* * *

Увез Кебек девицу до рассвета.
С восходом солнца встали старики.
Их разбудил пастух, влетевший ветром.
Он завопил, что дочь их умыкли.

¹Орда – название горы.

Старик заплакал от нежданной вести.
Но что он больше может предпринять?
Пастух разнес ту новость повсеместно.
Матайцы собрались рядить опять.

Никто не знает, где Енлик быть может,
И кто увез, кого за то винить.
За зиму столько было здесь прохожих,
Готовых дочь на бегство убедить.

Матаец, заприметив вдруг лисицу,
«Кто это дал?» – спросил и в руки взял.
Старик: «Принадлежала тобыктинуць.
Забыл я имя, ночь одну он спал».

Пастух сказал: «Его Кебеком звали.
Бывал затем, как будто по пути.
Как помнится, уста Енлик сказали:
«Будь в здравии, Кебек, и заходи».

В конце концов матайцам стало ясно,
Что человек тот был из Тобыкты.
Матай туда людей послал напрасно:
Отвергнули и хлопоты пусты.

Никто не знал пристанища Кебека.
«С гуртом иль на охоте», – был ответ.
А к беглецам ходил проворный некто
И приносил еду, храня от бед.

А время проходило незаметно.
Уж месяц, как исчезла вдруг Енлик.
О девушке нет внятного ответа.
Матайцы лошадей утнали вмиг.

Но Тобыкты такое не прощает.
Жуантаяк аул их разгромил.

И оба рода рыщут беспощадно,
И юноша, как и Енлик, не мил.

Кобей¹ однажды прибыл к Кабекену,
Зашел почтенно и отдал салем².
Потом сказал: «Скрываются отменно
Опять раздор. Где выход между тем?»

У Кабекена мысли с подоплекой:
«Кебека брат в походе далеко.
Скажи, Кобей! Что курица и сокол?
Нам Токтамыса ждать, хоть нелегко»...

Кобей запомнил установку бия
И поспешил на тобыктинский круг:
«Кабекен-би сказал слова вития,
И речи смысл передаю на слух.

Батыр Кебек Енлик опутал рьяно.
Об этом без огласки знает би,
Назвал он курицей Енлик, а сокол рядом.
Нам Токтамыса ждать уж без обид».
Вот так загадка решена Кобеем.

С Матаем состоялся разговор:
«Мы отыскать Кебека все же сумеем,
Пусть Токтамыс выносит приговор!»
Так пролетел и месяц с половиной.
Аргын³ вдали и Токтамыса нет.
Найман, собравшись, требует с повинной
Виновников, которых сгинул след.

Матай в раздорах и в борьбе разборчив.
В степи несутся слухи день-деньской.

¹Кобей – рассудительный человек из ответвления Жузбенбет. Обычно би Кенгирбай решение принимал, опираясь на него.

²Салем (каз.) – привет.

³Аргын – племя, ответвлением которого был род Тобыкты.

Сыбанцы¹, заодно обиду скорчив,
Невестку требуют на сходке всей толпой.

Найман собрал огромную общину.
Скопление такое не с добра.
Решили прежде, чем поднять дубину,
Посла отправить к Тобыкты с утра.

«Готовы завершить мы дело с миром.
Но выдаст пусть Кебека и Енлик!
По шариату действует секира.
Скотом не заглушить всеобщий крик!

Пускай проступок шалуна приемлет.
Коль не согласен, то назначим бой!
Сражаться будем до предела с теми,
Кого сразим, иль жертвуем собой!

Пусть Тобыкты или Найман у власти
Пребудет, оставаясь на земле,
К вечернему намазу завтра страсти
Пускай улягутся, иное – тлен!»

Слова те Тобыкты поколебали.
В переговорах нет пути вперед.
Наймана – тьма, Аргын в далекой дали.
Невольно оторопь сама собой берет.

По всякому судили и рядили,
Но не решались выдать иль спасти.
И к Кабекену, наконец, решили
Двоих отправить, чтоб концы свести,

И в путь – дорогу снова оседлали,
Своих коней Кенбай² и би Кобей,

¹Сыбан – род, куда была просватана Енлик.

²Кенбай – выходец из рода Байгара. (Автор).

Но взгляды Кабекена отнимали
Последнюю надежду у людей:

«Мне предком был Анет-Баба, известно.
Молитва же моя не так свята!
В достатке пастбищ нет – все неуместно.
Придется выдать: в тягость маesta»...

В словах его есть отзвук слов Анета:
Не убивал, но путь открыл стрельбе.
При поражении не жить на свете.
Он дал понять, что следует судьбе.

Услышав это, би вернулся к сбору.
Загадку Кабекена изложил.
И тобыктины повели без спора.
И указали, где Кебек с ней жил.

* * *

Кебек не спит короткими ночами.
Три месяца в отлучке от людей.
Красавица Енлик, как бы на память,
Вручила сына в цвете летних дней.

Ребенок радовал как сын отважный.
Одна лишь мысль томила, как сберечь.
Поочередно спали, словно стража.
Вдруг конь заржал, услышав чью-то речь.

Енлик Кебека сразу разбудила.
Лишь сели на коня, пришли враги.
Козыкурен понесся во всю силу.
Ребенок в люльке, хоть и не беги.

Один матаец взял ребенка в руки.
Кебек помчался, вслед – враги гурьбой.

Взлетел Козыкурен по горной круче, –
Енлик свалилась вдруг сама собой.

Но коль подумать, то судьба безвестна.
Однако предначертанному быть.
Кебек обычно поступает честно:
С коня он спрыгнул тотчас во всю прыть.

Враги успели окружить Кебека,
Кинжалом защищался вопреки.
Хоть ранил многих, силы человека
Не беспредельны и попал в силки.

На Ащысу везли, связав, влюбленных,
Где собирались найманцы сгоряча.
Попали в плен у гор молодожены,
Похожие на схваченных волчат.

Подняли их на Акшокы далекий.
Придумывали способ умерщвить.
В толпе бедовой были одиноки,
Где даже бабы склонны их убить.

Одни твердили, чтоб забить камнями.
Другие – вешать, чтоб сильно им страдать.
Решили, наконец, двумя конями,
Их крепко привязав, в степи скакать.

Толпа найманцев жертву окружила,
Как будто собралась зарезать скот.
Енлик тогда, собравшая все силы,
Глаза перевела на свой народ:

– Ай, публика, пред смертью обращаюсь.
Как вижу, казни нам не миновать.
Я с этой жизнью до конца сквитаюсь,
Уж, ради бога, дайте мне сказать.

Пред казнью исполняют три желания:
С Кебеком попрощаться – это раз.
Второе – схороните вместе, с ладом.
Дитя – Кенгирбай-бию, чтобы спас.

Решила публика исполнить эти просьбы,
Кричала: «Будет», руки развязав.
Обещанное только лишь сбылось бы.
Они поцеловались на глазах.

На шеи им наброшены арканы.
Покрепче привязав к хвостам коней,
Матай, Матай – с их родовым ураном¹,
Помчались всадники посреди степей.

Пришла и смерть к ним, на холме – кончина
Ребенок с плачем в люльке все лежал.
И о грехе забыла вся община.
Таймак и Ералы – любви приchal.

Нет жалости порой у темной массы,
И Кенгираю не вручен залог:
На крайнем Акшокы малыш несчастный
Свой плач до ночи прекратить не мог.

О нем Жуантаяк узнал уж ночью.
Джигиты поздно сели на коней.
И поиски напрасны, кто-то впрочем
Похитил и увез, как чародей.

Давным-давно та быль происходила.
Есть жуткие поступки всех эпох.
Умы светили и бывали силы,
Что человек издал бы смертный вздох.

¹Уран (каз.) – клич.

И многим видным предкам, словно горы,
Склонить чело заставил смертный час.
Влюбленные Енлик – Кебек в ту пору
Жестоко поплатились лишний раз.

* * *

Джигиты! Смысл столь долгого сказания
Не в том, чтобы дать об юности писание.
Где враг и смерть, где честь и справедливость,—
Найдете добрый плод как назидание.

Писать же о любви – не развлеченье.
Не надо мне и юных увлечения.
Не сказку, быль из давней прошлой жизни
В стихи облек я не для отвлечения.

Не надо интереса бессердечного.
Не нужно отношения беспечного.
Есть зло и доброта, угроза – милость:
Не различая, не поймете вечного.

О, бог! Прости грехи, дай милосердия,
В достатке отзвуков моим усердиям.
Когда душа оставит, братья, в мире
Бумага будет и моим бессмертием!

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Познали ли казахи силу чувства,
Воспеть его в достатке ли искусства?
Без чувства нет любви земной в помине.
Оно вселиться в сердце может густо.

Дано оно не каждому наградой:
В иных живет бесценною отрадой.
Такое чувство у Лейли с Меджнуном,
Что внять не всем дозволено, как надо.

Уразуметь дано его немногим,
Коль от ума до сердца нет дороги.
Поскольку выспренность лихая неуместна,
В стихах преподнесли не все народы.

Когда спрошу о дорогих поэтах,
С усмешкой мне ответите при этом:
– Сабыrbай, Жанак, Шоже и Кеншимбай,
Не зная возвеличенных на свете:

Навои, Саади, Шамси, Физули
Сайхали, Хафиза, Фирдоуси...
Поэты и ораторы сумели
Весь мир стихами чудно оплести.

Есть у Меджнуна дело до Лейли,
Где нити от любви к ней пролегли.
О них и написал свою поэму
Багдада славный житель Физули.

Вот так воспеть не каждому дано.
Проникнуть в суть ему лишь суждено.
Попала в руки книга Физули
В году прошедшем, что искал давно.

Мне б довести хоть тысячную долю
Того, что слов избыточное поле.
Казахи знают имя лишь Меджнун,
Но тайны сердца зиждутся окольно.

* * *

В Аравии жил бай в большом достатке,
Торговлю вел с царями он в порядке.
Просил у бога сына, как наследство,
Раздав добро, довольствуясь остатком.

Он баев был отзывчивым, отменным,—
Дитя просили люди на коленях.
«Кругом мольба, как озеро», покуда
Жена, полнея, держится степенно.

Так байбише сыночка родила,
Что разнеслась повсюду весть стремглав.
В восторге люди брали суюнши¹,
Сам бай дарил гостям коня, халат.

И дали имя мальчику Каис.
На той и стар, и млад здесь собрались.
Там бедняки сыты все сорок дней:
Под Меккой верблюды в забой паслись.

Среди других отменным сын подрос.
Увидев, тут не отворотишь нос.
Весь облик обаянием отличался,
Что и любовь предстала в полный рост.

Берет за сердце откровенность лика,
Как-будто тайну обнажает лихо.
Зачем скрывать сердечную влюбленность,
Когда волнует взгляд собой до тика.

¹Суюнши – подарок за хорошую весть.

Прошло уж сорок дней от дня рождения,
Закончился и той с веселением.
Заплакало дитя так голосисто,
Как женщины ушли, в одно мгновенье.

Носили на руках, чтоб убаюкать,
Не плачет ли от острого недуга.
Целитель проживал неподалеку,
Его и привели с почтеньем юга.

«Здоров малыш, — ответил громко доктор, —
Коль есть болезнь, пусть будет мне уроком.
Гнетет печаль расстроенное сердце,
Не знаю я о сущности истока.
Пусть на руки возьмет его служанка
И вынесет наружу спозаранку.
Пускай с детьми на улице побудет.
Коль пользы нет, то нет сему огранки».

Дитя служанка вынесла наружу
Родители им вслед смотрели тут же.
По божьей воле встретилась там няня
Другая, что с ребенком долго кружит.

Приблизились со свертками друг к другу
Обдумать способ, чем ходить по кругу.
Они раскрыли лица двум дитяткам,
Чтоб дух воспрял от встречи на досуге.

И тот ребенок плачет беспрерывно.
Дрожал он на руках, как на обрыве.
Мгновенно оба малыша умолкли,
Напомнив силу тайного порыва.

Придя домой, услужливая няня
Поведала о случае том рьяно.
Ревущего Каиса до обеда
Носили впредь на встречу постоянно.

Служанка понесла и на базаре
С другим младенцем оказалась в паре.
Хотя раскрыла лицико ребенка,
Каис сильней заплакал, как в ударе.

Та девушка тотчас пришла обратно,
Ее ребенок плачет многократно.
Лицом к лицу младенцев подносили
В надежде усмирить их аккуратно.

И дети обрели покой, встречаясь,
Довольны стали, даже разлучаясь.
Служанки расходились с уговором,
С той прихотью младенческой считаясь.

Спросила девушка, пришедшая с Каисом:
«Откуда девочка со звучным писком?
Друг друга прежде мы совсем не знали.
Они и познакомили нас близко».

Другая отвечала: «Здесь в объятии
Единственная дочь из местной знати.
Она – моя боле¹, хоть отпрыск хана.
По матери я в этой благодати.

Ребенку стало сорок дней всего лишь.
У вас три дня продлился той, как вспомнишь.
До этого не плакала так много.
С тех пор пищит, не принимая помощь.

Коль спросите, то звать ее Лейли,
Уловку эту плачу обрели.
Слоняться ежедевно не к лицу.
Найти квартиру надо не вдали».

¹Боле – дети родных сестер.

Прослышила о том одна старуха,
Сказала: «Дети, новострите ухо.
Бездетная, к тому лишилась мужа.
Пустует дом, где мне одной преглухо.

Отвлечь хочу унылую тревогу,
Но не по мне к соседушкам дорога.
Мне каждый день касаться бы ребенка,
Что будет и немало, и немного».

К младенцу раз губами лишь прильнула,—
В томленьи благолепном потонула.
К груди прижались пальчики ребенка,
Что выступило молоко округло.

Прилюдно совершилось это диво,
Что женщина произнесла учтиво:
— Когда, как камень, затвердели соски,
О, боже, только ты врачуешь живо!

Мне пятьдесят и я гожусь в старухи.
Не ведали дитя бедняги руки.
Окаменели груди постепенно,
Лишенные ребенка, будто в скуке.

Привет я шлю, склонившись этой доле.
Скажите матери, что нахожусь в приколе.
Служанкой быть ее дитя готова,
Кормилицей по высшей божьей воле.

Каис не мой, но он как будто кровный.
Увидев, согласится, безусловно.
Но если эту участь потеряю,
То жизни нет и смерть моя готова.

Вскормлю Каиса, как родного сына:
С мольбой склоняю голову отныне,

Рожать мне не отпущено судьбою,
Жила, как отгороженная тыном.

Как есть, раскрой доподлинно надежду,
Чего не дозволял Всевышний прежде.
Я вся – в слезах и груди с молоком.
Меня осудит только лишь невежда.

Пускай не накликает снова горе,
Чего и так досталось в жизни море.
Когда добро предрешено судьбою,
На перепутье не предстать в укоре.

Служанка, что Лейли в руках держала,
От слов подобных вскоре задрожала:
– Ребенка этого немного покормите, –
Сказала и к ее груди прижала.

Когда взяла старуха и Лейли,
Чтоб струи молока к ней потекли,
Скукожилась воспрянувшая плоть
И груди бесполезно вновь слегли.

Когда преподнесла ко рту Каиса,
Опять струилось молоко из сиски.
Но припадет лишь только к ней девчонка,
Ссыхается, губов коснувшись близко.

Была умна старуха среди женщин,
Сlyла такой, не больше и не меньше.
Поняв, что в том скрыта воля божья,
Не стала двух просить, запал уменьшив.

Старуха добрая по-своему решила.
Судьба ее была совсем немила.
Две девушки с увиденным глазами,
Придя домой, со вздохами делились.

Родители, услышав про такое,
Сочли находкой детского покоя.
Им дорого спокойствие Каиса,
Известна участь женщины-изгоя.

Они в сердцах Каиса завернули,
Нашли ворота на одной из улиц.
Знакома доля этой горемыки,
Что к божьей благодати потянулись.

Дитя свое осознанно отдали,
Причем вполне достойно ей сказали:
«Скупиться мы не будем на скотину.
К оплате молока все посчитала?»

– Бездетной бабой вскоре оклею,
Сто верблюдов, пятьсот овец имею.
Не за оплату я вскормлю Каиса,
Берите скот, чтоб оправдать затею.

Припал к груди ребенок, как наследник,
Доныне прослыла средь дев последней.
Клянусь Аллахом, не нужна скотина,
Зато вам ко двору в кругу соседей.

Пускай услышат люди всей округи,
Осознаю, что вы со мной в запруде.
Мне до животных нету интереса:
Ожили от Каиса мои груди. –

Не внемлет их упорному отказу,
Повел учет наместник по указу.
Скота дороже детский взгляд Каиса...
Теперь пора и о Лейли рассказу.

К обеду извелась Лейли от плача,
Ее ждала такая же удача.

К старухе этой преподносит няня,
Чтоб успокоить – первая задача.

Не может отдалиться от Каиса,
Почуяла и мать, что тут нависло.
Родители Лейли договорились
Отдать в тот дом под лоно кипариса.

Со временем подростками предстали,
Большого лада между тем познали.
Когда ребятам стало лет по девять,
Им очаги родные показали.

Совместно посещали они школу,
Мулла им больше предоставил волю.
Узнав детей единственных и знатных
Миряне почитали поневоле.

Приходят на уроки они дважды,
К обеду возвращаются преважно.
О том, что в них есть от любви приметы,
Узнали люди, видя не однажды.

Когда ребята заняты зубрежкой,
Лейли к Каису приближает ножки.
Лукаво молвит: «Мне нужна подсказка.
Здесь разъясни и помоги немножко».

Вот так находит ловкую причину,
Чтоб голоса сливались воедино.
Когда письмо какое-то готово,
Несут друг другу, словно на смотрины.

Находят откровенные ошибки,
Читают, не оспаривая шибко.
Внимание детишек отвлекая,
Бровями объясняются с улыбкой.

Порой впиваются настолько томным взглядом,
Что забывают о шакирдах рядом.
Красивы внешне и легки душою,
Как двойники, рожденные в усаду.

Как будто позабыв уместно книги,
Один из них вдруг возвращался мигом.
Немало поводов могли придумать,
Чтоб только встреча не была с уликой.

«Ау», – звучит на зов Лейли ответно:
Нет голоса приятнее на свете.
Вот так проходит время каждодневно,
Что все уловки не учесть при этом.

Любовь сама собою разгоралась,
Что втуне утаить под взглядом малость.
Когда узнала мать об этих чувствах,
Лейли совсем без школы и осталась.

«Тебе всего тринадцать, – говорила, –
Дитя мое, послушай мать на милость.
Известно, что влюбилась просто юной, –
Доподлинно о том осведомилась.

Теперь ходить не будешь на уроки,
Мне не нужны соседушек насоки:
Они и взрослых сильно донимают.
Удержишь ли молву в людском потоке?

Попала ты в расставленные сети
Отныне без тебя пребудут дети.
Но если ты проявишь свой характер,
От пут не откажусь на самом деле».

«Ажеке-ay¹, о том мне неизвестно,
Что есть любовь, хоть обрисуй словесно.

¹Ажеке-ay – бабуленька, ласковое обращение к матери.

Про то не говорили на уроках.
Толкуя ясно, обвиняй уместно».

«Но если неизвестно, пусть так будет,
Иначе выводить пристало в люди.
Чтоб впредь тебя любовь не донимала,
Держись подальше от мужчин подспудно».

Была в отчаяньи Лейли, стеная,
По-своему слова воспринимая.
Скорее ей сквозь землю провалиться,
Чем жить нелепо, слухам потакая:

«Я только лишь затопала гусенком
И одолеть обиду нет силенок.
О, боже, мой, что за упреки слышу!
Аллах – свидетель, нет пятна с пеленок.

Ажеке-ай, единственою дочкой
У хана родилась я между прочим.
Ты говоришь, как будто распознала,
Устраивая слежку днем и ночью?

Ажеке-ай, привержена ты гневу,
Как будто бы с мольбой стенаешь к небу.
Как только мог язык твой повернуться,
Чтоб очернить блестательную деву?»

«Родная, ты упрощена у бога,
Обидеть не хотела за уроки.
Желаю, чтобы дома ты сидела
И занималась делом понемногу.

Я поклялась не выпускать наружу
И пред единственою слово не нарушу.
Не мальчик, чтобы посвятить мечети,
Муллой не стать, но просветила душу».

Отныне дочь сидела только дома,
Лейли одною мыслью лишь ведома.
Подруг сзываая, днями отвлекалась, –
Ночами будоражила истома.

С трудом рассталась с медресе беввестно,
Пока не знала больше интереса.
В тиши она, любви огнем сгорая,
Сложила про себя такую песню:

Уменьшаются лучи,
Если тучи набредут.
Лунный свет душе в ночи,
Словно струны, что поют.
Улетает вдаль мечта,
Увядая, как цветы.
Блекнет даже красота,
Коль в любви сгораешь ты.
Где вчерашний ясный день,
Облюбованный вполне?
Медресе оставив сень,
Нет покоя больше мне.
Смысла полон полужест,
Выразителен твой взгляд.
Обхитрив иных повес,
Находили ближний ряд.
Без Каиса при свечах
Дом родной стал, как зиндан.
Мне б увидеть свет в глазах
Вне учебы, Каис-джан.
Воздала душе любовь
Непомерную тоску.
Время, ветром сдув собой,
Свет уносит насоку.
Песень тосклившую пою.
До Каиса долетит?
Коль вложу всю грусть мою,

Ветры смогут донести?
Обуяла всю печаль.
Бог откликнется пред ней?
В непредвиденную даль!
Караван уйдет ли дней?
Чем обидела, Каис?
Вместе сердцем и душой, –
Признаюсь тебе, очнись.
Ты во мне и я с тобой.
У тебя моя душа –
Ощущаю грудь пустой.
Очи грустные спешат
Враз увидеть облик твой.
Закрываю я глаза,
Чтобы встретиться с тобой.
С гибким станом, как лоза,
Обойми меня такой.
Образ милый предо мной:
Ты в объятиях лежишь.
Наслаждение игрой
Представляю только лишь.

Было это или нет,
Не уверена сама.
Я могу сказать в ответ,
Что твоя, как свет, не тьма.
Устремлялась от души.
Чтоб тебе не навредить.
Поцелуй один в тиши
Мне достаточно хранить.
С горем справлюсь я одна,
Чтоб Каис не знал о том.
Пусть все горести до дна
Направляются в мой дом.
Пусть, насупив сильно бровь,
Не ввергается в беду.
Коль познает всю любовь,

В медресе быть, как в аду.
Пусть не ходит в медресе,
Где не встретится Лейли.
Закружившись в колесе,
Мысли здесь не помогли!
Облик мой вообрази,
Нарисуй в уме портрет,
Да придай еще язык,
Чтоб услышать мой ответ.
Если он придет в себя,
То в огне сгорать одной.
Будет в радости, любя, –
Легче сладить мне с бедой.
Пусть уносит каждый день
В сети чувств меня сильней.
На пути, встречая тень,
Освещу душой своей.
Радость есть в пылу борьбы,
В мире есть любви кольцо.
С богом линия судьбы. –
Посмотри в мое лицо.
Не оценится в глухи
С наслаждением житье.
Передаст лишь крик души
Все томление мое.

* * *

Назавтра в школу вновь Каис приходит.
Ища везде, Лейли он не находит.
Услышав, что не будет на уроках,
Сознание теряя, с места сходит.

В отчаяние пришли мулла и дети
И отвезли домой его при этом.
Родители, кропя водой, цветами
Лечили, испугавшись несусветно.

Больного окружили тут заботой
Родители, набросившись охотно.
За доктором хотели слуг отправить,
Но сын в тот миг изрек бесповоротно:

«Лечиться не желаю, хоть засохну,
И врач найдет, за что мне стало плохо.
Один Аллах помочь болезни сможет,
Иначе от недуга вскоре сдохну.

В горах устрою для себя прогулку:
Из-за уроков сердце бьется гулко.
Но если не излечит божья помощь,
Раскрою тайну вплоть до закоулка».

Мгновенно сборы начались в дорогу
И сверстники, и слуги все к подмоге.
Каис расположился одиноко
Под золотым шатром в зеленом логе.

Стонал ночами, о Лейли мечтая,
Осунулся, от горести вздыхая.
В любви сгорал Каис без сна и пищи,
Безумца сам собой напоминая.

Один из слуг к отцу примчался с вестью.
Друзья направились к отшельнику уместно.
Родители и родственники сразу:
«Здоровье как?» – призвав к ответу честно.

«Безбожником в народе не считайте
Таким, как есть, меня воспринимайте.
Родители, простите, сам виновен,
Но это одиночество мне дайте.

У вас не нахожу недугу средство.
Свяжите как юродивого с детства.
Когда он ахнул, вылетело пламя.
«Лейли, Лейли!» – шепча, упал на месте.

Известна стала людям суть болезни,
Лечение любое бесполезно.
С расспросами устроили поимку
Лейли, о ком Каис безумно грезит:

«В любви сгорает к дочери Каис,
Воочию познав, к отцу сошлись.
С младенчества в разлуке был в слезах.
Подумайте и сжальтесь, хоть и риск.

Лейли не видя, он обмяк совсем.
Душа в груди трепещет между тем.
Едва родившись, был в нее влюблен.
Им смерть одна дана, как их тотем».

«Не соглашаюсь, – заявил отец. –
Кончина дочери – еще не мне конец.
Народ мой, здесь обиду не тай.
Безумцу дочь не выдам, в чем протест».

Каис узнал, что путь к любви закрыт,
И плакал днем и ночью он навзрыд,
Что в одиночестве в своем предстал
Умалишенным, потерявшим стыд.

Предельно горе обожгло нутро,
Забрав все силы, ум отняв хитро.
«Меджнун» – умалишенный гарапша¹,
Меджнуном стали звать со всех сторон.

Искали выход добрый все в округе
Там старец жил, лечивший от недугов
И он сказал: «Коль «Байтоллу»² объемлет,
То душу отведут любви потуги».

¹ Гарапша – по-арабски.

² «Байтолла» – священный храм.

Все жители отправились к Меджнуну,
Но просьбы были бесполезны, втуне.
Он отказался ехать с ними в Мекку,
Хоть и родители просили накануне.

Поехать к «Байтолле» он отказался, –
И молнией тот слух распространялся.
Услышала об этом та старуха,
Нашла овражек, где Меджнун остался.

«Родной Каис, вскормленный своей грудью,
До хрипоты, взываю я, покуда
Ты, свет очей, смягчивший на закате
Мою судьбу, не отойдешь отсюда!

Лежала, задыхаясь от болезни,
Но в горе не хочу быть бесполезной.
Дитя мое, мольбу в сердцах приемли,
Чтоб осушить мне слезы, коих бездна.

Послушавшись меня, отправься в Мекку.
В огонь ли сплавить хочешь мать, как в реку?
С Лейли тебя взрастила бескорыстно
Достойно жить с долгами человеку?» –

Вот так взмолилась бедная старуха,
Что ломит кости, доходя до слуха.
– Не плачь так горько, мать, поеду в Мекку, –
Ответил он, к ней навостривший ухо.

Родители отправились с ним вместе,
В дороге слезы лили повсеместно.
Тогда Меджнун сказал, в душе тоскуя,
Прижавшись к «Байтолле» вполне уместно:

«Мой дальний предок – сам Адам – пророк,
Расставшись с Евой, грусть отвлечь не смог.

О, боже, снисходительный на мольбы,
Исполни просьбу в отведенный срок!

Недуг Лейли в груди не отнимай.
Огонь любви пылает через край.
Все ж обреки меня на это пламя
И волей по себе воспринимай.

Дороже нет мне имени Лейли.
По сердцу выюгой чувства пролегли.
Мне муки – други с детства, враг – услада.
Любовных козней сам определи.

От прихоти тщеславной отвращай,
Любовных представлений умножай.
Промучай, не лишая только жизни:
Пусть будет горе тоже через край!

Я не боюсь, что в юности помру.
Из-за Лейли все беды разберу.
Аллах, по милости известна твоя воля,
Что воздаешь, кто молит по нутру.

Пускай в огне проходит тяжкий век.
Не для меня блаженство – не из тех.
Коль в жизни краткой с нею и не буду,
То после смерти предоставь успех!».

Так выразил Меджнун свое желание:
Лишь для Лейли сердечное признание.
Родители с родными убедились,
Что от такой напасти без сознания.

И снова зашагал он восвояси,
В уме теряя каждодневно ясность.
«Мне жить, как зверю, дальше одиноко», –
Сказал с уходом, грустью опоясав.

Остались бесполезно уговоры.
Насилие ответно в эту пору.
«Родители и люди, будьте в здравье», –
Произнося, исчез из глаз он вскоре.

Блуждал Меджнун, стремясь опять в безлюдье.
Пристал к нему недуг еще малюткой.
Бежал стремглав, увидев человека,
Примкнул к сайгакам за теплом приюта.

Среди животных парень, как прореха.
На голос горы отсылают эхо.
Ведя беседу с откликом утеса,
Словами жег траву, как для потехи:

«Эй-эй, утес, ты повторяешь имя,
Что мне становится совсем невыносимо.
Лейли со мной опутана любовью.
Как можешь дразнить, выкрикнув помимо?

И у тебя своя Лейли неужто:
Находишься ли в горе, как в ловушке?
Не повторяй любовь мою всегласно,
Безжалостен ли, как в летах кукушка?

Не обжигай, когда тоскует сердце,
Чтоб с горя до костей не перегреться.
Произносить один я вправе имя,
С которым в мир откроется мне дверца.

Коль и твою невесту звать Лейлою,
Коль смог сравниться с горестью со мною,
То почему кровавыми слезами
Ты не исходишь, затвердев такою?

На облике не вижу ни слезинки.
В груди твоей нет от любви искринки.

Зачем ты горемыку звонко дразнишь
Обманщиком любовного инстинкта?».

Произнося душевное признание,
Слезами обливался под стенание.
Пронять сумел тем самым птиц, зверушек,
Что окружили, разделив страдание.

Когда заговорил для них тоскливо,
Они прислушались вполне учтиво.
Найдя язык понятный со зверями,
Траву щипал и пил под стать на диво.

Зовет Лейли во сне и снова стонет.
От слез животных вскоре луг потонет.
И у зверей есть свой инстинкт и разум.
Не думайте, что вовсе посторонний.

В то время там же в свой капкан охотник
Поймал сайгака, что ему угодно.
Встревожив непредвиденную участь,
Меджнун примчался к ним бесповоротно.

К охотнику с мольбою обратился:
«Не заменю никак тебе кормильца.
Но этот зверь, как я, исходит в муках».
Золототканой шубой отплатился.

Отдал кому-то с позументом шубу,
Оправдывая со зверями дружбу.
Но вдруг Меджнуну снова повстречался
Ловец другой, держа в руках голубку.

Он с пальца снял колечко золотое,
Что оказались на свободе двое.
Пред голубком и сайгачонком горько
Меджнун изрек признание такое:

«Мне стыдно перед вами признаваться,
Но я – бродяга, кем могу остаться.
Скитаюсь отщепенцем, хоть безвинно,
Мне по себе с животными брататься».

И он затем последовал за ними,
Травой питаясь, что невыносимо.
Приверженность Меджнуну для зверушек, –
Аллах умом их не обходит мимо.

Итак, оставим мы его в овраге.
Отыщем ли Лейли для грустной саги?
Немного и о ней сказать позвольте,
Когда она с любовью бедолаги.

Не удержать ей чувств своих к Меджнуну,
Иссохлась вся, что выглядит колдунией.
Однажды ночью шла одна в безлюдье,
С тоской взмолилась к небу в свете лунном.

В луну вглядевшись, так запричитала:
«Ты Землю огибаешь без причала.
За ночь одну обходишь мирозданье, –
Так о Меджнуне дай мне весть сначала.

Скиталец бродит где-то, но живой ли?
Внутри я вся изведена любовью.
Хоть к солнцу ты в любви со мной подобна,
Лишь отражаешь свет и то бескровно.

Тебя лучами солнце оживило.
Ты прежде света вовсе не вносила.
Когда Меджнун привнес мне в сердце искру,
Она невольно пламя породила».

Затем Лейли приходит в садик дальний,
Где осенью плоды все собирали.

И голосом пренежным, как и ночью,
Цветам и листьям губы прошептали:

«Залетный ветер веет увлеченно,
Как будто обнимается влюбленно.
Так почему, перекликаясь, листья
Не обливаются слезами отрешенно?»

Росинками покроется ночами, –
Не отвести любовными речами.
Облейтесь не водою, а слезами,
Что с кровью подогреты изначально.

Ты, ветерок, листок сотрешь всецело,
Взлелянный цветок ломаешь смело.
Несешься то приятно, то колюче.
Кому в угоду выешься в самом деле?»

Потом она ко звездам обратилась:
«Души моей отрада, где взять силы?
Любимого избранника не вижу,
Поэтому от скуки утомилась.

Ойхой, звезда, есть тайна между нами.
Как ты, и я не знаю сна ночами.
Такая же бедняжка с птичьей долей:
Тоскую я с простертymi руками.

Мигают безответно с неба звезды,
Которым лишь известны мои слезы.
Нет уголка, чтоб был бы вам неведом,
Хоть след Меджнуна заносите в грезы!»

Одна звезда стремительно упала,
Как будто встречу с милым предвещала.
Пошла вперед по звездному уклону,
Считая, что дорогу указала.

Увидела Лейли не человека,
А тень его, пугающую в свете.
Не ведая приятель или недруг,
Нельзя тотчас приблизиться с приветом.

Но тот предстал перед ней самим Меджнуном
И молвил: «Милая, души моей певунья».
В ответ Лейли: «Я вся твоя, используй
Момент, чemu не быть в миру подлунном».

Надумал он приблизиться к девчонке,
За поцелуем наблюдая тонко.
Удастся ли, предвидится ли случай,
Чтоб получить свой дар любви в сторонке.

Приблизился, сгорая, неумело:
Прижалось оголенно к телу тело.
Но после поцелуев долгожданных
Беспамятство обоих одолело.

Нет ничего сильней любви накала, –
Пред ним сознание вдвойне не устояло.
Оставим двух влюбленных на природе,
Чтоб о Науфале рассказать сначала.

* * *

В Аравии батыр Науфал когда-то
Придерживался буквы шариата.
Обиженных людей найдя в дороге,
Готов был защитить от супостата.

Привержен к шариату до предела, –
Отринет от него дурное дело.
От честности ни с ноготь не отступит,
Что жизнью поплатиться может смело.

Борясь за правду, горемыку сладит, –
Окажет помощь во главе отряда.
Услышав про униженную душу,
Без устали начнет вводить порядок.

Родители Меджнунна в горе стонут
И в поисках лекарства не в застое.
Старуха привела бедняг к Науфалу,
Подав соломинку тому, кто тонет:

«Батыр державный, ты и впрям всесилен,
Спасаешь утопающих умильно.
Покуда прав и верен шариату,
Любой в беде находит твою милость.

Добро и справедливость изначально
В тебе одолевают все печали.
Ты как отец для сирых и убогих,
Которые всю благость опознали.

К тебе пришли с поникшей головою:
Один мой сын сражен к ханше любовью.
Скитается от горя, как блаженный.
«Безумцем» прозван, нет тому основы.

У них любовь с рождения на свете:
Желали встреч, хотя грудные дети.
Народ-свидетель в том, что это правда,
Поэтому мы за судьбу в ответе.

Скитаясь, сын живет совсем убого.
Униженным протянет он немного.
Прославленный делами благодетель,
Ты помоги бедняге ради бога».

Науфал, вскочив мгновенно, дал команду:
«Мои батыры, встаньте в строй по рангу.

Спасти должны униженную душу!»
И сам повел на выручку фалангу.

Предупредил однако предводитель:
«За правду смело борется воитель.
Для нас закон-каноны шариата.
Аллах поможет, если честен житель».

Нашел Меджнуну у оврага вскоре.
«Воздам невесту», – заявил в задоре.
Царю отправил весть: «Всех уничтожу,
Коль будешь с женихом в немилом споре».

Но тот держался в духе своенравном,
Посланника прогнал, грозя управой,
И выступил навстречу с ханским войском,
Чтоб отстоять Лейли, пока он в здравье.

Два войска встречно двигались, сражаясь,
Закалывают недругов, врываются.
Науфала воины ни в жизнь не отступали,
Но здесь батыры сникли, озираясь.

Сиял шатер его на горном склоне:
Меджнун согбен в молитвенных поклонах.
Вскочил Науфал, услышав стук копытный,
И от батыров принял весть со стоном:

«О, господин! Не ведали отхода,
Верша разгром при солнце до захода.
Предстал пожар неведомой преградой,
Что нас погнал назад, как стадо вроде.

Не знаем мы, откуда взмыло пламя.
Такое не случалось прежде с нами.
Спросите у сопы¹ про чудо-юдо,
Что означает эта панорама?».

¹Сопы – священник, предсказатель.

Сопы сказал: «Меджнун молился небу,
Просил Аллаха на свою потребу.
И во спасение невесты от нападок
Взмолился о пожаре, не колеблясь».

В ответ Меджнун: «Просил о том я бога,
Чтоб сохранить любимой рать немного».
И здесь Науфал воскликнул, умоляя:
«Каис, молчи, не осуждая строго.

Сражаюсь здесь, чтоб привести к любимой.
Победа с честью тут неотделимы.
Из-за тебя же происходит битва:
Нам отступление назад необратимо».

Закончив речь, он сам возглавил войско,
Как волк среди овец, разил геройски.
Отца Лейли случайно захватили,
Хоть вел себя он пред врагами стойко.

Тогда Науфал к нему и обратился:
«Чего ты пред джигитом возгордился?
Не замечаешь, как народ горюет,
Увидев, что умом преобразился?».

«Ойхой, батыр, позволь сказать мне слово.
Оберегать святую честь не внове.
О том, что вырастил с грехом девчонку,
Оповестить молва всегда готова.

Потом Каис представился бродягой.
Но кто захочет видеть дочь беднягой?
Совсем недавно заезжали сваты,
О чем людей спроси, хоть под присягой.

Не умолчать мне и под пыткой смерти,
Что сватался к ней Ибн Салам, поверьте.

Здесь пахнет дело молодою жизнью.
Решай, сынок, коль пожелаешь жертвы».

Кипела кровь, в глазах – огонь Науфала
И в гневе прикусил он даже палец.
Меджнун взмолился, обращаясь к брату:
«Не надо жертвы, кровного начала.

Обуревают бесконечно сплетни.
Письмо Лейли я написал намедни.
Гонцу его доставить поручите
И больше нет подспудных намерений».

Науфал исполнить просьбу ту решился,
Поскольку в праведном роду родился.
К себе он вызвал смелого Зайта,
К нему с доверием особым относился.

Отец Лейли, всю правду излагая,
Раскрыл себя, как видно, связь такая.
Определив, что это – воля божья,
Батыр Науфал ушел с чужого края.

Опять Меджнуна одолело горе,
Как будто мир обрушился со взгорья.
Пускай покамест странствует, как прежде.
Лейли переживает, с духом споря.

* * *

В беспамятстве остались два влюбленных.
Лейли сидела в позе полусонной.
Она Меджнуна долго дожидалась,
Накинув шаль с кистями утомленно.

Собравшись с мыслями, и Меджнун проснулся.
Увидев шаль, обнял и встрепенулся.

В такой момент замечен был Науфалом,
И тот, переживая, обернулся.

Лейли сидела взаперти, сгорая.
Кружилась бабочка перед лампой, облетая.
Она пред ними излагала тайну
Всю эту ночь, ресницы не смыкая:

«Эх, бабочка, влюбилась в нашу лампу.
Не получить нам за любовь оплату.
Сгорая, не помри, как я, напрасно:
За круг один погибнешь однократно.

Терпение погасит твои муки
И свыкнешься в душе с бедой разлуки.
Годами проноси обет супруги.
Зачем ему, чтоб наложила руки?

Эх, лампа, догораешь, пламенея,
Как будто чувствами обиженными млея.
Прикована ты к месту, в черной шапке,
И к небу обращаешься, краснея.

Одна горишь, волнуя светом ночью,
И отдыхаешь днем, погаснув впрочем.
А я сгораю беспрерывно с горя,
Что всю меня заполонило очень.

Облитая горючими слезами,
Любовью исстрадалась даже днями.
В твоих очах нет слез, глядишь, сияя,
Питаешься ты маслом между нами.

Противник – ветер, масло – не подмога,
Что угасаешь, прогорев немного.
Приятель – муки, благо – мой противник,
Сравняться ли тебе со мной убогой?».

Пред лампой так обиду изливалась.
Письмо в руке кого-то увидала.
Взглянув, узнала вожделенный почерк,
Что вне себя от радости читала.

С письмом Зaitт внезапно объяvился.
Проворен он и своего добился.
Меджнун писал, коль я смогу дословно
Подать, чем лист бумаги испещрился:

«Любовь моя, Лейли, дороже жизни,
Тоскую по тебе без укоризны.
Но если ты по воле вышла замуж,
То поздравляю, отогнав капризы.

Возрадуюсь, коль обрела ты радость.
Мне тень твоя приносит в жизни сладость.
О, милая, ты в радости иль горе?
Раскрой мне тайну, успокой на благо.

Лукавства нет в том для блаженства круга.
Я не хочу отринуть от супруга.
Коль ты согласно обратилась к браку,
Хотел бы оказать свою услугу.

К тебе любовь в моей груди засела.
Коль любишь ты другого, нет мне дела.
Но сердце памятует о невесте:
Пришлось письмо отправить оробело.

Я ожидаю от тебя ответа,
Покуда сердце бьется несусветно.
Скажи мне правду только ради бога, –
Душа моя не хочет жить на свете.

С ответом не тяни, пиши по сути,
Пока землей засыпан прах не будет.

Коль замужем, не миновать мне смерти,
Иной дороги нет на перепутье».

Письмо Меджнуну прочитав дословно,
Лейли решила дать ответ подробно,
Причем она любовными слезами
Чернила замешала, словно кровью:

«Удивлена, что ты легко поверил.
Пронизана душа моя вся верой.
Как можешь, свет очей моих, такое
Мне написать, отринув честь на свете?

Как я смогла бы одного оставить?
Не смей подобное себе представить.
Отец на брак взаправду согласился,
На что не сможет он меня заставить.

Услышав, приготовилась я к смерти,
Из-за тебя погибнуть в круговорти.
Подумав, сил нашла остановиться,
Чтобы Аллах нас удостоил сверки.

Природа родила нас друг для друга,
Что мне лишь Бог в судьбе моей порука.
Не выйду замуж в жизни за другого,
За что Всевышнему простерла руки.

К тебе любовь мне подарил он с детства,
Что плакала, ища с тобой соседства.
Зачем ты написал, забыв былое,
Как будто с небом не в ладу совместно?

Мы друг для друга рождены, мой милый,
Что зря глаза другого устремились.
Огонь любви зажег в нас сам Всевышний
С тех пор, как мы с тобой на свет родились.

И то, что предначертано судьбою,
Придется испытать вполне с тобою.
Не сомневаясь в том ни на иоту,
До смерти сохраним любовь такою.

Прошу тебя, отбрось иные мысли.
Приди на встречу, мчась на полной рыси.
Тогда ты по глазам моим узнаешь
Все то, что признается бескорыстно».

Опять Зайт с письмом назад помчался,
Чтоб долг влюбленных в нем не оставался.
Но там Меджнун лежал, теряя память,
Что в тот момент с письмом не разобрался.

Зайт попал к нему в такую пору,
Когда беспамятство причудилось по взору.
Меджнун письмо в карман засунул просто,
Глазами устремляясь без разбору.

Тогда лишь понял, что Меджнун был болен.
Стоял, не отходя, как на приколе.
Но кто-то сообщил: «Твоя в недуге».
Пришлось Зайту отойти невольно.

Зайт ушел, Меджнун своей болезни
Преодолел недуг, как парень трезвый.
Тогда он вспомнил про письмо в кармане,
Что ждал давно и бесконечно грезил.

Пришел в себя, узнав в письме о сути:
Изъяна никакого, как ни крутит.
Теперь и о Лейли пристало слово,
Пока Меджнун с письмом, как на запруде.

* * *

Лейли из-за Меджнуна вся пылала.
Готовит свадьбу Ибн Салам удали.
Однажды он оповещает тестя,
Что посетить невестин дом предстало.

На званый пир пришло немало люду.
Подарков зятя обрели повсюду.
Представила богатому Саламу
Лейли лихая баба, как на блюде.

В постели муж сказал Лейли тихонько:
«О, милая, зачем сидишь в сторонке?
Сними одежду и приди в объятие:
Порвется то, что пребывает тонко».

Она пошла на женское лукавство:
«Необходима мне мужская ласка.
Но у меня есть с детства пери, фея,
Которая приблизилась с остройством».

Мгновенно муж на месте встрепенулся:
«Где эта фея?» Сразу обернулся.
Хотя Лейли настроилась на хитрость,
Внезапно дух какой-то подвернулся.

Огромный нос, губа весит до пола,
И голос зазвучал, как эхо дола:
«Ты – не супруг Лейли, Всевышним данный.
Не потерплю такого произвола».

«Не подходи к ней близко, – дух продолжил.
Чужую суженую обходить ты должен.
Но если вдруг нечаянно коснешься,
То к смерти будет путь тебе проложен.

Лейли отпустишь – возвернешься к жизни.
Хоть пальцев тронешь, не стерплю каприза.
Пусть будешь ты живуч тысячекратно,
Не пощажу, коль подвернется близость».

Поклялся Ибн Салам: «Отныне скрыто,
Завесой тайны будет все покрыто.
Поскольку суждено не быть мне с нею,
На жертву не пойду никак открыто».

Вновь дух сказал: «Святое это слово»
И улетучился, во тьме исчезнув снова.
Хоть изнутри Салам и задыхался,
Держал секрет, что затаил до гроба.

Батыром слыл он тоже смелым, храбрым.
Огнем любви он запылал взаправду.
Не в силах был отречься от любимой,
Но ноги пятятся, что нет управы.

Не чудо пери, святость уговора
В делах батыров – вечная опора.
Преобразился лик, покрывшись желчью:
Изменится и камень от разбora.

Придя к Лейли, он не ложится рядом.
Взглянув, не может есть и днями кряду.
Любовь батыра превратилась в тряпку,
Пропитанную болью, будто ядом.

Любовь сжигала сердце, все пылая.
В душе с печалью жил, изнемогая.
Когда недуг довел его до грани,
Определил, что пропасти у края.

Лекарства нету для такой болезни, –
Лечение врачам всем неизвестно.

Поняв, что смерть грозит ему с порога,
Позвал Лейли, чтоб объясниться честно:

«Я для тебя не муж, а близкий родич,
Убитый горем, в мир иной проводишь.
Не бойся, не стесняйся, встань поближе,
Чтоб я простился, ум на месте вроде.

Не знал, не ведал о любви к Меджнуну:
В душе твоей не стал бы трогать струны.
Известно было о Меджнуне страсти,
Но о твоей не знал я, как ни грустно.

Судьба раскрыла вожделенно двери:
Поведала твои секреты пери.
Решил от брака этого отречься, –
Не восприми лжецом по крайней мере.

От пери не устроил я побега:
Готов и к смерти, отлучась от неги.
Остановил себя, узнав о тайне,
Чего святерее чувств на свете нету.

Храню я слово крепко и надолго.
До смерти буду человеком долга.
При встрече передай привет Меджнуну,
Поистине мы – сверстники поскольку.

Меджнуну написал письмо отменно,
Доставь заветом друга, непременно.
Пускай почтит меня своей молитвой,
Простите Ибн Салама в мире тленном.

И ты забудь нелепые поступки:
Залечивать мне некогда зарубки.
Добившись милости судьбы привольно,
Живите ладно голубем с голубкой.

Достигнешь гроба, находясь в печали.
Доверившись судьбе, расцвел в начале.
Мечтал в том духе обойти всю землю,
Но умираю, не увидев дали.

Припомнив вас, споют о нас потомки.
Земля сырая не одарит кромкой.
Доволен тем, что все ж по божьей воле
Не унесут безвестно нас потемки.

Останется сказание на память,
Поскольку жизнь возносится кругами.
Покаяться хотел бы пред Меджнуном.
Дано ли мне увидеться очами.

Один я был в семи коленах предка.
Обиду не держи на сердце, детка.
Всесцело отвращаюсь от калыма:
Пускай отец приемлет скот при этом.

Настигнет в самом деле смерть с косою
Мечтателя от брачных уз с тобою.
Не буду представлять для вас преграду.
Меня жалея, не играй с любовью.

Скажи Меджнуну, чувство безответно
И в жизни отрешенность несусветна.
Пусть от души прильнет к своей невесте,
Иначе изживет себя со света.

Приблизилась Лейли к нему умильно,
Но охватило холодом могилы.
«Простите и прощайте», – краткий выдох,
Где властвовали неземные силы.

Судьбой распорядился так Всевышний.
Пришло Лейли прощальный стон услышать.

На вскрик Лейли, донесшийся из дома,
Охраники сбежались тут с одышкой.

Произошла кончина Ибн Салама.
Народ собрался с горькими словами.
Произведя прощальную молитву,
Воздвигнет он с почетом купол храма.

Но в мыслях у Лейли один любимый,
Тоскует не о муже так ранимо.
Прикрывшись этой смертью при народе,
Излить всю горечь ей необходимо.

Меджнуна не забыть до самой смерти,
Стеная лишь о нем, как на поверке.
Народ как плач по мужу принимает,
Поскольку слезы льются достоверно.

* * *

Однажды и Меджнун приходит в город,
Чтоб встретиться с любимой, скинув горе.
Сковав цепями старика-бедняжку,
Пинал мужчина, волоча за ворот.

Скорее подбежав, Меджнун взмолился:
«В чем виноват, за что в него вцепился,
Прилюдно, дядя, учинил расправу?
Ты выбиваешь дух, а он скрутился».

«Отца старик убил, забив камнями.
Попал в висок ему булыжник прямо.
Отдал убийцу в руки сам исправник,
Чтоб месть свершил и забросил в яму.

Отместка будет в нормах шариата.
Таскать я буду, милостыня – плата.

Пытать могу, чтоб не убить внезапно.
Подсунув голову, могу отсечь на плахе».

«Старик-бедняга, грех взвалил к чему же?
Твоя беда разбередила душу.
Насколько затаил в себе обиду,
Чтоб смертью отплатить в борьбе тщедушной?».

«Забросил камень, сам себе не веря:
Вполне случайно проломился череп.
Обрел такую долю по ошибке.
Зачем я уподобился бы черви».

«Не мучай старика, оставь побои.
Могу я заменить его собою.
Перенести необходимо муки
Да милостыню соберу побольше».

Вот так Меджнун освободил и деда.
Путы на ноги им самим одеты.
Держа на привязи не старца, а джигита,
Повел тот от соседа до соседа.

«Лейли» твердит, не сдерживая слезы.
Монеты на ладони, словно блестки.
Увидев из окна Меджнуну в плаче,
Лейли упала, вывалившись просто.

На землю гулко девушка упала.
И сразу сердце в ней Лейли признало.
Едва живой и так Меджнун тащился,
Что здесь мгновенно памяти не стало.

В беспамятстве лежит он неподвижно.
Хозяин, ошалев, подходит ближе.
Когда Меджнун вздохнул, явилось пламя,
Что в сердце накопил, как стал обижен.

Хозяину не нужен сумасшедший, –
Ножом отрезал недоуздок с шеи
И цепи снял, освобождая ноги.
Одна лишь смерть обвила хорошенъко.

Лежали долго, не прия в сознание,
Покуда оба как одно создание.
Так сладостна в тиши ночная встреча,
Что изливается сердечное признание.

«Мой дорогой, – Лейли вдруг прошептала. –
Бери все то, что так оберегала.
Обняв, ощупай, разминая груди,
По меду с языка истосковалась.

О, мой Меджнун! Влюблен – не сомневайся
И предо мной всецело раскрывайся.
Предельно жажду я сердечной ласки:
Язык сокрыть, целуя, не пытайся.

Я умереть готова, коль в разлуке,
И никогда не позабуду друга.
Принять могу, чтоб находился в здравье
В объятия свои пожара муки.

Подать язык хотел Меджнун влюбленный,
Он тоже извивался оголенно.
Но сразу охватило снова пламя,
Едва губов коснулся отрешенно.

Здесь он вперед метнулся, взяв в объятие.
Сгореть в пожаре не в его понятиях.
За талию схватив, не отпускает,
Поскольку смерть витает, как проклятие.

Но все ж невыносимо было пламя,
Что разойтись пришлось, всплеснув руками.

Следил за ними некто в это время,
Кто вынудил расстаться со слезами.

Не отстает нисколько чудный странник.
За городом догнал он, как ни странно.
Под ухо прошептал: «Остановитесь»,
Хотя Меджнуну ни к чему охранник.

Остановился, чтоб увидеть облик.
Лейли, возможно, вспоминали оба.
Предстал джигит какой-то с кротким видом,
С кем не имел знакомства никакого.

Приветствуя, заговорил печально:
«Увидел вас в объятиях сначала.
Когда вы сблизились, огонь взметнулся,
Что и меня подобно отличало.

Любовь известна мне не по наслышке
И о твоей я знаю многое слишком.
Следил нарочно, чтоб прийти на помощь,
Иначе в пепел превратили бы вспышки.

Не прячешься от смерти по лазейкам
И не отдашь ты душу за копейку.
Когда умрешь страданием задавлен, –
Вот это в мире худшая статейка.

Не обнимаясь, посмотри в лицо:
Огонь не всполошит в конце концов.
Когда же время сблизиться наступит,
Всевышний сам определит кольцо.

Огонь преодолеть она не в силах,
Причем тебя бы только осрамила.
Мужчины женщина стократ нежнее,
Поэтому судьба с Лейли немила.

Была и у меня своя невеста,
И я страдал, когда бывал не вместе.
Из-за любви она и впрямь погибла,
Как вспомню, нет покоя повсеместно.

Я не умней тебя, но знал дорогу,
Которая дала тоски премного.
С возлюбленной расставшись поневоле,
Растерянно брожу один в итоге.

Не посчитайте ярым пустословом.
Хочу предостеречь в самой основе.
С твою не сравнится наша доля, –
Твоя заветней во стократ, особа.

Привержен ты, как я, в душе к несчастью.
Как друг Лейли, тоскуешь безучастно.
Могу снабдить тебя хотя бы вестью.
Ты знаешь, кто к судьбе твоей причастен?

Запомни имя, звать меня Зайтом,
Страданиями, как камнями, битый.
Я девушку Зейнеп случайно встретил,
Что стал любовью по уши обвитым.

Зейнеп скончалась, я живу вдовою,
Лишь посещением могилы стал доволен.
Чтоб быть твоим товарищем по жизни,
Преследую тебя пешком невольно.

Давно с тобой в душе, как друг, поклонник:
Носил я письма, был не посторонний.
В ту пору ты ходил умалишенным,
Поэтому бывал всегда в сторонке.

Тогда и донеслась та весть до слуха,
Что залегла Зейнеп с болезнью глухо.

Несчастный, я безудержно умчался,
Когда с умом ты обходился тugo».

Однажды предложил Зайт задорно,
Чтоб отыскать Лейли скорей, проворно,
Меджнун представился незрячим нищим,
А он повел бы за руку подворно.

Зайт Меджнуна превратил в слепого,
То взвалит на спину, то в жмурках строго.
Подсунув в руку ивовую палку,
По городу водил совсем убого.

* * *

Измаялась Лейли в тоске предельно,
Сгорает от любви на самом деле.
С одной из девушек выходит на прогулку,
Чтоб не валяться целый день в постели.

Лейли в слезах, что тоже горше стали.
Искать возлюбленного и глаза устали.
На небе облаку всю тайну раскрывая,
Лейли освобождалась от печали:

«Горюешь, тученька, как я, невольно.
Неужто недовольна своей долей?
Иль, как Лейли, лишенная Меджнуна,
Выискиваешь дар природы в поле?

Чернеешь, наливаясь тяжкой грустью,
Вздыхаешь, разрывая что-то с хрустом.
Пуская вспышки, слезы льешь ручьями,
Подобно мне, кому на свете пусто.

Ты иногда грохочешь, свирепея,
Показывая мощь, исходишь пеной.

Выбрасываешь пламя, даже стрелы,
Не думая о смерти, что мгновенна.

Нельзя не в меру смертному кичиться.
Коль влюблена, не надо торопиться.
Несешь то возмущение, то благо
Не по уму, причем нам не сравниться.

Зачем ты солнце плотно укрываешь,
Чем думы горемыки умножаешь?
Когда земля лучами обогрета,
Любовь такую мигом отнимаешь.

Безумная, как это бессердечно!
Земля без солнца сникнет вековечно.
От солнечной любви трава ликует,
От нелюбви большое сердце в сечи.

Цветок без солнца вскоре не завянет?
Без солнечных лучей опять воспрянет?
Будь милостив и обернись водою,
Чтоб горе смыть, пока светило глянет.

В тени и зелень сразу потемнела.
Не видишь, как земля вся посерела?
Слезами обливаясь, выдай влагу,
Но градом не беснуйся ошалело.

Ты уплыви, не закрывая своды,
Где солнце устремляется к свободе.
Цветок под тучей, как Лейли в печали,
Кто грезит о Меджнуне в непогоду».

В тоске Лейли стояла одиноко.
Два пешехода подошли к ней сбоку.
Один из них Зайтом был, который
Водил Меджнуну, как слепца, у окон.

Незамедлительно Зайт промолвил:
«Мой старший брат, лишенный глаз, при мольбах,
Чтоб каждый оказал посильно помощь».
Поблизости к Лейли стоят невольно.

Слепцу протягивают люди подаяние.
Находчивость Зайта – оправдание.
К Лейли слепой тихонько обратился:
«Окажешь, милая, мне доброе внимание?»

Лейли признала в нем Меджнуна сразу,
Переживала, что попался сглазу.
Достала вмиг письмо свое с печатью
И в руку сунула как по заказу:

«В укромном месте посчитаешь сколько:
Я положила денег, просто скомкав.
Не пожелала хвастаться открыто,
О чем есть предписание пророка».

Слепец мгновенно взял ее бумагу.
В карман упрятал, не раскрыв ни малость.
Хоть милостыню получил в достатке,
Не в силах был он сделать с места шагу.

Не может оторвать при этом взгляда.
Зайт кружился с мольбами изрядно.
Меджнун, не шелохнувшись тут упорно,
Изрек, чтоб навести в душе порядок:

«Глаза мои потеряны взаправду.
Воспринимайте сущность слов, как надо.
В несчастье окунулся с головою
И нет в душе убогой просто лада.

Потерей зрения внутри страдаю.
Лейли лишившись, воздух обнимаю.

Блуждая в горьких муках каждодневно,
Глаза засыпятся землей, что знаю.

Живу на свете, не познав блаженства.
Одна Лейли – вершина совершенства.
Другая не заменит в этом мире,
Поэтому живу, влюбившись с детства.

Глаза мои одна лишь ты исцелиишь.
Душа на грани смерти, коль поверишь.
Но гибель с горя не войдет в анналы,
Поэтому живу в сердцах, как дервиш.

О, милая! Мне сгинуть иль не надо?
Лекарство предоставишь ли в награду?
За исцеление очей моих на радость
Отдать ли душу, вырвав, как усладу?

Бедняжка, порожденный с громким плачем,
Как одержимый, без конца судачу.
Имеется ли средство для недуга?
Глаза целы, чтоб осмотреть удачу».

Он приподнял завязанный платочек.
Лейли уловку принимать не хочет.
В глаза всмотреться подошла поближе,
Чтоб в божьем благе убедиться впрочем.

Меджнун пред нею притворился снова,
Заговорил, подыскивая слово:
«Слепому нелегко стоять, качаясь,
За стан обнять позволь, взглянувшись в оба».

Когда обнял за талию с вниманием,
Лейли упала, потеряв сознание.
Любовь внутри настолько зажигало,
Что началось снаружи возгорание.

Увидев пламя, прибежали люди.
Заит слепого утащил отсюда.
Местами сразу обгорело платье,
Что поразило всех такое чудо.

Собравшись с мыслями под крышей дома,
Спешила пояснить такое скромно:
«В кармане у меня лежали спички, –
Слепец и чиркнул ими неудобно...».

На теле девичьем следы ожога
С огнем внутри усилились намного.
Со временем настолько разболелась,
Что не могла переступить порога.

Меджнун был уведен от глаз подальше.
С Лейли в разлуке мучился без фальши.
Письмо заветное в укромном месте
Рассматривал, как любопытный мальчик.

Кольцо там было, два письма раздельно.
Одно от Ибн Салама, как хотела.
Лейли сама другое написала,
Где другу сердца объяснилась смело.

Не всем пригодны, хоть звучат стихами,
Огонь и лед, и сущность между нами.
Здесь нужен разум, а не только уши.
Читатели, в том разберетесь сами:

«Мой дорогой! Одно письмо залогом,
Приветствует тебя не раз, а много.
Он чувством одержим, но долгу верен.
Прости бедняжку за ошибки в слоге.

Второе от меня к тебе попалось.
Молитвенно пишу, что мне досталось.

Глаза твои люблю, не плачь, мой милый.
Я ухожу, любовь с тобой осталась.

Мой дорогой, с преградой не добраться.
Хотелось, встретившись с тобой, отиться.
Не думай, что по-прежнему болтлива, –
На этом свете нам не повидаться.

Я, милый мой, не знала о поджоге:
Мне б целоваться ежедневно строго.
Касаясь телом, сразу загоралась.
Но в мире том не будет нам подлога.

Я не смогла перенести накала.
Жалею, что, обнявшись, не лежала.
Что делать, если женщина нежнее
И стойкостью мужской не обладала?

Победа за тобой, а я в накладе:
Душой расплачиваюсь в том, как надо.
Чтоб ты в тоске рассматривала палец,
Колечко оставляю, как награду.

В тот раз вослед засеменил мужчина.
За городом догнал, ступая чинно.
Затом оказался этот странник.
Зачем ушел, скрываясь беспричинно?

Тогда бы мы и встретились с тобою,
Готова умереть в твоей обойме.
В объятиях достигнув высшей меры,
Не быть бы мне довольною судьбою?!

От сожаления сердечного убита.
Найдется ли нам друг верней Зайта?
При жизни нам увидеться желанно
Найдет уловку, чтоб остаться квиты.

Не время размышлять о том подолгу.
Промедлишь, – в жизни не добиться толку.
С умом в ладу, что у него в порядке:
Зейнеп не ищет, как в стогу иголку.

Скажи Зайту, чтоб придумал выход.
Нужна его смекалка, словно выдох.
Пугает сердце, застучав неровно,
Что, опоздав, застигнешь свыше вызов.

Будь в здравии, коль не дано встречаться.
Соединит нас бог на судном часе!
Любви моей, объявившей с малолетства,
Нет ничего дороже и прекрасней!

Из-за меня Меджнуном стало имя.
Твоя любовь в груди невыносима.
В глазах – лучи от нежности, мой светоч!
Пусть письмецо не жгет неотвратимо.

Из-за меня в бродягу превратился,
В ущельях и долинах находился.
Мой милый, встретимся в загробной жизни.
На свете рок еще не закатился?

Мой милый, я не возвратила долга.
Ты тоже должен не вносить залога.
Аллах всемилостив, чтоб стать легендой,
Врачующей людей в молитвах долго.

Мой милый, все же другую не приемли,
Не вызывай сомнения перед всеми,
Чтоб мы с тобой в потустороннем мире
Не встретились людьми совсем не теми.

О заданной кончине прежде зная,
Без близости мне стала жизнь пустая.

По слухаю тебя предупреждала, –
Убеждена, что честь твоя святая.

Из-за меня скитаясь, прибыл в Мекку.
Обрел болезнь, что трудно человеку.
Из жизни ты уйдешь не просто смертным,
А в памяти оставшись жить навеки.

Судьба влюбленных может повториться,
Но так любить, как мы, и не приснится.
Уверена, что назовут потомки
«Любви блаженством в благородных лицах».

Посмертно приходи, любя, к кумбезу¹.
За мной другая будет ли полезней?
Любовь бессмертна, хоть меня не будет.
Мне каждодневно ждать, хоть буду в бездне.

Мой дорогой, дана мне бабья доля.
При жизни мог насытиться довольно.
С тоскою посещай мою могилу, –
Набравшись сил, предстану даже голой.

О, боже, не смогла на этом свете
Обнять его женой, за что в навете.
Когда Меджнун придет, изнемогая,
Могилу рассеки, чтоб вышла встретить.

Мой дорогой, от слов душа сгорает,
Недуг тоскливо силы отнимает.
Живи, не проливая слез излишних.
Аллах в том мире в ложе повстречает».

От этих слов Меджнуну стало трудно.
Душа истосковалась вся подспудно.
Глаза полны не слез, а прямо крови,
Что красным стало и письмо подруги.

¹Кумбез – нагробный памятник с куполом.

Не в силах одолеть любовной страсти,
Что не имеет над собою власти.
Рыдая, безнадежно распластался,
Письмо прижал к лицу в больной напасти.

Зачем одна ушла, его оставив?
Письмо целует, словно для забавы.
Заит, застав Меджнуна в этом виде,
От слез не удержался, хоть не вправе.

Похоже помутнен его рассудок:
Ушла любовь и стало не до шуток.
Хоть будет человек собой могучим,
Не выдержит письма из ниоткуда.

К Заиту подсознание вернулось.
Письмо сердечных струн его коснулось.
Меджнуну говорит с большой надеждой:
«Она жива, в ней чувство встрепенулось.

В письме не умоляет ли о встрече?
О чем-то скверном нет в помине речи.
Нам надо подготовиться к визиту,
Не взваливая тяжкий груз на плечи.

Ненадобно оплакивать впустую.
Под громкий плач помочь я не рискую.
Коль сгибнешь, посчитав ее умершней,
То разыграешь шутку с ней худую.

Заметно по письму, что вся здорова,
Что пламенем любви пылает снова.
В сердцах обоих чувств разгул в достатке.
Как вслед не будет умереть готова?

Поверь моим словам на милость бога,
Воспринимай как заповедь благого.

Пока живой, устрою вашу встречу,
С невестой будешь вместе хоть немного.

Вначале сам я разыщу то место,
Куда потом отправимся совместно.
Тогда уж с ней согласно договору
Окажешься в объятиях прелестном».

Отправился Зайн с такой надеждой,
Чтоб в городе Лейли увидеть прежде.
Но мучило сомнение Меджнунा,
Что вера успокаивала реже:

«Увижу ли, жива иль нет на свете,
Увидев, обниму в любви заветной?
Иль не дождавшись от любимой вести,
Определиюсь в могиле беспросветной».

Представиши ли, Меджнун в каком ударе?
Горит все тело, как в огне пожара.
Весь пожелтел, за голову хватаясь,
Себя не ощущает, как в угаре.

Последнее стенание как будто,
Со вздохом пламя засверкало жутко.
Когда рыдал он, всхлипывая громко,
Свернулся калачом в своей закрутке.

То смотрит в небо томными глазами.
Неведомо, что высказал устами.
«Лейли» лишь только слышится порою, –
Лицо залито красными слезами.

Встряхнувшись иногда от смертной позы,
Дрожащей головой сулит угрозу.
Не смог представить полную картину,
Когда рука дрожит, как ветка розы.

Сумел ли передать тщедушный облик?
Такое не представишь в малой пробе.
Но если прочитает сам художник,
То кистью передаст сие особо.

Джигиты, пробивает сердце жалость.
Сочувствие к бедняге есть хоть малость?
Ни сердцем, ни душой не в силах даже,
Чтоб описать, как это проявлялось.

Но если сгинет сразу, нет досады.
Из двух смертей свою считал наградой.
Пока Заит прибудет с новой вестью,
Сумеет кто со временем уладить?

Любой батыр подобное не стерпит.
Меджнун – бедняга ждал по крайней мере.
Когда полуживым сидел в накладе,
Какой-то пешеход шел соразмерно.

Шагал он с остановками попутно,
Неся из города ответ Лейли по сути.
А юноша, живущийечно в горе,
Сегодня ожиданием опутан!

Заит идет без суеты излишней,
Не поднимая головы, потише.
Меджнуну показался он суровым,
Как ангел вести с потаенной ниши.

Эге, Заит, пришел с какою вестью?
Суров, сосредоточен неуместно.
Скажи всю правду, хоть в живых и нету.
Настипал ты сам на сей поездке.

Товарищ мой, выкладывай, что видел.
Меня жалея, не томись в обиде.

По облику заметил смерть любимой.
Как сверстник не крутись в лукавом виде!».

Зайт ответил: «Ах, жива-здрава!
Но как мне быть, коль не поверишь снова.
Назавтра уговор о встрече сладил:
В саду на вечер подготовься ровно.

С тобою мы у кладбища присядем.
Там пригородный сад раскинут рядом.
Под сумерки Лейли пребудет в сквере:
Сама определила с милым взглядом».

Зайт добился веры в нем словами.
Меджнун ожила влюбленными глазами.
Ту ночь без сна провел в пречудной грезе,
Облив лицо вновь красными слезами.

Мучение за благо принимают
Влюбленные сердца, чем жизнь питают.
Зайт всю ночь до самого рассвета
Зейнеп припоминал, от чувств взлетая.

До утренней зари Меджнун пусть млеет.
Забыть не можем о Лейли, что греет.
Упоминалось, что лежит в постели,
От мук любовных девушка болеет.

Без сна, покоя утомилась больше,
Причем разлука продолжалась дольше.
Почувствовав недуг в девичьем теле,
Решила рассказать о горькой доле:

«Отец и мать, я вам открою тайну.
Спастись от смерти можно ли случайно?
Настроилась расстаться откровенно,
Покуда час прощальной в точке крайней.

Забилось снова бедное сердчишко,
Была юна, а он еще мальчишка,
Как стала пленницей любви Меджнунा,
Овечкой, небом избранной с излишком.

К нему я устремлялась в самом детстве.
Оберегали – никуда не деться.
Пред смертью вас совсем не осуждаю:
Дана судьба такая мне в наследство.

Теперь раскрою эту тайну прямо,
На что толкает сердце все ж упрямо.
Мертвец стыдится ли живым признаться?
Не жить мне в этом мире с вами рядом.

Любовью не охвачена попутно:
Блаженство предназначено мне скучно.
Когда, не устояв пред поцелуем,
Сошлась, пожаром охватило жутко.

Вам замуж захотелось сразу выдать.
Гуляла свадьба, уносясь, как выдох.
Избавились, но предпочел Меджнуну
Сберечь мое достоинство Всевышний.

От Ибн Салама есть скоту расписка:
В письме калым оставил полным списком.
Не довелась ему со мною встреча,
Чем бог и спас, не подпуская близко.

Письмо то сохранилось у Меджнунा,
О чем толкуют бабы-говоруны.
Погиб Салам в тоске, скрутившей сердце,
Которое ко мне стремилось втуне.

Безудержно Меджнуну полюбила,
Бессонница при этом утомила.

Я смертью Ибн Салама прикрывалась, –
Все горе изливая, голосила.

Отец и мать, помру, чтоб вы тужили:
Единственную дочь со света сжили.
В беспамятстве совсем я не узнаю,
Как целовать в последний раз спешили.

Но не целуйте ни лицо, ни тело.
Возлюбленный один обнимет смело.
Покойницей огонь во мне пребудет,
Не обожгитесь, как бы ни хотели.

Единственною дочерью считая,
Родители, простите, понимая!
Прощаясь, умоляю, не целуйте.
Меджнун один прильнет ко мне, алкая.

Меджнуна не считайте супостатом.
Бродил он от зари и до заката.
Отринув все на этом белом свете,
Меня лишь полюбил он неотвратно.

Когда меня склоните в могиле,
Прошу, чтоб все скорее отходили.
Меджнун немедленно ко мне прибудет.
Пускай хоть там мной насладится милый.

Когда Меджнун прибудет со стенанием,
Пускай никто не портит нам свидание.
Не надо при невероятной встрече
Глазеть бесстыдно с ложным оправданием.

Придет ко мне, раскрыв свои объятия,
За шею обоймет Меджнун приятно.
Хоть будет он в одежде, а я голой,
К лицу ли находиться просто рядом?

Могилу для меня копайте шире,
Чтоб уместиться нам вдвоем в том мире.
С Меджнуном встретимся по божьей воле
И будем рады, как на дружном пире.

Исполнится на деле это слово.
Хоть чудо, но поверить я готова.
Не трогайте, когда со мной приляжет.
Пускай народ воздаст молитву снова.

Письмо Меджнуну отправляла прежде,
Писала обо всем, вдыхая нежность.
Приветствуйте при встрече троекратно,
Устройте мой уход в тот мир прилежно».

Все просьбы обещал отец исполнить:
«Твои слова мне будут веющим долгом.
Мы с матерью как будто онемели,—
Теперь и нам осталось жить недолго».

С молитвами глаза прикрыл дивчине.
В слезах родители с большой кручиной.
«Меджнун!» – произнесла Лейли три раза,
Пока душа не вылетела чинно.

На свете жизнь настолько быстротечна,
Что люди все, как гости в нем извечно.
Лейли от прелести топила камень,
Прожив так мало в мире человечьем.

Оплакивал народ, Лейли жалея,
Когда любовь достигла апогея.
Отца в окруже люди обвиняли,
Из-за любви Меджнуна к ней болея.

Назавтра хоронили честь по чести.
И стар, и млад переживали вместе.

Покойнику устроили в кумбезе
Что мрамором был выложен чудесно.

При этом на слова я не скупился.
Тут в памяти Меджнун опять явился.
В условленном саду он дожидался.
Теперь о нем, чего в любви добился.

Сидел он в ожидании рассвета.
Возошло и солнце, близок час обеда.
Но вдруг Меджнун лицом преобразился,
Хотя и увлекла его беседа.

Глаза направил он к небесной сини.
Зайт кружил с ошеломленной миной.
Меджнун промолвил: «Зов Лейли я слышу.
Душа ее с другими как в помине.

Зайт, скажи, с Лейли была ли встреча,
Меня оставив, не ушла ли в вечность?
Известно стало о Лейли кончине.
Когда смогла от бытия отречься?».

«Мой дорогой, – сказал Зайт спокойно. –
Когда пришел, она было покойной.
В ту пору сообщить счел неуместно,
Чтоб смерть не унесла тебя, как двойню.

Узнав вчера, примчался бы ты сразу
И бросился к покойнице в экстазе.
Подумал, что проститься можешь с жизнью,
Поскольку смерть не пропускает лаза.

«Зайт родной! Зачем сидим беспечно?
Ничем я без нее не обеспечен.
Душа любимой кружит надо мною:
Скорей веди на кладбище для встречи».

Направился туда без остановки,
Могилу обнаружил очень ловко.
Как беркут, припадающий к лисице,
Упал, обняв, крича скороговоркой:

«О, милая! Оставил кавалера,
Зачем ушла, сгубив во цвете веру?
Три года добивался своей цели,
Но не добился ничего из меры!

О, милая! Зачем опередила?
Душа моя что только не сносила!
Она твоей нисколько не дороже,
Жалеет, что тебя не сохранила.

Мне дороги все девичьи забавы.
Отдав за них себя, не буду ль вправе?
При мне бы умереть тебе пристало,
Чтоб умер я с тобой, обняв на славу!

Любимая, мне стало одиноко.
Душа твоя – доверенное око.
В могиле ты, а я стою пред нею.
Хочу залечь с тобою рядом, сбоку.

О, дорогая! Встала бы немного.
Возьмешь с собой переступить порога?
В письме сама ты прямо предсказала:
«Телами прикоснемся волей бога».

Средь нежити в любви не отрекаюсь,
От страсти человеческой спасаюсь.
В письме прощальном, если не кокетство,
Писала: «Ты придешь – я раскрываюсь».

Ушла одна, а я один остался.
Живую вспомнив, с места порывался.

В словах при жизни не было огрешов.
От них поныне я не отказался.

Просила языка – давал, целуя.
Свидания бывали в срок, не всуе.
Ушла ты от меня с напрасным долгом.
Не зрел ли я твой лик, в душе ликуя!

Не говори, что «умерла, не мила».
Ты лучше открывай свою могилу.
В обнимку ляжем в постоянной ложе,
Хоть я одет, ты в чем на свет явилась».

Раскрыл могилу в этот миг Всевышний.
Обнял Лейли Меджнун и тяжко дышет.
Опять закрылась, как сундук, обитель.
Вот так сошлись бедняги волей свыше.

Стоял Зайт у вечного приюта.
Не мог он с места сдвинуться по сути.
Вот так в шестнадцать лет Лейли с Меджнуном
Закончили земное перепутье.

Народ благословил любовь молитвой.
Немало слез поклонников пролито.
Безжалостная смерть неодолима,
Что даже от пророка не отбита.

Родители Лейли-Меджнуна к чести
С Зайтом чтили розно и совместно.
Взраставшая Меджнунна та старуха
Все слезы излила на этом месте.

* * *

Джигиты, завершить хочу особо.
С Лейли в душе произнесу я слово.
Моя эпоха не вдали Меджнунा,
Из-за нее болею сердцем кровно.

Влюблен не в девушку, в сущность жизни.
В ее пяти чертах нет укоризны:
Любовь, свобода, честность повседневно,
Наука, справедливость к дальним, близким.

Никто, возможно, не ведет и ухом,
Но воспринять обязан скрытым слухом!
Не думай, что нет вовсе их на свете.
Боюсь, казахи отвернулись духом.

Не думай, что черты те не хранимы,
Что степняки не пользуются ими.
Уму подвластно многое на свете,
Все пятеро с ним будут совместимы.

Любовь погибла раньше, я остался.
Собакам многим на оскол достался.
Имея счастье и богатство впрочем,
Убогим предстаю, как ни старался.

Нет справедливости и верной чести,
Что смерть была бы для меня уместной.
Чем жить среди двурушников притворных.
Пускай мне бог скорее даст повестку!

Не требую я ни за что оплату.
Коль так поймешь, подобен супостату.
Нет сердца чистого, за что в обиде,
И тягу к честности народ утратил.

Откуда будет у казахов разум,
Когда науку отпихнули разом?
Одни льстецы, пройдохи, скоморохи
На те пять черт относятся с отказом.

Я тоже справедливость избегаю,
Чтоб палачей рассредоточить стаю.
Тем самым приобрел и недостатки.
Скажите, есть лекарство, умоляю?

И я嘗試ался быть непостоянным,
Укрыться от молвы в глухой стоянке.
Но ничего из этого не вышло,—
Пришлось в ответ стрелять, как окаянный.

Повсюду люди вновь с ума сходили,
Неудержимо сплетни заводили.
Со временем душа вся холодела,
Что выходить к народу я не в силе.

Никто в округе одолеть не может.
Но эта бездуховность сердце гложет.
Не надо мне подобной ханской чести,
Когда уродство на любовь похоже.

Беда моя с Меджнуном сравнится?
Не с горя ль сник, что, как туман, клубится?
Ни чина, ни богатства мне не нужно.
Сполня мне бог дал рану, что сочится!

Свобода – вот что для поэта надо.
Владеть собой – первейшая награда.
Откуда у казахов та манера,
Чтоб привнести и горе, и усладу?

Ни хитрости, ни злости не имею.
Идти на подлость за себя не смею.

Коварство окружило в жизни плотно,
Что ситуацией разумно не владею.

Меджнун всем сердцем полюбил реально.
Сходил с ума из-за Лейли нормально.
А мне, бедняге, мнится только призрак.
Не хуже ль рок достался изначально?

В степи по чести есть большой ученый?
На смерть он будет ими обреченный.
Не с призраком ли в жизни я связался,
Что, как Меджнун, от мира отрешенный?

На вид здоров, внутри я сильно болен.
Пока живой, кто будет мной доволен?
Считай меня отныне просто мертвым.
Желаю всем родным не этой доли.

Никто всерьез не относился к слову.
Услышав, за свое берется снова.
Давно слова разбрасывал на ветер,
Не знал, что смерть забрать с собой готова.

Страну объехав, не нашел я честность.
Взвывая к людям, приобрел известность.
Как будто посетил Лейли могилу,
И для своей подыскиваю местность.

Недуг не воспаляйте, преградите.
Отпетым хвастуном не назовите!
Тогда совсем обглоданные кости
Сжуете за собаками сердито.

Пускай грызет останки кто попало.
Досыта наедитесь, если мало.
Греховно человеческое мясо:
Конец известен подлого начала.

Доволен, что досталось впору мясо.
Сдирай, как волк, когтями опоясав.
Что полностью не утолишь свой голод,
Глаза песком засыпав, станет ясно.

Глотай еще, пока живот не вздую.
Не успокоишься без вздоха ни в какую.
Но в судный час, когда весы в настрое,
Раскрою рот и громко обличую!

КАЛКАМАН И МАМЫР

Это событие действительно происходило в 1722 году, когда казахи нашего Среднего жуза кочевали вдоль Сыр-Дарьи, всего за год до поражения их от калмыков, которое известно под названием «Годы великого бедствия».

Хотя прежние казахи на любовное дело Калкамана и Мамыр относились отрицательно, наши образованные современники относятся к нему с пониманием и поминают безвинных жертв в молитвах.

По происшествии в этом году ста девяносто лет, зная, что мне не воскресить их, решил хотя бы восстановить в памяти народа. Данное повествование забывается даже аксакалами, поэтому мне так захотелось, чтобы остались следы двух влюбленных, поскольку и от нас может ничего не остаться.

Автор

Вглядись в себя – добудешь и ответа
На то, что есть давным-давно на свете.
Вдоль Сыр-Дарьи казахи кочевали
Вначале восемнадцатого века¹.

Анет-Баба – старейшина Аргына²,
Нарек и бием, и муллою сына.
Так наделен он честью в Среднем жузе,
Когда почти что век ему нахлынул.

Кишиком звался у Анета предок.
Рожден был он за Мамбетеем следом.
Мамбетсопы, Кишик от матери одной.
Ей как ханше Турсына страх неведом.

Айтек – мой предок в седьмом колене.
Анета младший брат, готовый к смене.

¹В оригинале названа точная дата: 1723 год.

²Аргын – племя, ответвлением которого был род Тобыкты.

У байбише¹ родился сын Олжай;
У младшей – Байбори и Калкаман отменный.

Здесь Байбори Бакеном просто звали.
Не сказку ведаю, а правду изначально.
Родимый край покинул Калкаман
Из-за любви, о чём не извещали.

* * *

У Мамбетея множились потомки.
Один из них прослыл как бай прегромко.
В пятнадцать лет одета как мальчонка,
Мамыр взирает скрытой незнакомкой.

Мамыр помимо нет детей у бая.
Никто не смел считать девчонкой, зная,
И чтоб не обозлился крупный бай,
Общались с ней, за мальчика считая.

О сватовстве не может быть и речи,
Из-за ерек шоры², наверно, искалечат.
Не думал о женитьбе Калкаман,
Но при Мамыр душа горит, как свечка.

Он знал ее и раньше, даже с детства.
При ней он млел и таял без кокетства.
И все ж на пастбище Мамыр о том узнала:
Тумак, курук³, как мальчик при наследстве.

Молчание джигиту надоело.
К взаимности любовь устремлена.
Загадками, как будто между делом,
Сказал он то, чего ждала она.

¹Байбише (каз.) – старшая жена.

²Ерек шора – девочка, одетая как мальчик (Автор).

³Тумак, курук (каз.) – лисья шапка, петля для поимки лошадей.

– Воссоздан человек, Мамыр, аллахом.
Хая-Ана¹ к Адаму шла без страха:
С мужчиной женщина воссоединена,
От них и люди разрослись с размахом.

Адама надо бы оставить с плотью,
Чтоб разводил детей он с оторопью.
С какою целью призвана Хая?
Вот здесь ума не приложу я плотно.

– Ай, Калкаман, кто равен в мире богу?
В товарищах нет у него нужды.
Любовь нужна всем сущим на подмогу.
Без этого все чувства нам чужды!

Но если нет избранника с любовью,
Подумай сам, зачем на свете жить?
Аллах к любви лишь породил любого,
Который должен лишь добро творить.

– О, Мамыржан², слова твои – находка.
И все-таки хочу сказать в ответ:
Не ждут меня ни друг и ни красотка.
С кем поделиться или умереть?

Мамыр узнала о заветной цели,
Но все же решила просто промолчать.
Хотя любовь проснулась в самом деле,
Душа, волнуясь, начала гадать.

Краснеет и бледнеет дочка бая,
И на лице играет сердца зной.
Внутри огонь, снаружи льдина тает,
И капли пота жгут наперебой.

Мамыр, решившись, обратилась вскоре:
– Ай, Калкаман, известен стал уклон.

¹Хая-Ана – праматерь в мусульманской религии.

²Мамыржан: жан (каз.) – душа.

Я и подумать не могу о вздоре.
Надежду потерять,— как смерть, урон.

Мамыр уходит после сих признаний,
Покой теряет вовсе Калкаман.
Однажды слышит, жаждя свиданий,
Что девушкой оделась Мамыржан.

И радует его такая новость.
Он думает, что прямо в цель попал.
И в то же время беспокоит совесть,
Как будто кто-то между ними встал.

* * *

Казахи и калмыки враждовали
Из-за земли и косяков коней.
Победу раз казахи одержали,
И тобыктинцы радовались ей.

Хан Самеке дал пир в Среднем жузе.
На тое было множество людей.
И молодежь в порыве и в союзе
Обрадовалась вольности своей.

Обычай был, что назван был бастаном¹,
Где молодежь сходилась в дружный круг.
И мысль овладела Калкаманом,
Чтоб предложить Мамыр такой досуг.

Мамыр решила заколоть ягненка.
Гуляли люди молодые всласть;
И Калкаман, подкравшись потихоньку,
Спросил Мамыр, когда ответ все ж даст.

¹Бастан — девушки при отсутствии родителей созывают сверстников, закалывают скотину и устраивают вечеринку. (Автор).

Хоть Калкаман услышал то, что надо,
Ушел, как будто ничего и нет.
Слова Мамыр стихами, как награда,
При всех и прозвучали как ответ:

«Растет камыш на западе аула.
За послезавтра уж не встретишь ты.
Должны быть честь и сила, словно пуля.
Иначе путь проляжет за хребты».

Такой он получил ответ-загадку.
Другие не учудили секрет.
Коль послезавтра – в том и есть отгадка –
Не встретишь в камышах, то значит – нет.

И Калкаману таинство под силу:
Постичь он смысл ее слов сумел.
И послезавтра в камыши за милой
Под вечер не пришел, а прилетел.

Когда аул ко сну уже клонился,
Пришла Мамыр в густые камыши.
– Зачем без этой встречи, – он взмолился, –
Далече собралась, хоть не ищи?

– Ах, Калкаман, как ты все ж опрометчив.
Мамыр пришла не насовсем к тебе.
Уж завтра сватов шлют со льстивой речью.
Наверно, так представлено судьбе.

Вчера узнала, что судьбе угодно,
Что наготове ехать к нам сваты,
Поэтому дала знать, что сегодня
Еще успеешь повстречаться ты.

Прощения просить пришла к тебе я.
Жива, но смерть витает надо мной.

Прощаюсь я с тобой, прося прощения.
С тобою я не телом, а душой.

– Эх, Мамыржан, слова твои пустые.
Тебя ли спросят, если промолчишь.
У мулл наслышен, будет, как в пустыне,
С молчанием безмолвие и тишина.

Мамыр, меня коль любишь, то откройся.
Свидетель – бог, за нами – шариат.
Анет-Баба и пол-муллы, не бойся,
Поддержат нас, народ – не супостат.

– Коль, Калкаман, слова твои правдивы.
Как видишь, я пришла к тебе сама.
Ты суженый мой, чувства наши живы.
Твори, что хочешь, хоть своди с ума.

– Тогда я увезу тебя сейчас же.
Пойми, здесь нерешительность вредна.
Скотом откупимся, не будет тяжбы.
Я тобыктинцев соберу сполна.

– Не женится род Тобыкты на близких.
На смерть бы лишь не осудили нас.
Не за себя переживаю в риске.
За вас боюсь, ведя на судный час.

– Ау, Мамыржан, ты говоришь о чем-то,
И внуков брак одобрят шариат.
Пошел на этот шаг, поверь, с расчетом,
Коль не отступишь от любви назад.

Мамыр сказала: – Без тебя нет жизни.
Слова звучали трижды как отказ.
Доверься богу. Я склоняюсь низко.
Готова к смерти, коль иду как раз!

Задерживал я вас словами просто.
Аллаху веря, так и поступай.
Хотела, чтоб надежней был наш остов.
Здесь белый иноходец – принимай.

* * *

Влюбленные на иноходца сели
И через час приехали в аул.
Здесь Калкаман, признав вину на деле,
Послать к Олжаю вестника дерзнул.

Олжай пошел к Бабе посреди ночи:
Походка суетлива и робка.
Анет-Баба спросил, направив очи:
– Зачем пришел, торопишься никак?

– Наш Калкаман привез Мамыр,
наставник.
Никто об этом ничего не знал.
Бежать им дальше или здесь остаться?
Пришел я за советом, аксакал.

От этих слов Анету стало грустно,
Сказал со вздохом: «Видел сон плохой.
Какое дело и такое чувство.
Там Кокенай, который так крутой».

Ему все в Мамбетее и подвластно.
Он и батыр с характером лихим.
На страже он всех дел здесь ежечасно,
Решаемых с Бабой и только с ним.

Баба сказал: – «Куда ее он денет.
Все Тобыкты, придя, оповести.
И не жалейте ни скота, ни денег.
Всевышний да поможет нам в пути.

На сборе с Тобыкты четыре рода:
Канжыгаль, Басентиин, еще
И Атыгай, и Караул подходят,
Анета клич поддержан горячо.

Никак не сговориться с Мамбетеем.
Не волновал калым тут никакой.
Он требовал лишь приговор смертельный,
Иначе будет не в ладу с Бабой.

Баба сказал: – «Казнить здесь неуместно.
Камнями забивать их ни к чему.
Коль не разрушен чей-то брак, нечестно
Распоряжаться кровью посему».

Бродили люди много дней без дела.
Но Кокенай не склонен был на мир.
Пословицей с тех пор слова осели:
«Как тяжба Калкамана и Мамыр».

* * *

А время шло, но продолжались распри.
На горе или счастье бьет набат.
Однажды и Мамыр, собравшись наспех,
В аул свой прибыла – на то судьба.

Не соглашаясь, Кокенай кружился,
В тот день с охоты прибыл он домой.
Заметил, что вдали народ скопился.
Пастух сболтнул: «Мамыр идет с толпой».

Услышав это, взял он в руки луку.
«К Мамыр не приближайся! – вскрикнул он. –
Бесстыжая, знать, ищет здесь поруку».
И человек был в сердце поражен.

В момент Мамыр согнулась, став согбенной.
Молилась, побледнев, держась за грудь.
Бедняга из последних сил мгновенно
Сказала, отходя в последний путь:

– Прощаю я, ты, Кокенай, запомни.
Пред богом совесть полностью чиста.
Пусть кровь моя греховно не заполнит.
Не трогай Калкамана так, спроста.

Две смерти тяжелы для сердца будут.
Не радуйся жестокости своей.
Тоски любви двоих набрался груду.
Воздаст ли благо кто-то из людей?

Исполнилось желание как надо.
Мне смерти Калкамана не видать.
Убив меня, не стал моложе чада.
Души моей тебе и не познать.

– Прощай, мой Калкаман!.. Аллах накажет. –
Потрогала лицо, глаза раскрыв чуть-чуть.
Взглянув на мир пустой с любовной жаждой,
Отправилась Мамыр в прощальный путь.

* * *

Свершив свое, собрав всех мамбетейцев,
Злой Кокенай о казни сообщил.
К Бабе он шлет слова, хоть ты убейся:
«Зачем он Калкамана не убил!

Сестренку в жены взял тот самовольно.
Такую наглость я не потерплю.
И коль Баба в живых оставит вора,
Кишика я не знаю, отколюсь.

Клянусь аллахом! Сразу откочuem.
Пускай другого родича найдет!»
Дошло до Тобыкты такое чудо
И всколыхнуло родственный народ.

Баба сказал: «От распрай не избавим,
Давайте мы исполним шариат.
Мужчины кун¹ и женщины добавим.
Пусть Мамбетей останется как брат».

Но мамбетейцы не согласны снова,
Твердят свое: «Унизили – раздел.
Анет-Баба, где справедливость слова?
Уйдем как чужаки в другой предел».

Не разрешили ни мольба раздора,
Ни кун солидный, ни большой калым.
К разделу Тобыкты шел в уговорах,
За Мамбетея речь Канжыгали:

– Баба, создателю дела известны.
Из-за малышки раскололся род.
Возьмешь ли грех на душу, если честно?
Калмыки жмут и разобщен народ.

Пойдем и мамбетеевцам навстречу.
«Ерекек-токты² есть жертва» – говорят?
Но Калкаман для Тобыкты не вечный.
Коль жизнь отдаст, то жертва он опять!

К словам Бабы прислушалась округа.
Ко всем невеждам супротив не стать.
Сказал: «Спасу я многих от недуга!»
Вздохнул Баба: свое не отстоять.

¹Кун (каз.) – выкуп за убитого человека.

²Ерекек-токты – ягненок-самец, который по обычая приносится в жертву.

Одни невежды прут и мудрый старец
На крайнее решение пошел,
Твердя: «Аллах, не бьется сердце даром».
Простится Калкаман средь бела дня с душой.

Бабы благое сердце стало льдиной.
Назавтра казнь – заступника и нет.
Уходит Калкаман в любви безвинной.
Абаю вы же затмевали свет.

Баба Аллаху помолился тихо,
Ручьями пот облил его лицо:
«Пусть Калкаман верхом промчится лихо,
А Кокенай стреляет, как в кольцо». –

Приказ свой заключил Баба весомо:
«Попал – так Кокенай твое взяло,
А нет – как прежде жить в ауле, дома.
Аргын – за, Мамбетей доволен зло.

И Кокенай согласен с приговором.
И мамбетейцы взобрались на холм.
Скакун Ардакурен под стать и впору,
Что Калкаман обозревал весь дол.

Глаза иных в тот миг затмили слезы:
Как кратко длится в жизни белый свет.
Привстав на стременах, родной и грозный,
Так людям Калкаман послал привет.

– Ай, люди, я погибну, вы остались.
Я жертвой стал, так в жертву режут скот.
Собрата жизнь оценена в столь малость,
Введя и старца под греховный свод.

Вам даром не пройдет моя обида:
В бродяг вас превратит еще калмык.

Душа тоскует по Мамыр, как видно.
Чиста она, как молвит мой язык.

Известно, без Мамыр не жить мне долго.
Излишним счел меня наш Средний жуз.
Мне только Тобыкты предельно дорог.
Надеюсь, враг не скажет: сердцем пуст.

– Прощай! Благослови, Баба, – привстал он.
– О, бог, прошу помочь! – благославил.
А рыжий конь понесся, распластался,
Что, кажется, уж Калкаман не жил.

И Кокенай свой лук прицелил туго,
Что вмиг стрела отшибла часть седла,
Но всадник цел и туловище сухо.
Стрела пронзила справа и прошла.

Обняв коня за гриву, дальше скачет.
Он четко виден с дальнего холма.
Сорвал рукав он на своей рубашке
И рану на бедре им обвязал сполна.

Все юные наездники скакали
От радости, судьбу благодаря.
Устроить праздник брату обещали,
Но все потуги были только зря.

Им Калкаман: – О, сверстники, постойте.
Меня сегодня вроде вовсе нет.
Когда мне смерть – решение простое,
Смогу ли я забыть до склона лет.

И не смогу я жить средь тобыктинцев.
Не тронет впредь здесь шутка или смех.
Мне казнь приготовили гостинцем.
Обиду не растопят просьбы всех. –

Закончив слово, Калкаман отменный
Взмахнул камчой на рыжего коня.
Догнать невмочь, умчал, как от огня,
На Елибай, на жуз большой, где пленник
Узнал – есть Бухара и матери родня.

И впредь никто не видел Калкамана.
Анет-Бабе пришлось оповестить.
У Тобыкты была такая рана, –
Коней рядил, чтоб летом излечить.

* * *

Буквально через год происходило¹
То, что казахов вдруг поработило.
Цевен-Раптан – калмыков вождь, батыр
Хитер в бою и в этом его сила.

По линии казах – калмык сражались.
Еще до линии все трусы позажались.
Бабы погибли пятеро детей, –
Казахов охватила сильно жалость.

Калмыки в битве грозной одолели.
Убив казахов двух третей, смелели.
Поскольку не смогли здесь сил собрать,
Ушли казахи на Арку,² осели.

Дорогу эту знают все казахи,
Как «актабан шубырынды»³, как плаху.
Брели босым и ступни белели,
Плелись казахи – вспугнутые птахи.

¹ В оригинале названа точная дата: 1723 год.

² Арка, Сары-Арка – золотая (желтая) степь на севере Казахстана.

³ «Актабан шубырынды» (каз.) – беспорядочное движение с белыми ступнями ног.

Поэтому и поиск Калкамана
Не состоялся, как хотели, рано.
И даже сам Анет-Баба бессильный
На холмике остался, как ни странно.

Потомки Калкамана, если верно,
С Большим жузом в родстве срослись примерно.
Себя причислив к роду Елибая,
Про нас совсем не знают уж, наверно.

Случится, кто-то из родных потомков
Когда-нибудь прочтет вот эти строки, –
В Семипалатной области живут Олжай,
Бакен – вам родичи по крови.

И мы живем в отрогах гор Чингиса.
Найдете в Среднем жузе, коль случится.
А в Тобыкты есть Кунанбай-хаджи¹.
Его-то знают мыслящие лица...

¹Хаджи – человек, совершивший паломничество в Мекку.

ПРОЗА

ЗА СЕМЬДЕСЯТ ДВА ГОДА

За семьдесят два года, прожитых мною, мне пришлось быть свидетелем событий малых и великих, много повидал я доброго и скверного, немало и сам дел совершил – и нужных, и пустых. Говорят: «Найди себе кумира для подражания». Кумиром для меня стал покойный Абай. Следуя ему, рано отстранился я от межродовой распри и унизительных междуусобиц, избрал путь истины и справедливости, занялся науками. Специального образования я не получил, но постоянно пребывал в кропотливых поисках знаний – изучал труды известных мыслителей, знакомился со взглядами на жизнь писателей разных времен и народов, встречался, имел беседы со знающими, разумными людьми, много времени посвятил писательскому труду.

В пятидесятилетнем возрасте отошел от житейских дел и забот, уединился вглубь и стал записывать свои мысли, наблюдения. Писал не для того, чтобы прославиться, ибо знаю, писанное и сказанное ради утоления жажды тщеславия, не имеет никакой ценности. Писал и пишу лишь ради того, чтобы моя жизнь послужила уроком для грядущих поколений.

Сейчас мне за семьдесят, душа еще бодра, но тело изношено и оно становится ненадежным пристанищем для мыслей. Несмотря ни на что, пытаюсь запечатлеть свои думы на бумаге.

Для того, чтобы более подробно изложить, глубоко изучить вопросы, которые волнуют и тревожат меня,

понадобилась бы долгая жизнь. Моей, оставшейся, на это не хватит. Поэтому изложу свои суждения вкратце.

Часто люди неглупые бывают одержимы несбыточными идеями, бесплодными мечтами, проводят время в пустословии, что равносильно навязчивой хвори, от которой необходимо избавляться.

Как известно, наука – есть плод человеческой мысли и фантазии. Человек – частица природы. Его мечты основываются на вполне реальных, возможных предметах и явлениях. На первый взгляд, эти мысли могут показаться абсурдными, потому что представлены в преувеличенной или измененной форме, являются искаженным отражением нашего будущего.

То, что вчера казалось несбыточной фантазией, мечтой, сегодня воплощается в жизнь. И никуда нам от этого не деться. Фантазия неистощима, не имеет пределов. Моя же проста, близка к действительности.

Какими благими усилиями можно исправить человеческую природу? Что предпринять, чтобы человечество научилось жить в мире? Эти вопросы веками тревожат умы и совесть лучших из людей.

Многие ученые пытались изменить жизнь людей в лучшую сторону. Ими написано множество книг, выдвинуты самые различные идеи и мысли.

Некоторые из них утверждали, что человек может стать чище и совершеннее, познав природу Создателя вселенной, посвятив себя служению Богу. Другие предполагали, что достичь гармонии человеческого общества можно, упразднив правительство. Иные ратовали за всеобщую свободу, чтобы каждый мог жить по своему разумению и желанию. Если одни видели спасение человечества во всеобщем просвещении, другие пытались уравнять в правах богатых и бедных, третьи полагали, что человека можно изменить воспитанием. Находились и такие, которые утверждали: поскольку сама жизнь на земле – есть

беспрерывная, беспощадная борьба за существование, люди должны жить, следуя этим законам.

Я же убежден: ни одна из этих идей не в силах внести изменений в человеческую природу.

Рассмотрим попытку исправления человека наставлением его на религиозный путь. Посмотрите на мулл и суфи. Ежедневно творящие пятикратный намаз, прикрываясь Кораном, они в то же время бессовестно обманывают и обирают народ. В чем их святость?

Если же не будет правительства, значит люди не будут подчиняться справедливым и единым для всех законам, не будут ведать милосердия друг к другу, злобные хищники станут пожирать слабых и беззащитных. Как тогда жить людям?

Просвещенные умы владеют тайнами ремесел, их возможности неограниченны. Но где, в каком деле используют они свои знания? Насколько я знаю, с помощью науки люди научились делать смертоносные орудия, нашли ядовитые газы, истребляют друг друга, как диких зверей, сильные превратили слабых в рабов, вся планета обагрена человеческой кровью. Пример тому Америка и Англия – государства, считающиеся самыми развитыми и цивилизованными.

Отнимая имущество у богатеев, раздавая его неимущим, уравнивая их в правах, тем самым приучаем тунеядцев и нищих к губительному для них безделию и лени.

У меня четыре взрослых сына. Все они родились от одних отца и матери, росли в одной среде, питались одинаково, получили одинаковое воспитание. Но один из них терпелив, другой – вспыльчив, третий трудолюбив и милосерден, четвертый жесток и ленив.

И, наконец, обратимся к утверждению, что жизнь есть борьба и люди рождены для того, чтобы немилосердно уничтожать друг друга. По-моему, эта идея бесчеловечна и не имеет под собой никакой основы.

Люди, имеющие разум, совесть, питающие чувство милосердия к братьям своим, не могут жить, истребляя, губя друг друга.

По моему разумению, основой для хорошей жизни человека должны стать честный труд, совестливый разум, искреннее сердце. Вот три качества, которые должны властствовать над всем. Без них не обрести в жизни мира и согласия.

Безусловно, человек должен получить образование и обязан применять свои знания и мастерство в использовании несметных природных богатств. Все достижения человеческого разума должны быть направлены на нужды и интересы человечества.

Милосердие, любовь, доброжелательность, искренность исходят от чистого, бескорыстного сердца. Честный, разумный человек не станет чинить зло другим, ему чужды пустое бахвальство и постыдный эгоизм. Можно не сомневаться, имея такие качества, люди обретут благополучие.

Но серьезным препятствием на пути к этому могут оказаться те вредные задатки, которые стали настолько привычны, что люди приняли их за правило. Причем эти пороки могут порождать бесконечную вереницу злодеяний, таких, как насилие, ложь, властолюбие, стяжательство, жестокость, кровожадность.

Нужно неустанно искать пути избавления от этих пороков.

Правителями государств следует избирать честных, умных, бескорыстных людей. Следует назначать должностных лиц, способных создавать справедливые, гуманные законы, следить за их соблюдением.

Необходимо учить людей трудиться, необходимо дать им образование, но всего этого недостаточно для изживания в человеке нравственного уродства. В процессе воспитания человека необходимо ввести науку совести. Об этом должны позаботиться ученые головы. Они должны разработать данную теорию как

дисциплину, обязательную для всех. С младых ногтей нужно воспитывать в людях чувство высокой порядочности, самоуважения, что помогло бы изжить в себе животные инстинкты, искоренить пагубные вожделения. Только тогда можно питать надежду на исправление человека и человечества...

ЗЕРКАЛО ПОДЛИННОГО СЧАСТЬЯ

На самой заре своей жизни, делая первые шаги, пытаясь произнести первые слова, я чувствовал привязанность к сверстникам, с которыми играл, любил их искренне, как родных братьев, увлекшись играми, забывал о еде и быстротекущем времени.

Мое безмятежное счастье! Невинные забавы, любовь к друзьям, трепетная забота отца и матери, которую я ощущал, возвращаясь домой! Куда все сгинуло? Где это теперь?

В детстве мы то ли боялись, то ли робели старших, как-то сторонились их. О причинах такого отчуждения я тогда не задумывался. А теперь, кажется, понимаю.

...Однажды я обратил внимание, что взрослые ребята с азартом мечут альчики, бегают наперегонки, в лунные ночи играют в «белую кость». Игры их показались мне намного интереснее наших, малышевых – копание «колодцев», строительство «замков» из камней. Вскоре я примкнул к подросткам, стал играть в их игры. Вот это, наверное, и было моим первым слепым стремлением к счастью. У мальчишек дело редко обходится без ссор и потасовок. Стыдно, но я, бывало, запугивал детей бедных родителей тем, что «все расскажу отцу». Кем были мой отец и мои братья? – Богатыми, влиятельными людьми, правившими жизнью всего округа. Кто же не убоится их?

Но шло время, и, пресытившись играми, я невольно стал обращать внимание на юношей, которые оде-

вались нарядно, бренчали на домбре, пели песни. «Ойпырай! – думал я завистью.– Вот оно, настояще счастье!» Меня неудержимо влекло к ним, я тянулся за ними и вскоре превзошел многих в щегольстве, изящных манерах.

Невозможно вспомнить, невозможно описать все увлечения и переживания, выпавшие на мою долю.

Казалось, не успел я изведать до конца утех юности, как жажда нового счастья охватила меня. Оказавшись в кругу почитаемых всеми степенных мужей, посещая их собрания, прислушиваясь к мудрым речам и суждениям, я все больше убеждался: вот оно, подлинное счастье – счастье зрелого возраста, когда можно обрести вес и значимость в обществе, проявить свою «гражданственность», самоутвердиться.

Набираясь опыта, вникая в тонкости взрослой жизни, стал я сведущ во многих вопросах, но тут меня подкарауливало другое «счастье», именуемое богатством. Чем дальше, тем больше захватывало оно мое внимание, полонило волю. Жизнь без денег казалась мне блеклой и безрадостной. «Боже мой!– думал я самонадеянно.– Разве мне недоступно то, чего достигли другие?» Со всем жаром и энергией молодого сердца окунулся я в стяжательскую деятельность, достигнув и тут немалых вершин.

В начале, когда я довольствовался лишь играми в альчики, возникло в моей жизни одно занятие, которое я воспринял, как насилие над собственной волей. Неприятно признаваться, но именно оно стало причиной первой трещины в моей монолитной, безоглядной, светлой любви к родителям. Этим занятием было учение. «Учись, вместо того, чтобы играть в альчики», – твердили родители, мне же казалось, что они безжалостны и равнодушны, ибо отрывают меня от любимых игр, навязывают что-то неприятное, ненужное. Это было первым моим

столкновением с действительностью, первым противоречием между желанием и неизбежным долгом.

Итак, обретая одно за другим многочисленные разнообразия «счастья», я стал кичиться перед теми, кто был слабее меня и всеми силами стремился за теми, кто меня в чем-то превзошел. Было еще многое всякого в захватывающей погоне за счастьем, всего и не упомянуть...

Не стану утомлять вас подробностями, поведаю о последних своих размышлениях.

Однажды, откуда ни возьмись, посетила меня внезапная мысль: «Вспомни о прожитых годах». Пришлось невольно задуматься: пленившее безоблачное детство сменилось отрочеством, неудержимо влекла, манила юность, незаметно для себя втянулся и во взрослую жизнь, стал холопом этой жизни, рабом нажитого богатства. Ничто больше не ждет меня впереди, отчего прошлое кажется невозвратимым совершенством, идеальным счастьем.

Теперь, полагаю, и смерть недалека. Осталось одно: встретить ее с достоинством. Немалого достиг я, чего же мне еще желать?

Так и решил: не было в моей жизни ничего счастливее детства. Потому что только в детстве не знал я горечи, не делал поступков, противных совести и вере. Но детство и юность теперь в далекой недосягаемости, и если суждено мне когда-либо еще испытать счастье, оно уже не будет наивно истинным, ибо многое в этой жизни неправды, глупой опрометчивости, малодушного отречения от совести и идеалов.

О зрелом возрасте, прикрывавшемся вероломным словом «гражданственность» и говорить не стоит. Суть ее, в моем понимании, не отвечала названию, гражданственность ощущалась мною как превосходство. Человеку не избежнуть потребности в богатстве, но добыть его из нечистот, не испачкавшись самому – немыслимо. Ненасытное желание счастья все еще не

отступало, наведывалась мысль о счастье новом, неизведанном, без границ и ясных очертаний. Не имея четких представлений о цели, я зажмурился и шел по этой жизни, не разбирая пути, до тех пор, пока не стукнулся лбом о нечто твердое. Открыл глаза и увидел огромное зеркало, задернутое черным покрывалом, с надписью: «Зеркало подлинного счастья».

«Аллах милостив к просящим!» – обрадовался я и, откинув покрывало, увидел в зеркале согбенного, немощного старца с красными глазами, впалым беззубым ртом, морщинистым лицом, белой как снег бородой!.. «Кто ты?» – спросил я, оторопев от неожиданности. Старец, как будто насмехаясь надо мной, беззвучно шевельнул губами. Вглядевшись лучше, я узнал в нем самого себя!

«Ах, обманчивое счастье мое!.. Жизнь, прожитая напрасно!» – вскричал я и упал без чувств...

Очнувшись, увидел человека с суровым выражением лица, в белоснежном одеянии, который поддерживал мою голову.

«Аксакал! Взгляни еще раз в зеркало, но смотри не на свое отражение, а обрати внимание на эту супружескую пару с детьми».

Снова глянул я и увидел в зеркале богатых и знатных людей, юношей и детей, играющих в альчики, а дальше, в глубине, сидели муж с женой, рядом с ними дети, которых они целовали, миловали, баловали. Дети отвечали им трогательной лаской и нежностью.

Суровый человек в белом одеянии сказал:

«Аксакал, подлинным счастьем является любовь родителей к детям и непорочное сердце детей. Безупречно чистое сердце и самое возвышенное из чувств – любовь были даны и тебе. Не утратив чистоты сердца, сохранив целомудрие помыслов, неустанно творя добро и справедливость, принимая чужих детей как родных, ты имел возможность стать воистину счастливым человеком.

Те тревоги и испытания, что выпали тебе в поисках счастья, подобны усилиям охотника, преследующего добычу или уловкам торговца, ищущего быстрой наживы.

Ты разменял свою любовь и непорочное сердце на мирские блага и ложные устремления. Единственное, что осталось тебе – сохранить память о том, что случилось, на все немногие отпущеные тебе дни жизни. Как ни велико твое огорчение, оно, увы, бессильно что-либо изменить. Молись же, молись...»

САДЫ ПОДСНЕЖНИКОВ

1

Прославившийся щедростью Атымтай как-то созвал народ на большое угождение: первую неделю он принимал красноречивых ораторов, певцов и сказителей, вторую неделю – молодежь со всей округи, третью – двери его дома были открыты для нищих, сирых и убогих. В один из дней, когда за дастарханом Атымтая сидела, состязаясь в красноречии, знать, в дом вошел бедно одетый человек и, не обращаясь ни к кому, молча сел в сторонке. «Может, и вы расскажете нам что-нибудь интересное?» – обратился к нему один из гостей. «Я не знаю мудрых слов, не могу щегольнуть остроумием, но если будет позволено, прочту небольшой стих.

Бедняк, подобный мне,
Был голоден несколько дней,
Но молчал, берег свою честь.
Хоть в глазах его слезы стояли.
Голодный, холодный, больной,
Он готов был богу душу отдать.
Перед ним дастархан, полный яств,
Но никто не додумался предложить

Ему хоть бы хлеба кусок.
Насмехались над нищим
Гости за дастарханом, сытые, пьяные.
Тогда заговорил бедняк, и
Вот, что он вдруг сказал:
«Утешаюсь тем, что довольствуюсь малым,
Кормлюсь лишь своим трудом.
Чужой хлеб, словно камень в горле.
Одни из вас знатны, другие щедры,
Все вы мудры и красноречивы.
А у жалкого нищего голова пуста.
Когда над озером ливень прошел,
Разве от этого поле цветет?
Жаждой томимые нищие
Бродят по жарким степям.
И разве щедр тот джигит,
Кто голодному хлеба не даст,
А богатых кормит как на убой?
Есть хромые, слепые, безрукие,
Сирые, вдовы, неприкаянные.
Разве из таких твои гости?
Задумайся об этом!

Сказав это, бедно одетый человек покинул дом.
Говорят, после этого случая, Атымтай стал привечать
только поистине нуждающихся и обездоленных.

2

Что может быть прекраснее песен, сложенных
сладкоголосыми поэтами о цветущей юности и тайнах,
от которых молодость вянет, как цветы в декабрьскую
стужу, песен о грусти, губящей цвет и гасящей блеск,
заставляющей несравненных красавиц сохнуть, как
сорванный плод? Что может сравниться с музыкой и
голосом, которым поется песня, стелющаяся, словно
тонкий шелк, и услаждающая душу, как целебный
бальзам. Красота лица – случайный дар судьбы, а
прекрасный голос и умная речь – зеркало души.

Внешнюю красоту оценит каждый, но не всякому дано понять гармонию слова и мелодии.

Однажды ловец птиц, поймав соловья и ворону, поместил их в одной клетке. Увидев это, знаток птичьих повадок изумился: «Почему ты запер в одной клетке сладкоголосого соловья и ворону, которая разве что каркать умеет?» «Что мне сделать, чтобы соловей запел? И что сделать, чтобы ворона каркать стала?» – спросил ловец. «Посади соловья в просторную клетку, увитую цветами и зеленью, а перед вороной положи иссохший череп и брось кусок падали», – ответил знаток.

Так и сделал ловец. В ту же минуту соловей запел, на все лады славя красоту молодости и печаль старости. Ворона, увидев череп, села на него и, дважды каркнув, стала с жадностью клевать брошенную перед ней падаль. Глядя на них ловец сказал: «Мне больше по душе чернобелая птица, чем та маленькая пташка. Потому что ворона сразу стала клевать пищу и радостным карканьем как будто бы поблагодарила меня. А соловей – бедняжка и не клюет и не благодарит, а все поет да поет. Его нежного пения и не расслышать за громким карканьем вороны. Истинно, у кого сильнее голос, от того и пользы больше. Посмотрите на осла, как усердно трудится он для человека!»

Как благородный ученый избегает невежду, так же невежда бежит от ученого.

3

В стародавние времена правителем Мекки и Медины был некий человек по имени Кужаж. Жестокий, не знающий милосердия, не зря получил он от своего народа прозвище «душегуб». Однажды, прослушав об исцеляющей силе святого, прибывшего из Багдада, Кужаж обратился к нему. «Благослови меня на добрые дела».

«Раскрой ладони и молись, чтобы Аллах принял мое благословение», – сказал святой. Когда Кужаж сделал это, он произнес: «Аллах, призови к себе душу Кужажа!» «Что ты такое говоришь?» – разгневался Кужаж. «Почтенный! Поверь мне, это было бы единственным разумным выходом для тебя. Умерев, ты бы перестал творить свои злодеяния. Народ бы наконец избавился от твоего гнета. Человеку при рождении дается одна натура, приобретенные им привычки – вторая натура. У тебя есть прекрасная возможность измениться в лучшую сторону. Но избавиться самому от дурных привычек – для такого всемогущего лица, как ты – невозможно. Если желаешь послушать, расскажу тебе притчу. Может, она поможет тебе исправиться. Эта притча гласит, – продолжал святой, – что однажды знаменитый разбойник, промышлявший грабежом и разбоем, остановился в пути и прилег отдохнуть. Мимо него проходили трое. Узнав его, один из них сказал: «Если этот злодей проспит до вечера, многие избегнут его козней». «Хоть бы он и завтра не проснулся», – добавил второй. А третий молвил: «Хоть бы он и вовсе никогда не просыпался. Тогда бы люди навсегда избавились от него». Разбойник, слышавший их слова, задумался: «Говорят, мнение трех человек равносильно мнению всего общества. Эти трое жаждут избавиться от меня. Если человечество считать одним цельным телом, то каждый человек является органом этого тела. Когда болит один из органов, страдает все тело. Я и есть тот больной орган, от которого страдает народ. Мне нужно немедленно покинуть мой народ или прекратить свои злодейства». После этого, гласит притча, он перестал разбойничать. Почтенный, я не всемогущий чудотворец. Моя святость заключается в том, что я иду праведным путем и даю людям верные, полезные советы. Эта притча и есть мой тебе совет. Примешь его, значит, освободишься от своих пороков».

Когда слушающий имеет чуткие уши и справедливое сердце, умные советы, как своевременно принятное лекарство, избавляют его от дурных наклонностей. А если он слушает вполуха, эти слова исчезают, как вода в песке, где не растет даже слабая травинка.

4

Однажды приближенные рассказали арабскому падишаху историю Лейли и Меджнуну. Узнав, что разлученный с Лейлой Меджнун избрал жалкую участь странника и проводит жизнь в горах вместе с диким зверем, падишах захотел увидеть его и разыскал Меджнуну. «Какое немыслимое зло причинили тебе люди, что ты, презрев их общество, пренебрег человечьим обличием и скитаешься среди зверей?» – спросил он. «Вам неведома истинная страсть, поэтому вы готовы осудить меня. Разум не в силах устоять перед подлинными чувствами. Вы не видели Лейли, волшебная красота которой ввергла меня в безумие». Падишах возгорелся желанием хотя бы взглянуть на красоту Лейли, однако, встретив ее, не нашел в ней ничего примечательного, она оказалась маленькой худенькой женщиной со смуглым обескровленным лицом и проницательными черными глазами. Падишах вернулся к Меджнуну. «Я не обнаружил в ней особой притягательной силы. Будь она, как ты утверждаешь, красавицей, многие бы обезумели от любви к ней». «Не вся кому умному человеку дано распознать тайны вселенной. Не всякие глаза способны уловить свет любви. Сердце, сгорающее от любви, глаза, увидевшие красоту Лейли, принадлежат не вам, а мне. Если хотите понять красоту Лейли, вам нужно увидеть ее моими глазами, воспринять моим сердцем, – тогда вы уподобитесь тем женщинам, которые, пораженные красотою Юсуфа, вместо лапши крошили свои

пальцы. Тогда вы поймете, насколько велика моя любовь к Лейле. Здоровому духом не понять больной души. Соль, посыпанная на мои раны, не разъест вашей здоровой руки. Попробуйте ранить свое сердце мечом страсти и посыпать солью отчаяния. Человеку, которого не жалили пчелы, не объяснить, показывая пчел, насколько болен их укус. Разве сытый поймет голодного? Коль нет в вас той печали, что теснит мою грудь, мои слова покажутся вам пустой болтовней», – так закончил Меджнун. Поистине, сколько ни говори, нам не понять забот слабого, и злодеяний всесильного.

5

Один человек, имея взрослую дочь, отказал богатым женихам, которые сватались к ней, а выдал ее за молодого и бедного башмачника. Этот несчастный проводил время в увеселениях, пропивая все заработанное и не думая больше ни о чем. Женившись на юной девушке, разгоряченный виннымиарами, он стал целовать жену в губы до тех пор, пока губы ее не вытянулись и не стали кровоточить. Отец девушки, прияя навестить дочь, нашел ее в слезах и печали. Он набросился на зятя с бранью. «Отец! Нет в том моей вины, – взмолился башмачник. – Я, бедный мастеровой, экономлю красный сафьян и мне приходится растягивать его зубами. Губы вашей дочери так красны, что в пылу я спутал их с красным сафьяном. Не будь они такими алыми, разве стал бы я так сильно целовать их?»

Эти слова приведены мной отнюдь не для смеха. Всякое усердие должно быть по делу и к месту. Напрасный труд, разум, потраченный на злодеяния, – все равно что ночные бабочки, бросающиеся в огонь.

У знатного бая имелась дочь, лицо которой было изуродовано оспой. Долгое время бай не мог выдать ее замуж, никто не сватался к ней. Наконец удалось сбыть ее человеку, глаза которого были застланы бельмой.

Однажды к баю пришел друг и сообщил, что в их края прибыл целитель из дальних стран, который может безболезненно удалить бельмо. Посоветовал сводить к нему зятя. «Прозрев, зять увидит уродливые шрамы на лице моей дочери и прогонит ее. Лучше иметь незрячего зятя, чем брошенную мужем дочь», – ответил бай. «Может ли он быть милосердным к друзьям, не имея сострадания к зятю? – подумал пришедший. – Не лучше ли мне расстаться с таким другом?»

У человека есть две потребности: телесная и душевная. Постоянная забота о себе, самолюбие, тщеславие – это потребности тела. Совестливость, стремление честно трудиться – потребности души. Тот, у кого преобладает первая потребность, ради наживы, корысти и славы готов пойти на любые злодеяния. Второй не ищет ничего, кроме бескорыстного труда и благих поступков. Беда, если по неопытности человек с малых лет любит лишь наряжаться да веселиться, со временем это становится его главной привычкой. Иные принимают злого искусителя за доброго ангела и настолько привязываются к нему, что становятся неразлучными, а от истинной красоты и непорочности бегут, как от чумы. В конце концов они теряют власть над собой, не способны оценивать даже собственные поступки.

Один влюбленный, когда в комнату вошла его возлюбленная, потушил свет. «Почему ты потушил свет, когда я вошла?» – спросила женщина. «Мне показалось, что ко мне вошло само солнце. Зачем нужна лампа, когда светит солнце?» – ответствовал он.

Друзья мои! И те, кому привычны злодеяния, и те, кто жертвует своей выгодой ради справедливости и ратного труда, настолько преданы своим устремлениям, что взяли их за правило, забывая о том, что иногда ими руководит лишь слепая страсть. Никто не минует пору детства, юности, не вдруг совершенствуется человеческий разум, поэтому в щегольстве, соперничестве, тщеславии люди зачастую подражают друг другу, а дурной пример заразителен.

Друзья мои! Только одному из тысячи дано умение отречься от дурных привычек и подчиниться велению разума. Только одному...

8

Спросили однажды странника: «Какую небывалую радость и какую особенную горечь привелось вам изведать?». – Как-то путешествуя по Сахаре, мне пришлось отстать от каравана из-за постигшей меня болезни. Оставленный у источника, вскоре я опправился от недуга и решил догнать своих спутников. Запасы мои иссякли, изнуренный голодом, с трудом передвигаясь, без сил упал я на песок и увидел рядом пиалу, полную жареных зерен пшеницы. Никогда в жизни не испытывал я большей радости. Хотел было положить зерна в рот и разглядел, что это – зерна драгоценного жемчуга. Тут мне и пришлось пережить небывалое в жизни огорчение. Растряпно огляделвшись, обнаружил неподалеку холмик, из-под которого выступал краешек одежды. Раскопав песок, я нашел под ним мертвого человека. Этот несчастный, пере-

жив те же беды, что выпали на мою долю, закопал себя, а рядом, на песке начертал такие слова: «Пусть этот жемчуг и сто динаров, зашитых в мой пояс, достанутся тому, кто перенесет мое тело к ручью, что в тысяче шагов отсюда, предаст земле и оставит на камне или на доске слова: «Голодного спасет кусок хлеба, а не золотой слиток, даже величиной с лошадиную голову».

Узнав это, я отправился на поиски и вскоре обнаружил ручей и свой караван, остановившийся возле него на привал. Подкрепившись и отдохнув, взял с собой людей, телегу, перевез тело усопшего, похоронил у ручья и высек на камне слова: «Голодного спасет кусок хлеба, а не золотой слиток, даже величиной с лошадиную голову». Сто динаров роздал тем, кто помогал мне, а жемчуг – караванщикам.

Не зря говорят, что кусок хлеба – неоценимый Друг души, а деньги и богатство – спутники спесивого хвастуна. Крупица проса и зернышко пшеницы могут спасти человека от голодной смерти, а злато-серебро – это всего лишь металл.

9

Однажды некий бай, наняв работника, заметил, что тот всюду, где бы ни был, даже по каменистым местам ходит босиком, и спросил его о причине такого поведения. «Много страданий выпало на мою долю, – ответил работник, – но больше всего я горевал, когда изнашивались мои башмаки. Как-то послал меня хозяин к продавцу досок, и там я увидел несчастного человека, который собирал щепу, ползая по земле на четвереньках, ибо у него не было ступней. Тогда я подумал, у него нет не только башмаков, но и ног, я же плачу о проходившихся башмаках. С тех пор я не ношу обуви, подошвы моих ног так огрубели, что в обуви нет для меня никакой необходимости».

Тот, на кого падают беды, считает себя самым несчастным человеком, переживает давно минувшее, не думая о том, что после ночи обязательно наступает рассвет. Эти переживания – удел невоздержанных. Лучшими из людей следует считать тех, кто трудится, не зная лени и умеет хранить терпение.

10

Нищий, многие годы собирая милостыню, сделался владельцем приличного состояния, однако не переставал попрошайничать. Однажды его призвал к себе хан. «Говорят, у тебя большое богатство. Отдай деньги в казну, проценты от них пойдут на пользу государства, а сумма будет сохранена для тебя», – предложил хан. На что богатый попрошайка ответил: «Государь! Эти деньги накоплены путем бесстыдства и ненасытности. Они неправедны. Стоит ли пачкать руки о них?» Хан рассказал ему такую притчу: «Какой-то бай обратился к тому, кто замешивал глину, с просьбой продать ее, но тот ответил, что глина замешана на нечистой воде. Бай сказал, что она пойдет на то, чтобы замазать щели в отхожем месте. Так что и мы употребим твои деньги на подобную нужду», – закончил хан. «Государь! Твое отхожее место, наверняка, почище наших жилищ, так что грех употребить на это нечестивые деньги», – не сдавался богатый попрошайка. «Однажды, – начал хан другую притчу, – к везущему бочку с водой обратился прохожий с просьбой продать ему эту воду, на что тот ответил, что вода у него нечистая. Тогда прохожий сказал, что она сгодится на то, чтобы обмыть тело усопшего еврея, и купил воду. Может, истратим твои деньги на подобное дело?» У богатого попрошайки и тут нашелся ответ: «Великий хан! Твое государство состоит из представителей разных наций. Что подумают о тебе люди, когда узнают, что ты велел обмыть тело умершего еврея грязной водой? Боюсь, мои деньги только навредят тебе».

Хан призвал к себе кази и спросил: «Скажи нам, если кто-то накопил деньги нечестным путем и этим деньгам нет законного хозяина, как с ними быть?» «Достаточно признания накопившего, что деньги добыты неправедным путем, или двух свидетелей, подтверждающих это, после чего деньги могут быть изъяты в пользу государства и употреблены на нужды бедных, больных или в деле просвещения», – ответил кази.

Хан призвал государственного казначея и велел принять деньги богатого попрошайки в казну. Так он проучил алчного нищего и вернул хитреца к истинному его состоянию.

11

Однажды щедрый Атымтай велел заколоть скотину и накормить нищих города. «Городскую бедноту я накормил, но есть же голодающие и в степи», – решил он и отправился на их поиски. Встретился ему человек в рваном чекмене, собиравший хворост. «Отправлялся бы ты к Атымтаю, он сегодня угожает всех нуждающихся», – сказал ему Атымтай.

Бедняк ответил: «Если тебя послал Атымтай, передай ему: человеку, который привык зарабатывать свой хлеб честным трудом, кормить свою семью, а излишками делиться с другими, подачки не нужны. Сегодня я собрал хворосту ровно столько, чтоб накормить жену и детей. Теперь собираю вон для того хромого старика. Как бы Атымтай своими подаяниями не развратил тех, кто здоров и может трудиться. Пусть он помогает истинно нуждающимся. Атымтай раздает милостынью, я же, не ленясь, помогаю людям своим трудом. Кто из нас двоих поистине щедр – судить ему».

МЫСЛИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Тот, кто не сумел отречься от лжи, не найдет в себе мужества отказаться от злых намерений.

Когда кто-то внушает мне опасения, я смотрю на него с улыбкой и тем самым лгу. Невольно приходится совершать подобные дела из-за злонамеренности людей.

Человек может обманом повести на смерть тысячи воинов, но он не в силах расстаться со своими пороками.

Творя крупицу добра, мы пытаемся искупить этим грехи, величиной с гору. И не стыдно нам после этого называться человечеством?

Люди, жаждущие богатства и славы, не задумываясь идут на ненавистную для их природы смерть.

Осторожный человек умеет надежно запереть сундук.

Разумный властен над своим языком. Над мыслью не властен никто.

Глаза человеческие можно прикрыть. Око души — никогда.

Умей довольствоваться малым и трудись честно.

Врата воли ни для кого не открывались.

Соловей весело щебечет, радуясь цветам, как же ему, предчувствуя их увядание, удержаться от грустного пения?

Когда угаснут мой ум и сердце, я сравняюсь с потухшим огнем. Спали я весь мир, никто не сумеет наказать меня.

Найдется ли в мире человек, который унес бы свои тайны в могилу?

Человек мыслящий, имеющий богатый жизненный опыт, может предсказать события. Таких-то и называют святыми.

Не избавиться от мук, пока не закроются навек алчные глаза, даже горькая смерть покажется желанной тому, кто не отведал сладости жизни.

Нет существа ничтожнее человека. Разве тот, кто говорит обо мне плохо, сумеет сделать меня хуже, чем я есть на самом деле?

Поэт, не способный вымолвить умное слово, почему ты, завидуешь мне? Ведь не тебе я обязан своим рождением, так же как и ты мне ничем не обязан.

Истинно одержимый и в грош не ценит бесталанного пустослова.

Если в борозду нищеты не бросишь горсточку пшеницы, на гумне изобилия и зернышка проса не возьмешь.

Муллы говорят: «Душа, покидая тело, оставляет ему неимоверные страдания». Это неправда. Потому что душа покидает тело вместе с разумом. Тело, наверное, радуется своему освобождению. Как оно может страдать без разума?

Беды сыплются на землю беспрерывно, как белый дождь. А радость сверкнет молнией и исчезнет. Отчего это? А оттого, что в человеке недоброты больше, чем милосердия.

Остерегайся мелких недругов так же, как серьезных врагов.

Лев появляется открыто. Каракурт и скорпион жалят незаметно, но их укус смертелен.

Если нет жизни помимо этой, какой смысл тратить ее на единоборство с природой и людьми?

РОДОСЛОВНАЯ

тюрков, киргизов, казахов
и ханских династий

ПРЕДРОДОСЛОВНАЯ

Родословной, которая бы хронологически последовательно проследила все колена от Адама-пророка до наших дней, нет ни у одного народа. От Адама-пророка до пророка Нуха (Ноя) имена предков есть в Таурате¹. Все другие книги брали эти имена из Таурата. Родословные других наших предков большей частью основаны на всевозможных слухах и передавались из поколения в поколение подобно сказкам и устным преданиям. Авторы подобных родословных таким образом хотели прослыть знающими, другие – показать свою родовитость, немало среди них и таких, кто на свой лад переиначивал услышанное, и потому сочинения их ошибочны и лживы. Так, к примеру, ошибочно распространенное утверждение, что якобы мы, казахи, потомки святого Гакаша². Уже первые историки, ранее других обратившиеся к истории своих народов, сверили эти легендообразные рассказы с письменными известиями народов, издревле имевших своих царей и государства, с надписями на их монетах и могильных надгробьях, а также обратились к традициям и обычаям этих народов, к их родовым знакам – тамгам, – и установили, кто, какой народ с кем был в родстве и соседстве, где и когда обитал, как назывался, какому правителю подчинялся. Благодаря их трудам стало очевидно, что многие из этих легендообразных родословных не соответствуют истине.

Пытаясь узнать, откуда произошли казахи, я в течение долгого времени записывал все, что слышал и узнавал об этом. Кроме того, мной прочитаны родословные книги других народов. Среди них мусульманские: «Кабри тарих гумуми», «Тарих Гусмани»,

¹Таурат – Библия.

²Гакаш – один из апостолов в исламе.

«Тарих антшар ал ислам», «История тюрков» Наджипа Гасымбека, «Родословная тюрков» Абулгази Бахадурхана и др. Из русских книг¹ мне известны работы Радлова «Об уйгурах»², Аристова «О тюркских племенах»³, а также летописи народов мира, переведенные на русский язык, в том числе древняя книга тюрков «Кудатку билик»⁴, «Кошу шыдам»⁵, труд китайского летописца Юань Шаумиша⁶, книги арабских, персидских, римских, европейских историков.

Выбирая из вышеупомянутых книг все самое необходимое и близкое к истине, дополняя к месту казахскими устными рассказами, я попытался составить родословную наших предков. До настоящего времени, кроме устных преданий, родословной, написанной на казахском языке, не было. Это первая попытка.

¹Автор, ссылаясь на источники, не указывает год издания, поэтому можно лишь предполагать, какие к тому времени труды были выпущены в свет и могли оказаться под рукой у автора.

²Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика.) Спб.,1893.

³Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III и IV. Спб.,1896.

⁴Кудатку Билик. Факсимile уйгурской рукописи императорской и королевской придворной библиотеки в Вене. Спб.,1890. (См.:Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.;1983.

⁵«Кошу шыдам» – возможно «Цидань гочжи» («Ци дань Го Цзи») – «Описание государства киданей», в основе которого китайские официальные документы о киданях, сообщения путешественников о них (так называемые дорожники).

⁶Юань Шаумиш. Здесь можно предположить, что автор имеет в виду либо «Юань ши» («История династии Юань») – основной китайский источник для изучения истории монголов XIII–XIV вв. Был написан более чем 30 китайскими учеными под общим руководством Сун Ляня и Ван Вэя в начале эпохи Мин. Впервые на русский язык «Юань ши» (первые четыре главы) был переведен Н.Я.Бичурином: Н.Я.Бичурин. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Спб.,1829.

…либо «Юань-чао би-ши» – китайский перевод «Сокровенного сказания» – монгольской исторической хроники, составленной в 1240 году. («Монголын нууц товчоо»). Открыл эту хронику русский синолог П.И.Кафаров (Палладий), опубликовавший свой перевод в 1886 году под названием «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т.4. Спб.,1886.) См.:«Юань-чао би-ши» (Секретная история монголов) Т.И.1962. Под ред. Б.И.Панкратова.

НАЧАЛО РОДОСЛОВНОЙ

Прародителя Адама Аллах сотворил из праха и дал ему душу. Из правого ребра его была сотворена праматерь Хая¹ (Ева). Праматерь Хая каждый год рожала по одному сыну и одной дочери. Первого сына женили на второй дочери, второго сына женили на первой дочери – так множилось и крепло племя человеческое, а когда оно достигло сорока тысяч, прародитель Адам почил в возрасте тысячи лет, а год спустя почила и праматерь Хая.

Один из сыновей Адама-пророка –пророк – Шис². В Таурате – Шит³. Сын Шиса – Ануш. От Ануша Кинан. От Кинана Мехлаил. От него – Бард⁴. От него – пророк Идрис. Настоящее имя его было Эхнух. От Эхнуха Матушлаг. От него Уамак⁵. От Уамака – пророк Нуух (Ной). У Нууха было три сына – Сам, Хам, Яфс⁶. Тюркский народ пошел от Яфса.

Во времена пророка Нууха сыновья человека нарушили божий закон, отвернулись от веры, и Аллах, разгневавшись, ниспоспал на землю потоп, и все люди на земле, все живое погибло, потонув в нем, только пророк Нуух с тремя сыновьями и их женами по воле божьей сели на корабль и спаслись. Весь род человеческий, что живет поныне, потомки трех сыновей Нууха – Сама, Хама и Яфса...

В книге «Тарих гумуми» все тюрки, иранцы, юнане, китайцы и европейцы – потомки Яфса. Все арабы,

¹В переводе сохранена авторская транскрипция собственных имен.– Пер.

²Другое написание – Шейс. (См. у Абулгази в кн.: А.Н.Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.-Л., 1958. с.37–38).

³В Библии – Сиф. Далее соответственно: Енос – Каинан – Малеленл – Иаред – Енох – Мафусаил – Ламех – Ной.

⁴У Абулгази – Берд.

⁵У Абулгази – Матушлех и Леймек.

⁶В Библии – Сим, Хам, Иафет. У Абулгази – Сам, Хам, Яфес.

ассирийцы, финикийцы, каирские гаварлапы – потомки Сама. Все хабаши, суданцы, занзибарцы, все темноликие – потомки Хама.

По словам Абулгази Бахадур-хана, автора «Родословной тюрок», у Яфса было восемь сыновей: Тюрк, Хазар, Саклаб, Китай, Камари, Тарха, Жапон, Манжур¹. У Тюрка было четыре сына: Тонк, Хакал, Биржасар, Амлак².

Все народы, называвшиеся хуннами, маджарами, булгарами, аулаками, аварами, монголами, татарами, манчжурами, финнами, джунгарами, говорит он, потомки Тюрка. Сын Тонка – Елчехан. От него – Деп Бакуйхан. От него Куюхан. От него Аланчихан³.

До его правления народ весь был мусульманским⁴. В его время изменил вере и стал поклоняться рисунку⁵. Два сына было у Аланчи – Татар и Монгол⁶. Весь

¹ В «Родословной туркмен» Абу-л-Гази: «Яфес, по воле своего отца, покинул гору Джуди (северная Аравия) и отправился к берегам Итиля (р. Волга) и Яика (р. Урал)». «Имена его сыновей следующие: Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Кемери, Тарых». Указ.соч.:с.39.

² У Абу-л-Гази: «Тюрку дали прозвище «Детище Яфеса». Это был человек весьма благородный и мудрый. После смерти своего отца он ходил по разным местам и высматривал удобные для поселения места, а потом, облюбовав одно место, поселился там. В настоящее время эта местность называется Иссык-куль». (По мнению В.В.Бартольда, это легендарное известие об Иссык-Куле – местопребывании мифического Тюрка – можно рассматривать как известное напоминание о пребывании огузов в Семиречье. В «Своде историй и рассказов» неизвестного автора, датируемом 1126 г.н.э., изложена «древнейшая редакция предания, по которому родиной Тюрка, сына Яфета, была местность около Иссык-Куля». См.:указ.соч.Примечания,с.81) «Тюрк ввел в обиход кибитку (каргак уй). У Тюрка было четыре сына: первый – Тутек, второй – Джекель, третий – Берседжар, четвертый – Эмлак». Абу-л-Гази, Указ.соч.,с.39.

³ У Абу-л-Гази после Тюрка страной правил Тутек, затем его сын Амулджа-хан, что «ввел обычай класть соль в пищу», за ним Бакуй-Диб-хан. «Значение слова Диб – место трона, значение слова Бакуй – старейшина или (эля)... Умирая, он посадил на свой престол сына своего Кок-хана». Сын Кок-хана – Алынджа-хан. (Указ, соч. с.39.).

⁴ У Абу-л-Гази: «...туркский народ от Яфеса вплоть до времени Алынджа-хана был правоверным». (Указ. соч., с.40).

⁵ Изображению, т.е. иконе.– Пер.

⁶ По Абу-л-Гази, сыновья были близнецами, и звали их Татар и Могол.

подвластный эль¹ свой разделил Аланчи между сыновьями, с той поры эль, что был во владении Татара, стал называться татарами, а эль, что был во владении Монгола – монголами, говорит он.

Имена предков тюрков, названные в «Родословной» Абулгази, взяты у мусульманских летописцев.

Далее обратимся к китайским летописям, сведения которых имеют часто полулегендарный характер, но все же попытаемся отыскать в них близкое к истине.

СВЕДЕНИЯ КИТАЙСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ В КНИГЕ АРИСТОВА

В далекие времена предки тюрков назывались народом со (У Наджипа Гасымбека – сет). Известно, что народом тем правил хан Ежен Шейду². У жены его – дочери духа неба – родилось четыре сына, один из которых превратился в лебедя, другой, по имени Кей Ху³, основал государство между реками Апу и Хун⁴. Третий стал правителем на р. Чу. Самый старший, по имени Надулуше, обитал в горах Чусиши⁵, там же находилась и ханская ставка. Гора была такой высокой, что эль его сильно страдал от холода. Но Надулуше научил свой эль разводить огонь и спас своих людей, и тогда другие племена, что были в подчинении у его сородичей, пришли к нему и стали называть его Ту-ю⁶. Ту-ю означает «шлем»⁷. В китайском языке нет буквы

¹Эль – иль. Здесь: все население, («Термин иль, который известен также в форме эль, Абу-л-Гази употребляет чаще в значении «племя», «племенной союз», реже «народ». Об этом термине см.: В.В. Радлов. К вопросу об уйгурах. С. 65-75.– Указ. соч. Примечания. С.80.).

²В китайской транскрипции: Игжининишиды.– Пер.

³Ци-гу (Ки-ко).– Пер.

⁴Апу и Гянь (Абакан и Енисей).– Пер.

⁵Басы-чу-си-ши (Басы-чу – «в верховьях Чу»).– Пер.

⁶Тугю, тукю, ту-киу, туюе, тюрки тугю – союз племен древних тюрков.– Пер.

⁷Ср.: Свое название они получили от формы гор, похожих на шлем (туюе по-монгольски означает шлем). С.А. Плетнева. Кочевники Средневековья. М., 1982.с.67.

«р»¹. Если же поставить букву «р» в середине слова, получим «туркю», т.е. тюрк.

Китайское же имя Еженшай на самом деле Шейдухар². Что же касается сына, превратившегося в лебедя, то здесь явная путаница. На самом деле речь идет о хане, правившем на Алтае на р. Ку³. Потомки этого народа живут там по сей день, один из родов носит имя со, а другой – кубанды или куманды⁴. Живущие на р. Ку тюрки и сейчас зовут себя «ку киси – люди (р.) Лебеди». Вышеупомянутый Ежен Шейду, возможно, сам пророк Шис. Сын его Ки Гу (Кей Ху) на самом деле киргиз, потому как «р» в китайском языке нет, и, кроме того, они, как правило, усекают слово, опуская конечную согласную. Наджип Гасымбек, ссылаясь на китайские источники, приводит следующее значение слова «киргиз» – «дикое племя (живущее) в необитаемых местах».

Выше было сказано, что один из сыновей Еженшай правил на р. Чуси. На самом деле это означает, что он был ханом племени си, обитавшего на берегах р. Чу (у русских Чуя). Про старшего из сыновей, Надулуше, было сказано, что он обитал в горах Чусиши, т.е. «правил племенем си, обитавшем среди скалистых гор», потому как: Чу – название реки, си или со – название племени, а ши переводится как «каменная скалистая гора». К тому же, по свидетельству Абулгази и других мусульманских летописцев, первыми научились топить печи и жить в теплых жилищах именно тюрки. По

¹Здесь автор явно следует радловскому определению: «При транскрипции китайцы обыкновенно опускают один из двух рядом стоящих согласных звуков в середине слова, а также те конечные согласные звуки, которые их языку не свойственны». (Радлов. К вопросу...с.17).

²Т.е. в казахском варианте.– Пер.

³Ку – лебедь (туркск.).– Пер.

⁴Со – род кумандинцев. Куманды – куманы, команы, половцы, кипчаки. См.: кумандинцы и лебединские татары у Радлова. «Живут на Лебеди (Лебедь – русский перевод татарского названия Ку), притоке Бии. Сами называют себя ку-кижи (люди с Лебеди)». В.В.Радлов. Из Сибири. М, 1989, с.93.

китайским сообщениям, первооткрывателем печи был Надулуше, по прозвищу Ту-кю или Туркю (Тюрк.).

Название племени со у Наджипа Гасымбека пишется «сот». Судя по этому, си в китайских летописях и Шис или Шит (Сиф) в Таурате – одно и то же. Таким образом, племя си (со, сет) суть потомки Шиса (бibleйского Сифа). Как известно, пророк Адам имел потомство лишь от сына своего Шиса.

Итак, из китайских источников мы извлекли, что народ наш происходит от потомков Шиса (Сифа), племени со или сет. Умножившись, племя со (си, сет) двинулось с места и разделилось на четыре ветви. Одна поселилась на северном Алтае на р. Ку – кубанды¹ – по-русски команы. Вторая ветвь обжила междуречье Апу и Ган (Абакан и Енисей) – кыргызы. Третья осталась на р. Чу – чуйские, по-китайски «чу кси»². Четвертая, прозванная китайцами тукю, по-нашему тюрки, поселилась в верховьях р. Чу среди скалистых гор. Зная, что и другие племена подчинились тукю и стали одним элем, Тукю в нашем понимании должно означать государство Тукю, т.е. Тюркское царство³. Позже оно распалось на различные ханства, и, хотя многие из них обрели другие имена, ни одно племя не забыло своего древнего имени – тюрки. О происхождении тюрков в китайских летописях встречаются также сообщения явно сказочного характера. Из одного, к примеру, следует, что тюркское племя происходит от волчицы и десятилетнего мальчика, которому воины рода хуннов отрубили руки и ноги и бросили в диких степях. Мальчика подобрала волчица и спрятала в окружённой непроходимыми горами долине (Алтая). Сама вскор-

¹ «...Ку (бан или ман означало «земля», «страна»), Аристов. Заметки... с.280. Ср.: р. Кубань, кубанцы.– Пер.

² Чу кижи (люди с Чуй), чуйцы – самоназвание группы двоецанцев – теленгитов. См. у Радлова гл.: Собственно алтайские татары. (Радлов. Из Сибири... с.95.).

³ Тюркский каганат (552-582 гг.) – политический гегемон Центральной и Средней Азии.– Пер.

мила его и вскоре родила от него десять сыновей. От этих десяти и пошли, мол, тюрки. Другое сказание: с неба спустился волк и от его брака с дочерью вождя хуннов родился Тюрк. Казалось бы, какая связь может существовать между этими двумя мифологическими сюжетами? Тем не менее предлагаю следующую версию.

В «Родословной» Абулгази есть два маловероятных сообщения. Первое: татарский хан Суюниш победил монгольского хана Ельхана и истребил весь его народ. Брат Ельхана Негиз и сын Киян, бежав из плена, смогли собрать вокруг себя остатки людей и скота и укрылись в долине Ерганахун, окруженной скалистыми горами. Там они мирно прожили 450 лет и умножились настолько, что негде стало жить. Когда же они решили выйти из долины, то оказалось, что прежняя дорога, которой они пришли сюда, завалена камнями. Тогда, говорится в летописи, они подожгли скалу и, повалив ее, вышли из долины.

Другое сообщение: после смерти Даян Баян хана¹ народом его стала править жена Алангу². Будучи вдовой, она забеременела от небесного луча, родила трех сыновей, одним из них был хан Боданжар.

¹Возможно, автор имеет в виду Бату-Мункэ-болху-джинонга, известного под именем Даян-хана (1470–1543) – последнего из монгольских ханов, которому на длительное время удалось объединить страну. В тексте: Даян Баян – видимо, пропущено указание на то, что он является сыном Баян-Мункэ-болху-джинонга (1467–1470). –Пер.

²Алангу – Алан-гоа, Алун-гоа или Эши-хатун – легендарная прародительница всех монголов. В «Золотом сказании» сообщается: «Алун-гоа, рожденная от Баргуджин-гоа и Хорилдай Мэргэна, владыки народа баргуджин-тумэтов... рожденная в Ариг-Усуне». Потомок легендарного прародителя монголов Бортэ Чино-а Добу Мэргэн взял в жены Алун-гоа. После того как Добу Мэргэна не стало, Алун-гоа, живя без мужа, родила трех сыновей по имени Буху Хатаги, Бухучи Салджи и Боданчар Мунгхаг». «Двоих сыновей ее Бэлхунутэй и Бэхунутэй от Добу Мэргэна засомневались: «Чьи же эти сыновья?» – не сыновья ли это бедняка-проходимца Магалига Байагудая, на что мать, собрав сыновей, говорит: «Каждую ночь приходил желтый маленький человек, поглаживал мое чрево, входил в юрту через дымовое отверстие; в час, когда всходило, разливая свет, солнце, он оборачивался желтой собакой и, царапаясь, уходил.

Теперь вышеупомянутые сообщения обретают некоторое правдоподобие. И вот почему «Ерганахун» на самом деле означает «скалистые горы». Волчица прячет найденыша в скалистых горах. (Известно, что) настоящее имя хана Бортечана¹ означает «серый волк». Вот почему китайские авторы решили, что он родился от волчицы. А вдовой Алангу по понятным причинам пришлось прибегнуть к легенде о небесном происхождении новоявленных сыновей. Только этим можно объяснить легендоподобные и столь разноречивые сведения китайских летописцев.

Еще одно сообщение китайцев в книге Радлова «Об уйгурах»:

... в далекие времена в стране Гаушан², т.е. на земле уйголов, в горах Гулена, где берут начало реки – Тохул и Селенга, в междуречье их над деревом, росшим на горе, появился (чудный) свет. Когда люди решились приблизиться к нему, дерево оказалось пузатым, словно беременная женщина. Когда ствол разорвался, из дерева вышли пять мальчиков. Приняв их за божье

Для тех, кто понимает,
Это знак, что он сын Неба. Да!
И я так думать стала».

Другая версия: «Когда Добу Мэргэн умер и Алун-гоа жила, не имея мужа, у нее родился Боданчар. Сыном вечного Тэнгри был Боданчар. К матери Алун-гоа приходил сверху (с Неба) хубилган вечного Тэнгри; испытывая страстное желание, он соединялся с Алун-гоа белой каплей; тогда и родился Боданчар рода борджигин, кости хигуд». Хубилган – перевоплощение какого-либо буддийского божества или иерарха. См.: Лубсан Данзан. Алтан тобчи. («Золотое сказание»). Пер. Н.П.Шастиной.М., 1973, с. 54–56, 293

Эши-хатун – титул Алан-гоа – букв. «матушка – корень рода».

По всей видимости, в сообщении слились два разновременных факта как следствие поздней вставки. Алангу названа женой Даян-хана, дабы вести новое родоисчисление от него как объединителя Монголии в XV веке, возрожденной им после падения Юаньской династии.– Пер.

¹Бортэ чино-а («серый волк» – монг.) – легендарный праородитель монголов. «Имя Вогоси происходит от вого «серый» с суффиксом си. Быть может, оно значило «охотник за серыми волками», «волчатник» – из комментария к «Алтан тобчи» (см.указ. соч., с.304).

²У Радлова соответственно: Гао-чан. Гора Го-лин. Реки Туху-ла, Сэ-лэн-гэ. Бу-кя-хан. (Радлов. К вопросу... с. 63).

посланье, народ воспитал детей и дал им имена: Сункар-тегин, Котор-тегин, Токил-тегин, Ор-тегин, Бухатегин. Младшего Буха-тегина посадили ханом над собой. «Тегин» – «князь, белая кость». Когда в этой династии через 30 ханов правителем стал Бойлон-тегин¹, война, которую они вели уже много лет с народом хана Тян², была наконец приостановлена, а дочь Тян-хана Цзин-лин посватана за сына Бойлон-тегина Абеля³. Возможно, что Тян-хан на самом деле Таган или Татар-хан. Он обитал на горе Палипулна⁴, что означало «на горе, обитаемой женщиной». И была еще гора Чели Таха⁵, т. е. «гора суда небесного». И гора Хули Таха – «гора Счастья (Кутлук-Таг). Некий посланник Тян-хана, увидев гору Счастья, сказал-де: если сбросить вниз высокий камень, что стоит на ее вершине, то счастье покинет этот народ. Тян-хан, не сумев уговорить Бойлон-тегина уступить ему этот камень в качестве калыма за дочь, поджег гору и, повалив ее, унес обломки на носилках⁶. После этого все живое на горе, все птицы подняли крик и вой. Не прошло и семи дней как Бойлон-тегин умер. Все последующие правители умирали один за другим, и тогда народ откочевал с тех мест и пришел в Бешбалык⁷. Владения этого эля раскинулись: на севере – до Ачу (или Аксу), на западе – до Одона и Каши (Хотона и Кашгара), на востоке – до Сефана (Тибета). А поход этот совершился 970 лет назад до правления Бар Чжу Арте-тегина.

В этом сообщении китайцев в книге Радлова самое уязвимое место, конечно же, легенда о появлении детей из ствола дерева. Но ясно одно: Бука-хан – сын

¹У Радлова: Юй-лунь-ти-гинь.

²Здесь: китайцы.

³У Радлова: Цзин-лянь и Йе-ли Тегин.

⁴У Радлова: «Пе-ли-по-ли-та (т.е. таг)».

⁵У Радлова: «Тянь-че-ли-юй та-ха».

⁶У Радлова: Бойлон-тегин согласился и отдал камень, но так как камень этот был велик, китайцы «раскалили его сильным огнем и полили вином и уксусом. Тогда камень распался, и его унесли на носилках».

⁷Букв.: «пять городов».– Пер.

хана Буданжара. Потому как, и по словам Абулгази Бахадур-хана, у Буданжара было двое сыновей – Буха и Тоха. Это и есть Бука-тегин и Токил-тегин. А миф о том, что они вышли из древа, которое излучало (чудный) свет, несомненно, одной природы с легендой о происхождении детей Алангу от небесного луча. А вот названный в конце сообщения Барджу Арте был на самом деле. По словам Рашид-аддина и Абулгази, это хан уйголов Бауыршак Иедигут, правивший во времена Чингисхана. Рашид-ад-дин называет его Барджук. У китайцев он был известен под прозвищем Иедигут¹. Абулгази сообщает, что иеди-гу – титул, который носили уйгурские ханы. Сведение же о том, что при Чингисхане уйгуры, подчинявшиеся киданям или каракитаям, прослышивав о Тайцзу², убили каракитайского военноначальника и перешли на сторону Чингисхана, а вождь их женился на дочери Чингисхана Ан-дун, – соответствует истине. Подчинение Бауыршака Иедигута Чингисхану произошло в 1209 году.

(Здесь, как нам кажется, необходима вставка в авторский текст, которая бы прояснила контекст следующего раздела. Смелость такого активного вторжения в авторский текст со стороны переводчика вряд ли допустима, но в оправдание свое можно лишь сказать, что вставка является более расширенной цитатой из указанного источника, а именно из «Заметок» Н.А. Аристова.– Пер.)

... в памятнике Кюль-тегину, 732 года, история их (турков-тукю) начинается прямо с Тумын-хана. «Когда сверху утвердились синее небо, а снизу – темная земля, появились между ними сыны человеческие. Между сыновьями человеческими возвысился чум-памский

¹Иди-Кут – «господин счастья» (уйгурск.) – Пер.

² Тайцзу – Чингисхан. Тай-цзу, Тай-цызы, тай-ши – наследник престола (у киданей). Известны значения: «наследный принц», «принц крови». Позднее: тайджи – «знатный владелец удела», хун-тайджи – императорский принц. См.: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975, с. 153,

Бумын-каган, знаменитый хан. Он установил роды и законы тюркского народа, и все направил». Во главе подвигов Бумын-кагана поставлена тут организация родов. ...при патриархально-родовом быте тюрков-кочевников роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные союзы действительно имели преобладающее во всех отношениях значение. Сильный, многочисленный, дружный род имел большую возможность занимать лучшие пастища, оказывать своим членам верную и единственную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства и обеспечивать большую долю добычи и даней, поступавших в пользу племени или государства. Хотя многочисленность рода давала ему силу, но хозяйственныe условия пользования пастищами и другие причины не позволяли роду сохранять неопределенное время свою целость и вызывали рано или поздно разделение его на более или менее самостоятельные части. Вследствие этого в каждом роде существовали, с одной стороны, условия, требовавшие сохранения родового единства, с другой же – более или менее сильные стремления к разделению. Борьба этих противоположных течений обыкновенно усложнялась и усиливалась соперничеством между родоначальниками и выдающимися в роде людьми, из которых одни, желая сохранить всю силу рода, во главе которого стояли, защищали целость рода, другие же, рассчитывая на главенство в отпадающих частях рода, помогали раздробления.

... В. В. Радлов справедливо вывел из наблюдений своих над русскими и киргиз-кайсаками... что подвижность состава родов и племен есть «жизненная потребность кочевников» и что непрестанными изменениями в этом составе «поддерживается жизнеспособность всего народа». Невозможность образования новых родовых и племенных союзов у

кочевников, потерявших независимость¹, причиняет, по его мнению, «застой, подтачивающий их благо-состояние».

Таким образом, роды не только пользовались всеобъемлющим значением в бытовой жизни тюркских кочевников, но играли весьма важную роль и в их политической истории. Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьбы кочевников определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы, целиком и частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена. И в самом деле, как увидим, родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, – конечно, вследствие политического значения носивших их родов, – сохраняются частью и поныне. Это обстоятельство дает возможность определить в значительной мере этнический состав тех из ныне существующих тюркских племен и народностей, которые сохранили кочевой образ жизни и родовой быт, а с ними родовые имена.

Кроме родовых имен, другим указателем этнического состава тюрков-кочевников, также связанным с родовым бытом, могут служить родовые тамги, т.е. знаки родовой собственности, налагаемые преимущественно на скот, но встречающиеся также на других имуществах рода и его членов и употребляемые в виде гербов, печатей, взамен подписей и т.д. Древнейшее, кажется, упоминание о тамгах у тюрков (именно у гаогуйцев) относится к V веку: «На домашнем скоте вообще кладут метки, и, хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его». Но нельзя сомневаться, что родовые тамги у тюрков-скотоводов существовали в несравненно более отдаленные времена. Весьма вероятно, что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или

¹У Радлова: «подвластных России». (К вопросу... с. 72).

духов-покровителей и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания. (Н.А. Аристов. Заметки... с. 282–285).

* * *

По словам Аристова, в старину главные казахские роды имели каждый свою тамгу¹.

Когда Чингисхана избрали великим каганом, он пожаловал каждому беку (предводителю) этих родов следующие отличия: (боевой) клич, птицу, дерево и тамгу. И сказано было предводителю Старшего жуза из рода уйсунь бию² Майкы: отныне клич твой – салават, птица – беркут³, дерево – карагач⁴, тамга – «сургу»⁵. Выглядит она так – или Ш. Сказано было предводителю Среднего жуза из рода конрат бию Сенгелю: клич твой – конырат⁶, птица – сокол, дерево – яблоня, тамга – месяц. Выглядит она так – .

Теперь я хотел бы привести сведения Наджипа Гасымбека⁷, также обращавшегося к китайским источникам.

¹«По многочисленным наблюдениям, у восточно-финских племен, родовой быт которых давно уже начал рушиться, образование тамг для новых семей, отделяющихся от старой, совершается посредством добавления приставочных черт к тамге старой семьи. Это приводит к мысли, что таким же путем происходило образование тамг родовых отделений при первоначальных их ответвлениях. Если это верно, то существующие родовые тамги должны указывать – от каких родов нынешние родовые единицы происходят... Вследствие этого родовые тамги, особенно когда они будут собраны и изучены у возможно большего числа тюркских племен и народностей, сохраняющих кочевой образ жизни и родовой быт; могут служить весьма важными указателями этнического состава племен и родов» (Аристов. Заметки... с.285–286).

²Бий – вождь племени; судья. – Пер.

³У Аристова: орел.

⁴У Аристова: вяз.

⁵У Аристова: «срка» (сурку) – борона.

⁶«Коныр+ат» – букв., «вороной конь» (каз.) – Пер.

⁷В работе Радлова «К вопросу об уйтурах» цитируется некто Казембек со ссылкой на: Журнал Мин., Нар. Просв: 1841. Август с. 58.

СТАРШИЙ ЖУЗ

Дулат –

Албан –

Суандык –

Ботбай –

или

Сикым –

СРЕДНИЙ ЖУЗ

Конырат –

Аргын –

Канлы –

Кипчак –

Керей –

или

Найман –

За 2819 лет до хиджры (мусульманского летоисчисления) или за 2197 лет до Рождества Христова¹ до правления в Китае династии Хаба севернее Китая проживал народ ту-кю, т.е. тюрки.

Спустя 1081 год после этого(в 1116 г. до.Р.Х.)² во времена Уанга-хана в Китае тюрки, под именем гуннов, были в подчинении Китая, а в годы правления сына Уанги Буданга-хана гунны восстали и напали на улайят³ Шаньси. Эти тюрки, именуемые хунну или гунны, в 920 г. до Р.Х., начав войну с Китаем, через 213 лет, т.е. в 697 г. до Р.Х., захватили китайскую провинцию Ансу. Этой провинцией Китай граничил с Моголистаном. Через 45 лет тюрки захватили еще одну провинцию Пе Жей. Дабы оберечь себя от постоянных набегов тюрков, китайцы в 214 г. до Р.Х. начали воздвигать оборонительный заслон под названием Чин, который строили в течение десяти лет⁴. По всей видимости, это и есть вал Искандера⁵, как ошибочно прозвали его в народе. Строительство крепостного вала завершилось при китайском хане Чин Шахуане⁶. После его смерти в 210 г. до Р.Х. в Китае начались внутренние распри и окраинные области остались без присмотра, и тогда тюрки, обогнув татарскую реку Карамуран,

¹В дальнейшем: Р.Х.(до Р.Х., то есть до н.э.)

²Так у автора.- Пер.

³Так у автора. Здесь: округ.- Пер.

⁴Имеется в виду Великая Китайская стена – Пер.

⁵Искандер Двурогий – так называли на востоке Александра Македонского.- Пер.

⁶Цинь Шихуан (Ин Чжэн) – 246-210 гг. до н.э.– первый китайский император династии Цинь (Отсюда европейские названия Китая со времен античности: латинское *Sinae*, франц. *Chine*, англ. *China*. Ни один из народов КНР никогда не называл свою страну Китаем, а себя китайцами. Принятые у нас, эти названия произошли от передачи тюрками этнонима кидань (кытай, Китай) – народа, образовавшего в средние века огромную империю на территории Маньчжурии, Монголии и части Северо-Западного Китая). С его именем связан исторический этап – разгром шести царств и объединение территории Китая (221 г. до н.э.) – первый шаг на пути создания единого государства – Пер.

стали совершать грабительские набеги на земли китайцев.

Еще одно древнее сведение: в 1300 г. до Р.Х., когда в Китае правила династия Чэ Лу хана, на севере Азии известен был народ Гун (Хун). Гунны эти назывались так по названию реки Орхон. Одно время они были известны также под именем хунгэ ну, так называли китайцы народ, обитавший севернее р.Хуангэ ху. Радлов считает, что хун ну происходит от слов «он уй», что значит «десять уйгур». Гуннские племена топа, сиенпи, жужин¹, прозванные восточными татарами, дошли до западных границ Азии. Эти хунну долго воевали с Китаем, временами побеждали и даже брали с них дань. Ханы хунну носили титул шаньюй, затем тяньжу. Отсюда «тяйжу», как называли позже своих предводителей калмыки. Жен своих правителей хунну называли «иенши». Казахское слово «женеше» в нашем употреблении: «жена старшего по возрасту», мне думается, происходит от этого корня. Ставка вождя шаньюя или тяньжу была на вершине горы Ебин Шан. Это один из отрогов Алтая, что тянется до самого Иртыша. В мирные времена хуннский тяньжу, переписываясь с китайским правителем, подписывал свои послания так: «Великий Тяньжудан, посаженный на престол гуннов Небом, Солнцем и Луной». Эти последние годы мирного существования продлились до 210 г. до Р.Х. Как было уже сказано выше, междуусобица в Китае позволила гуннам разграбить их земли. Ханом хунну был в то время То Мин-тяньжу. Когда он в 206 г.² до Р.Х. умер, на престол сел его сын хан Моде или Моте. К 174 г. до Р.Х. хан Моде сумел значительно расширить

¹Тоба, сяньби, жужани.– Пер.

²К этому времени, образовалось государство сюнну (хунну), или гунны. «Приняв в 209 г. до н.э. от убитого им отца Тоуманя титул шаньюя (досл.:«общирного») – верховного правителя, Маодунь сумел быстро подчинить кочевую знать и провести ряд административных реформ». (М.В.Крюков, Л.С.Переломов, М.В.Софронов, Н.Н.Чебоксаров. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. с.112). Модэ-шаньюй (Маодунь) – 209–174 гг. до н.э.

границы своих владений¹. Китаем в то время правил хан Фау Хуанхэ ти². Моте захватил город Сопинга Фу, вошел в Шаньси. Когда он подошел к г. Сингал Фу хан Фау ти не решился оказать ему сопротивление и, отдав ему дочь, заключил перемирие³. После этого китайцы и тюрки не раз обменивались невестами.

¹«Конница Маодуня разгромила на востоке племена дунху, захватив у них много пленников и скота, затем двинулась на север, покорила динлинов и предков современных киргизов, после чего повернула на запад и прогнала с насиженных мест племена даючжи (массагетов). Империя Маодуня простиралась на многие тысячи километров: на западе она граничила с современным Синьцзяном, на севере достигала Байкала, на востоке доходила до р. Ляохэ, на юге упиралась в Великую Китайскую стену. Говоря о северном соседе Китая того времени, Сыма Цянь писал: «Когда к власти пришел Маодунь, сюнну достигли наивысшего могущества, они покорили всех северных варваров и на юге создали государство, способное противостоять Срединному государству» (Крюков, Переломов. Древние китайцы... с.113).

²В период жизни Модэ-шаньюя в Китае правили: Гао-цзу (Лю-Бан, 206–195), Хуэй-ди (Лю Ин, 194–188), Вэнь-ди (Лю Хэн, 179–164). – Пер.

³«Непрерывные набеги сюнну на китайские земли тревожили ханьского императора Гао-цзу, а поэтому он обратился за советом к сановнику Лю Цину. Лю Цин предложил: «Если вы, Ваше Величество, сможете отдать Маодуню в жены старшую дочь от главной жены и послать ей щедрые подарки, он поймет, что дочь ханьского императора может принести варварам богатства, а поэтому, соблазнившись, непременно сделает ее своей женой, а когда у нее родится сын, непременно объявит его наследником, который станет вместо него шаньюем. Почему это случится? Из-за жадности к дорогим ханьским подаркам. Вы же, Ваше Величество, отправляйте в дар то, чего в соответствии с сезонами года избыток у Хань, но недостаток у сюнну, справляйтесь о здоровье шаньюя и, пользуясь случаем, посыпайте лицо, обладающих красноречием, чтобы они незаметно наставляли его в правилах поведения.

Пока Маодунь жив, он, разумеется, будет вашим зятем, а когда умрет, шаньюем станет сын вашей дочери. А разве когда-нибудь было слышно, чтобы внук относился к деду как к равному? Так можно без войны постепенно превратить сюнну в своих слуг».

Гао-цзу взял девушку из простой семьи, выдал ее за свою старшую дочь и отдал в жены шаньюю, обязавшись ежегодно посыпать определенное количество подарков, являвшихся, по сути дела, замаскированной данью. Так в 198 г. до н.э. было положено начало договорам с кочевыми соседями, известными в истории как «договоры о мире, основанные на родстве» («хэ цинь юэ») – Материалы по истории кочевых народов в Китае. III–V вв. Вып.1. Сюнну. М., 1989. с.164. Первисточник цитируется полностью, потому как он является первым договором, характерным для политики Китая в отношении к кочевникам. В нем уже заложена идея подчиненности вождей сюнну китайским правителям.– Пер.

В году 175 до Р.Х. хунну, вытеснив народ юши¹ или шуршит из городов Ганьсу и Шаньси, погнали их к берегам оз. Балхаш и р. Или. Шуршиты (юши) в свою очередь переправились через Яксарт (Сыр-Дарью), подчинили Согд, Бактрию, согнав ранее пришедший сюда народ Се или Саха². В это же время таньжу (вождь хунну) напал на восточных татар и разгромил их. Часть татар укрылась на горе У Хуан, что на севере китайского города Пекин, и стала называться ухуанскими татарами. Другая же часть татар достигла горы Сиен Пи и стала называться сиенпи³. Когда вышеназванные юйеши вступили в Мавераннахр⁴, на западе соседями хунну были народ осун, т.е. уйсун, которые обитали на берегах р. Или⁵. Уйсунские ханы носили титул кунми. Дабы нарушить мирное соседство хунну с уйсунами, из Китая был послан некий Чан Киен, впервые проложивший путь на запад⁶. Китайский правитель в то

¹Юэчжи «...господствовали в степном районе от Дунъхуана на западе до Ганьчжоу на востоке. Некоторое время им подчинялись сюнну, пока наконец в 176–174 гг. до н.э. они не были разбиты своими прежними вассалами. После этого основная масса юэчжи (большие юэчжи – да юэчжи) откочевала на запад и через несколько десятилетий совершала уже нападения на владения Бактрии и Парфии. Кушаны, создавшие в I в. н.э. мощное государственное объединение, были одним из подразделений больших юэчжи». (Крюков. Древние китайцы... с.57).

²Саха – саки – ранние кочевники степной Азии (1 тыс. до н.э.).

³Протомонгольские племена «дунху, разбитые шаньюем Модэ в 209 г. до н.э., расселились на обширной территории севернее Великой китайской стены по соседству с хунну. Племена дунху стали именовать себя ухуань и сяньби по названию гор, вблизи которых они обитали».– История МНР, изд. 3., М., 1983, с. 103-104.

⁴Мавераннахр (по-арабски: «То, что за рекою», т.е. за Аму-Дарьей. Трансоксания – культурная область в бассейне Аму-Дарыи и Сыр-Дарыи). См.: В.В. Вартольд. Туркестан, Т.П., с.65–81.

⁵Усуни занимали «первоначально обширную территорию от Лобнора (озера) на юге до Алтая на севере». (Крюков. Древние китайцы., с.57).

⁶Серьезную опасность для Китая представлял гуннский союз, созданный на севере на грани III-II вв. до н.э. во главе с правителем Модэ. Перед тем как начать войну против гуннов, У-ди (в 138 г. до н.э.) послал своего представителя Чжан Цяня на запад на поиски союзников. Чжан Цян попал к гуннам в плен и вернулся лишь через 10 лет, собрав много важных сведений о «западных странах». Он впервые открыл путь из Китая через пустыни и горы в Среднюю Азию. Этот путь в Европе получил название «Великого шелкового пути». (Крюков. Древние китайцы... с.91).

время поддерживал торговые отношения с Канкию или персами (поси)¹ Мавераннахра. Теперь же на торговом пути серьезной преградой стали хунну, задержавшие Чан Киена у себя в плену на десять лет. Это случилось в 139–129 гг. до Р.Х. У Аристова Чан Киен зовется Чжан цяном.

В 70 г. до Р.Х. вышеупомянутые ухуанские татары пошли войной на хунну, разрушили могилы их правителей, в том числе и могилу Моте, оттеснили их на запад и захватили немало земель. В 54 г. до Р.Х. сиенпийские татары, в свою очередь заступившись за китайцев, одолели было ухуанских татар, но последние, в недолгий срок вновь обретя силы, образовали ханство, которое просуществовало до 207 г. после Р.Х.²

В 43 г. после Р.Х. держава Хунну распалась на Южную и Северную³. В 65 г. они объединились для похода на китайцев и, хотя дошли до Шаньси и Хами, потерпели поражение и отступили. Китайский полководец Цу Миен устремился за ними в погоню и, настигнув на горе Килушан, вновь разбил их наголову, и тогда вождь северных хунну вместе с остатками войска бежал на

¹ Так у автора. Видимо, китайская транскрипция слова персы – Пер.

² «В конце Поздней Хань, пользуясь происходившими в Китае смутами, ухуани постоянно совершали набеги на пограничные китайские земли. Лишь в 207 г. н.э. Цао Цао наголову разбил их вождя Тадуня, захватив в плен тысячи человек. После нанесенного поражения большая часть ухуаней бежала во владения сяньбийцев, а более 10 тыс. юрт было переселено китайцами в Срединное государство». (История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986, с.86).

³ «В 51 г. до н.э. шаньюй Хуханье прибыл к китайскому двору и признал себя вассалом Хань. Часть сюнну, несогласных с изменой Хуханье, во главе с Шаньюем Чжижжи ушла на север, за пустыню Гоби. Произошел раскол сюнну на южных и северных. Это было началом конца империи сюнну. В этот период китайская бюрократия начинает все активнее претворять в жизнь ставшую впоследствии традиционной политику «с помощью варваров уничтожать варваров». Диапазон ее был довольно широк – от методов дипломатических, включая психологическое воздействие, разжигающее распри между соплеменниками, вплоть до прямого использования южных сюнну в войне против северных» (Крюков. Древние китайцы... с.123).

запад. Таким образом, в 93 г. Северная держава Хунну прекратила свое существование¹. Оставшиеся двести тысяч домов (юрт) хунну подчинились Китаю. Но часть несмирившихся кочевников перевалила за Алтай, пересекла обледенелую степь и, достигнув Урала, осела на земле башкиров². Беглый народ этот, объединившись в ханство на границе с Европой, просуществовал еще многие годы под названием «западные хунны». Китайцы называли их ханство – Тяньжу. Это они³, вобрав в себя уйголов, оногоров, сиенпи и другие тюркские племена, вторглись в Европу, подчинив себе народ аланов. В 78 г. христианского летоисчисления они перевалили за Кавказ, вошли в Азербайджан, Ирак, Гажам⁴. Это уже было в 167 г. в эпоху Марка Орла⁵. О их походах на Рим написано в латинских книгах⁶.

Когда вышеназванные северные хунну ушли и стали называться «западными хуннами», южные хунну оставались в Шаньси. Остатки северных хунну, которые

¹ «Хунны были побеждены и образовали четыре ветви, каждая из которых имела свою судьбу. Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины. Вторая – «малосильные хунны» – осела в Тарбагатае и овладела Семиречьем, после чего не раз удивила Азию своими подвигами. Третья, наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями, вследствие чего в сянъбийском языке оказалось огромное количество тюркских слов. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шаньси, Ордо и Алашане. Именно эта ветвь хуннов взяла на себя инициативу восстановления былой хуннской славы» (Л.Н.Гумилев. Хунны в Китае. М., 1974. с.27).

² «Тысячи километров шли хунну по сибирским и уральским степям сквозь земли угроязычных и тюркоязычных народов. Этот «поход» занял у них более 200 лет» (Плетнева. Кочевники... с.19).

³ Т.е. гунны. «В Европе хунны возглавили многочисленные племена угров, аланов, антов и германцев и положили начало «Великому переселению народов», во время которого пала Западная Римская империя» (Л.Н.Гумилев, Поиски вымышленного царства. М., 1970. с. 37).

⁴ Так у автора.– Пер.

⁵ По всей видимости, автор имеет в виду римского императора Марка Аврелия Антония (161–180 гг. н.э.)– Пер.

⁶ Имеются в виду труды Плиния, Марцеллина и др. См.: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.– ВДИ, 1949, №4.

ушли отсюда в 93 г.¹, подчинились их предводителю Хабуланши. Постепенно и эти южные хунну ослабели и (став вассалами) превратились в оружие китайцев в борьбе с кочевниками².

В 206 г. внутренние распри³ раскололи Китай на три области. Одна – Уай на севере, другая на юге – У и третью на западе – Хань⁴. В 207 г. китайцы области Уай, постепенно расширяя свои владения, в конце концов захватили земли южных хунну и в 221 г. окончательно уничтожили их ханство. Большая часть южных хунну примкнула к сородичам в Ганьсу и Шаньси, остальные присоединились к западным хуннам, что ушли еще в 93 г.

Племена сиенпи в 225 г. вошли в Среднюю Азию, создали крупное государство и к 320 г. владели территорией от Или до Аму-Дарьи⁵. По имени этого народа и назвали позже этот край Сибирью.

¹ Так у автора. Ср.: «Часть хунну признала власть Ханьской империи, другая в 73 г. потерпела поражение и, говоря словами летописца, «исчезла неизвестно куда», т.е. переместилась на запад, открыв тем самым эпоху Великого переселения народов» (История народов... с.36).

² Согласно политике китайцев: «с помощью варваров уничтожать варваров». – Пер.

³ Вспыхнувшее в 184 г. восстание Желтых повязок парализовало всю страну. Императорская армия была не в состоянии подавить восстание. Эту задачу взяли на себя несколько «сильных домов», добившихся своей цели, а заодно они ликвидировали последнего ханьского императора. Затем началась ожесточенная борьба между военноначальниками, возглавлявшими карательные экспедиции против Желтых повязок. (История народов... с.38).

⁴ Так, в начале III в. на смену централизованной империи Хань, просуществовавшей в Китае в общей сложности более четырех столетий, пришло Троцарствие, когда страна оказалась разделенной на три самостоятельных государства – Вэй, Шу и У. (Там же...).

⁵ «Несколько иначе сложилась судьба сяньбийцев. В отличие от ухуаней они появились на территории современной Монголии и вблизи границ Китая не путем насильтственного переселения. Сведения о них находим в «Истории династии Северная Вэй» (государство, созданное сяньбийским племенем тоба) – История народов... с.87.

«На совете старейшин – одном из характернейших органов военно-демократического строя был избран старейшиной молодой и энергичный воин из знатного рода – Таншихай (Таньшихуай, 141–181 гг.). Он подчинил себе остальных старейшин и возглавил сянь-бийское объединение (союз племен). В период с 155 по 160 г. Таншихай «овладел

Государство это у Наджипа Гасымбека названо Топай Сюнну, у Аристова Юан Уви¹. В 310 г. вышедшие из этого народа тюрки, называвшиеся в стаинных летописях то жожин, то жожо², совершали сокрушительные всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14000 ли». За короткое время Таншихай стал во главе огромной империи» (В.А.Плетнева. Кочевники Средневековья. М., 1982. с.19).

Держава сяньби распалась на племена после смерти Таньшихуая (174 г.), рассеялась и «в III в. потеряла те зачатки государственности, которые у них были во II в. В III в. сяньбийский владетельный князь Мохоба перекочевал во Внутренний Китай и поселился около Пекина. В подражание китайским вельможам он нарек свой род фамилией Муюн, и под этим названием его государство вошло в историю. В 307 г. Муюн Хой объявил себя великим шаньюем сяньби ...можно считать 307 г. датой основания южносяньбийской державы. Три года спустя 700 сяньбийских семей откочевали на запад и добрались до плоскогорья Цайдам, где на берегах о.Кукунор основали царство Тогон, или Туюхунь. Название народа восходит к имени его первого вождя, брата Муюна - Хоя». (Гумилев. Хуны в Китае... с.31-32). «Роль сяньбийцев в истории народов Центральной Азии чрезвычайно велика. Почти весь дальнейший (вплоть до XII-XIII вв.) процесс формирования этнических предков монгольских народов определяется той или иной группой сяньбийцев, которой удавалось объединить этнически родственные племена, а затем и подчинить своему влиянию все население Центральной Азии» (Л.Л.Викторова. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.,1980. с.129).

¹Тоба-Вэй (386–535) – государство сяньбийцев табгачей (тоба) История МНР, с.106 ...сяньбийцы – муюны и табгачи (тоба), после кровавой борьбы между собою и китайцами, оттесненными в бассейн Янцзы, тоба одержали верх и основали могущественную империю, официально принявшую китайское название – Вэй. (Гумилев. Поиски... с.40). Юйвэни были потомками покорных хуннам сяньбийцев, родственных киданям. Юйвэни имели правителей из рода хуннских шаньюев. (Викторова. Монголы... с.192).

²Жуанъжуани, жужани. В конце IVв. в степях Центральной Азии образовался Жужаньский каганат. Различные тюркские племена Алтая, Орхона и Селенги, сяньбийцы на Ононе, Керулене, Шара-Мурэне и в предгорьях Хингана были его подданными. Само название жужаней и их происхождение неясны, а сведения китайских источников о них противоречивы. Жужаны владели территорией современной Монголии вплоть до середины VI в., когда были разбиты своими данниками – алтайскими тюрками. Часть жужаней и их подданных откочевала далеко на запад, где с согласия императора Византии Юстиниана заняла земли Паннонии. Жужани, переселившиеся в Европу, известны там под именем аваров. Они были в числе народов, на основе которых впоследствии формировались венгры, и принесли с собой культуру центральноазиатских кочевников и алтайские элементы в языке. (Викторова. Монголы... с.130–131).

набеги на западные народы. В 390 г. жожины согнали с родных мест вышеназванный народ сиенпи и уничтожили их государство. Двинувшись от Каракорума, жожины постепенно распространялись по всему Татарстану. Правитель жожинов также носил титул тяньжу. Один из них, Толон, в 402 г. был провозглашен хаканом, и с тех пор все правители их носили титул хакана¹.

Продвигаясь на запад, жожины владели некоторое время землями Башкирии, где обитали западные хунну. Аттила², завоевавший в 430 г. всю восточную Европу, был выходцем из этих самых жожинов. Их также называли яжуж-мажужами. Ханство их было уничтожено в 552–553 гг. войсками тюркских полководцев Она, Хея, Нагана, Ло Чина³. В результате чего тюрки стали полноправными хозяевами северной части Азии, Кашгара и всех земель Самарканда. После этого тюрки, объединившись с персидским царем Хосровом Ношеруаном⁴, покорили ханство афталитов⁵ или тилу

¹Жужаньский каганат особенно усилился при хане Шелуне за счет новых покоренных племен. Шелунь в 402 г. принял титул кагана с титулом «могущественнейший», (История МНР... с.106).

²Аттила – вождь гуннов, прозванный современниками за свою жестокость «бичом божьим», принял власть над гуннами в 433 г. Умер в 445 г. Прославился походами в глубь Европы, «поворгая в трепет все европейские народы» (Плетнева. Кочевники... с.44), «Помыслы Аттилы, – писал Иордан, – обращены на разорение мира», а после походов он, как правило, возвращался «на свои становища» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с.101–103).

³В середине VI в. государство жужаней было разгромлено в степях Монголии коалицией тюркских племен во главе с алтайскими тюрками. В 552 г. жужаньский каган Анахуань, потерпев поражение от тюрок, покончил жизнь самоубийством, а к 555 г. тюрки окончательно уничтожили жужанскую державу и захватили ее владения.

Основное население жужаней вошло в состав Тюркского каганата, другая часть их, известная под названием аваров, до 30 тыс. шатров, не желая подчиняться алтайским тюркам, откочевала на запад до Дунае–Карпатской котловины. (История МНР... с.108).

⁴Хосров I Ануширван (531–579) – царь Ирана из династии Сасанидов. Хосров I и тюрки завязывают друг с другом дипломатические отношения. Намечается союз; цель его – сокрушить эфталитов. (Б.Г.Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история М., 1972, с.216).

⁵Эфталиты.– Пер.

подле Мавераннахра. Правящая династия афталитов Уархоти была вынуждена бежать вместе со своими подданными в степи. Уйгуры, сабыры и тюрки, известные в летописях как уархоти или уархониты, и есть они самые. Но когда они пришли в Европу, они звались аварами (Аристов называет их тюркешами, указывая тем самым на тюркское происхождение аваров).

Все тюркские племена в древности, можно сказать, развивались по схожему пути. В основе всех войн древних тюрков, их набегов на соседние народы, их внутренних родовых распрея всегда была одна цель – утвердить свое превосходство, возвыситься над другими. Новое имя может утвердиться, лишь уничтожив предыдущее, – гласил их закон. Тюрки утверждались, подавляя соседей¹.

Тюркские племена не были одним народом, какими были, к примеру, арабы и персы. Разнородные племена соединялись, образовывали союзы племен, шли войной на соседние государства и либо захватывали их, либо, потерпев поражение, сдавались на милость победителя, становились частью его войска и уже с ним шли покорять новые земли, и так, перетекая из рода в род, из племени в племя, назывались самыми различными именами. Если два тюрка, не будучи из одного рода, хотели породниться, им для этого было достаточно пустить кровь из тела своего и, смешав ее с молоком или кумысом, пить по очереди; отныне они становились единокровными братьями. «Анда» – называли таких братьев. У казахов есть слово-сочетание – «куда-анда» (сваты). Последнее, по всей видимости, восходит к этому корню.

Тюрки испытывали на себе влияние таких вероисповеданий, как зороастризм, буддизм, христи-

¹Ср.: Самое имя прежнего государства в короткое время утрачивается из памяти людей, составлявших его, и его место заступают или названия отдельных племен, или имя нового союза племен, возникшего на развалинах исчезнувшего государства. Радлов. К вопросу... с.75.

анство, но до проникновения их в степь имели свою религию. Какую, трудно сказать. Известно лишь, что они, подобно древним китайцам, поклонялись пяти стихиям природы – земле, воде, дереву, металлу и огню. В основе их летоисчисления также принимали участие названные пять элементов. В совокупности с двенадцатигодичным циклом, где каждый год носил название животного, эти пять стихий составляли цикл в 60 лет. К примеру, год барса и дерева, год мыши и металла и т.п. И что характерно, тюркские народы сумели сохранить свои древние обычай и обряды до настоящего времени. Так, например, если тюрк женился, то платил выкуп за невесту: по-казахски **калым** (калын мал – многочисленный скот), по тюркски **агирлик** – тоже «плата скотом». Или казахское **коримдик** – плата за смотрины, тюркское **юз кормек** – плата за показ лица невесты; или казахское **кол устамак** – подарок за новое приобретение, тюркское **ал опмек** – подарок за знакомство, дружбу. Все эти традиции уходят корнями в те далекие времена. Кроме того, у казахов сохранились родовые тамги **он гун**¹, которым уже тысяча лет. До сих пор ставят кипчаки вместо подписи тамгу в виде копья, о которой сообщали китайские летописцы еще в 600 г. В том же 600 г. принявшие ислам керейты (кереи) ставят и вовсе древнюю тамгу в виде креста. Фактически все казахские роды помнят и ставят свои исконные тамги. Некоторые к известному родовому знаку добавляют черту. Это означает ответвление от главного рода или подчинение, переход из одного рода в другой.

Тюрки были воинственным народом. Это подтверждают персидские, арабские и китайские хроники. Когда персидский царь Файруз снаряжал армию против тюрков, воины говорили ему, что он посыпает их на верную гибель, но Файруз не внял их

¹Букв. род «десять гуннов».– Пер.

пророчеству и был убит в том походе. В старинной летописи, что по сей день хранится в мечети Ая София, написанной арабским письмом, сказано, что тюркам разгромить врага в пух и прах все равно, что книгу перелистать. А вот содержание китайской песни эпохи Шань:

...едет, поскрипывая, телега. Лошади фыркают. Плачут, цепляясь за одежду воина, родители и дети его, не хотят отпускать. Желтые тучи наползают на величавые городские стены. С шумом слетаются вороны. Жена воина, на голове парчовый убор **кимешек**, ткет полотно. Услышит она воронье карканье, уберет на закате свое полотно, ляжет в постель, и, догадавшись, что муж погиб, заплачет; как дождь изойдет слезами¹.

Вернемся к Аристову²: по сведениям китайцев, тюрки одно время назывались хунну или гунну. Затем – гаугу – по-китайски, по-нашему уйгуры. Хунну разделились на народы: шан жун, хянь юнь и хунь-юй³. В 214 г. до Р.Х. китайцы захватили хуннский г. Ордос. Через десять лет⁴ выходец из Шань Юя⁵ хан Моде (Моте) вернул ордос, и уже китайцы были вынуждены платить ему дань. Владения хана Моте простирались

¹Еще один пример: когда Модэ вторгся в Китай и китайский император решил выступить с войском против сюнну, советник Чэн Цзин так увещевал императора: «Нельзя этого делать. Сюнну по своей природе скапливаются в стаи, как звери, и рассеиваются, как птицы, гоняться за ними все равно, что ловить свою тень. Ныне если напасть на сюнну, то я опасаюсь, что вы, несмотря на высокие добродетели, окажетесь в опасном положении» (Крюков. Древние китайцы... с.11).

²Глава «Краткий исторический обзор тюркских племен Средней Азии», с.290.

³Хунь юй значило «питающиеся луком, лукоеды». Со, по-сагайски, значит боярышник. То и другое имя дают основание предполагать, что как хунны, так и народец Со, от которого происходят по преданию тюрки-туку или их господствующий род, прародиною имели северные склоны Алтая и Саяна, где и поныне корни сараны и других дикорастущих растений и ягоды (между прочим боярки) составляют значительную часть пищи местных инородцев. Аристов. Заметки... с.290.

⁴Неточно: в 174г. до н.э.– Пер.

⁵Неточно: у Аристова шаньюй (т.е. правитель) Модэ.

до Наньшаня и Тяньшаня (Большой Алатау) на западе, до могольского Алтая на юге и на севере до уйсуней и юбе чашей¹. Эти юбе чаши были потомками тибетцев, ушедших на запад. Осуны, или иначе уйсуны, были разнотеменным народом. Соседями их были енисейские кыргызы. Уйсуны сами вышли из этих кыргызов (мы, казахи, также происходим от них).

В 209 г. до Р.Х. хан Моте прогнал народ юбе чаши, или шуршиты, на запад. Те, в свою очередь, вытеснили с насиженных мест народ се (турецких саков)². Через Памир (войска Моте) дошли до Инда. После того как уйгуры прогнали юбе чашей, то, пройдя Фергану и Согдиану, утвердились в Бактрии.

По словам китайцев, с VI по VIII вв. в соседстве с восточными тунгусами проживали кидани (каракитаи). На берегах Шарамуран³ обитал народ татаби (кит. кумо хи или хи). Тунгусы или тогуз-огузы⁴, сородичи с тибетцами, тоже из каракитаев. Монголы называли их аймак он ют⁵. Северо-западнее их проживали таман татаны или татары. На западе от них и вышеизложенных татабов обитали тюрки тукю, шаньюи, т.е. ханы которых кочевали на Орхоне. На Селенге жили тогуз-огузы. Тогуз-огузы и уйгуры – один народ. Уйгурский род теле обитал на Селенге, остальные гаугюйцы – на побережье оз. Косогол⁶. На западе от него проживали

¹Т.е. юечжи. В 209 г. Модэ убил своего отца и сам присвоил себе титул Тань-юйя, покорил восточное племя дун-ху (т. е. западные ху) и живущие на дальнем западе народы у-сунь, Юе-чжи, кан-юй и еще 26 мелких княжеств. Так он основал государство, простиравшееся от Каспийского моря до восточных границ Китая. (Аристов. Заметки... с.290).

²Вероятно, саков, имя которых древние персы распространяли на всех кочевников, соседствовавших с Ираном с севера (Аристов, Заметки... с. 291).

³р. Шара-мурень (кит.-Ляохэ).– Пер.

⁴Букв.: «девять огузов».– Пер.

⁵Аймак (монг.) – округ.– Пер.

⁶В источниках: Косогол. Но возможно и два озера (кос кол – пара озер – каз.) Ср.: «найманы в середине XII в. сумели захватить южно-хакасское княжество котловины Больших озер, и граница с Найманским ханством прошла по хребту Танну-Ола. (История народов... с. 285).

тюркские племена меркит, урянхай, туба (тоба). Еще западнее урянхайцев к северу от горы Кокман обитали кыргызы. Гора эта по-китайски называется Тяньмань, ныне Танну-Ола, что означает: «Гора воздуха не гора».

Народ этот был покоряем хуннами с 201 г. до Р.Х. до 49 г. до Р.Х. На юго-западе от кыргызов, около Черного Иртыша, кочевало племя карлык. Китайцы называли их гэлолу. Они позднее других тюркских племен спустились с побережья Карлыка (Алтай) – притока р.Чарыша.

Непомерно расширившийся тюркский каганат распался на Восточный и Западный каганаты¹. Перечисленные выше тюркские племена подчинились восточнотюркским ханам, а земли, занятые чуйцами и племенами теле, подвластны западнотюркским ханам и входили в состав пяти аймаков дулу. Княжество Булгария происходит из рода Дуло. У Наджипа Гасымбека племя теле дулу пишется ти лу.

Около 750 г., воспользовавшись внутренними неурядицами среди тюрков тукю, уйгуры с теле и карлыками напали на тюрков тукю и захватили власть. Китайцы Уйгурское ханство² называли Хой-ху. Почти столетие спустя раздоры разрушили и это ханство, уйголов покорили енисейские кыргызы, и они бежали к подножиям Няншаня и восточного Тяньшаня (Большой Алатау). Малочисленные кыргызы не в силах были утвердить свою власть над такой территорией и вскоре вынуждены были возвратиться на Енисей. В это время усилились кидани (каракитаи). Они подчинили себе татаби и некоторые китайские племена, что

¹В 581 г. гигантский каганат распался на два государства: Западнотюркский каганат с центром в Семиречье и Восточнотюркский – с центром на р.Орхон. В 630 и 651 гг. оба каганата распались из-за междоусобиц. В 682 г. тюрки Центральной Азии сумели восстановить свое государство – возник второй Восточнотюркский каганат (682–744) с центром на Орхоне (История народов... с.280).

²Уйгурский каганат (744–840) со столицей на Орхоне, в г. Карабалгасуне во главе с каганом Пэйло.– Пер.

обитали в тех краях, и основали династию Ляо¹, что по-китайски означает «далъ, окраина». В 924 г. в одном из своих походов первый киданьский император Абаоки (Амбагань) доходил до прежней столицы уйголов на Орхоне. На границах киданьских владений обитали племена тюцзье, татары, байегин – уйгуры и монголы. Ближе и сильнее всех были в то время татары. Сколько ни ходили войной каракитаи на татар, покорить их не смогли.

По словам китайского писателя Юань Шаумиши², с половины IX в. до Чингисхана на территории Моголистана³ каракитаям и шуршитам были подвластны: на юго-востоке – татаби или он юты⁴, севернее их – многочисленные татарские роды; севернее и отчасти западнее татар – карайты (кереи), джалайры и монголы – все на Ононе и Керулене; западнее этих племен от р. Тамира и Орхона до Иртыша – найманы; севернее их на Селенге – меркиты, около Косогола и в Танну-Ола ойраты, туба (тоба) и разные «лесные народы»; на Енисее – кыргызы и подчиненные им племена. И на самой западной границе на Алтае – телесы. После падения уйголов, до Чингисхана Монголию, за исключением ее северо-восточной части, продолжали занимать тюрки. Мелкие роды, что остались к тому времени в Моголистане, не смогли объединиться в ханство. Сильнее других был род байегин или иначе аргын. При Чингисхане обрели мощь найманы, входившие в состав двух ханств. Приходилось считаться с керейтами (кереями) и татарами. В начале своего правления Чингисхан, опираясь на кереев, объединил вокруг себя монголов и бился с татарами и меркитами, а затем напал на

¹907–1125гг. Годы правления Елюй Амбаганя – 903-927.–Пер.

²Ошибка. Имеется в виду «Юань-чао-ми-ши» – Секретная история монголов. См. сноску 6 на с. 231. – Пер.

³Имеется в виду Монголия. В дальнейшем у автора также вместо монголов употребляется «моголы».– Пер.

⁴Онгуты.– Пер.

найманов и, покорив их, сделался владыкой всей Монголии. Местные тюрки, не успевшие покинуть насиженных мест, оказались под игом монголов. Среди оставшихся на родной земле тюрков в 1300 г. были роды он ют, джалайр, найман, керей и др. По этой причине и получили они свое (новое) прозвание – калмаки, т.е. «те, что остались». А ойрат-калмаками они называются потому, что западное крыло своего войска монголы называли «ойрат». Воины калмаки, входившие в это крыло, назывались «ойрат-калмаками». Отсюда и утверждение, что предки калмаков были ойратами. По словам Абулгази Бахадур-хана, во времена Чингисхана ханом ойратов был Конете (Кучлук). Поначалу они враждовали между собой, но потом помирились через сватовство.

В 1368 г. хан ойратов Мынтемир¹ провозгласил себя независимым ханом. После его смерти эль его распался на мелкие роды. В 1455 г. Есен Аши² объявил себя ханом ойратов, но один из вождей убил его, и ойраты вновь остались без предводителя и подверглись нападениям со стороны чингизидов, восстановивших свою власть в восточной Монголии. И тогда уцелевший народ, прозванный калмаками, перекочевал к родственным им тюркским татарам. Он разделился надвое, одна часть его пошла на запад к кипчакам, другая – на юг к дулатам. Здешние наши люди прозвали этих торгонских ойратов калмаками (калмыками).

Во второй половине XII в. бежавший из киданьского северного Китая князь Пелюй Даши³, собрав себе

¹Менгэ-Тимур (Мунке-Тэмур) – один из юаньских полководцев.– Пер.

²Есен-тайджи (Эсен-хан), сын Тогона – ойратский деятель, в годы правления которого была преодолена феодальная раздробленность и создано единое монгольское государство с достаточно сильной центральной властью. Историки называли период его правления «блестательным периодом ойратской гегемонии в Монголии». См.:И.Я.Златкин. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд.2. М., 1983, с.34–35.

³Елюй Даши (1087–1143) – киданьский турхан. Подробно о нем см.: Гумилев. Поиски... 117–133.

подобных беглых каракитаев и тюрков, подчинил алатауских уйголов и основал каракитайское ханство и завоевал соседний Мавераннахр. Столицей его ханства стал г. Баласагун¹, в долине р.Чу. А в 1212 г. последнего каракитайского гурхана победил Чингисхан², пленил его, после чего ханство это исчезло. В 1219 г. Чингисхан пошел походом с берегов Иртыша и, завоевав весь Мавераннахр и часть земли персов, а также земли по обе стороны Большого Алатау (Тяньшань), отдал их во владение сыну Чагатаю. Страною Дешт-и-Кипчак стал править старший сын Джучи. И хотя оба сына взяли у отца по 4 тыс. человек, основную часть войска, а значит, главную силу их армий составляли тюркские племена, которые, вливвшись в их войско, сами становились монголами. В конце концов в 1370 г. чагатаиды потеряли Мавераннахр. Родственный с ними, сам из смешанных тюрко-монголов Тамерлан (Амир Темир) отобрал эти владения у потомков Чагатая.

В Чагатайском улусе состояли племена: аргынот (аргын), кереит (керей), доглат (дулат – Старший жуз), колеут (карлук), канлы и киргиз. Из них кереи кочевали по берегам Черного Иртыша и Эрен-Кабырги. Аргыны вместе с найманами от р.Едиль доходили до рек Карагат и Нуры. Дулаты – между рек Карагат и Чу. Канлы и карлуки кочевали от р.Талас до Сырдарьи. А киргизы – на том же месте, что и ныне.

Восточная половина улуса Джучи, именовавшаяся Дешт-и-Кипчак, была населена кроме небольшого еще количества аргынов и найманов многочисленными кипчакскими родами, а также родами племени алшын. На западе кочевали остатки половцев. Были еще ногайцы, как они себя называли, объединившиеся с

¹У Аристова – Беласагун, – Пер.

²Неточно. В 1212 г. последний кара-киданьский гурхан был пленен зятем своим найманским Кучлук-ханом, лишенным монголами своих земель и нашедшим у киданей убежище. Года через четыре Кучлук погиб, преследуемый монголами (Аристов. Заметки... с.290).

частью кипчаков. Тогда их еще не знали под именем ногайцев. Так их прозвали гораздо позже – по имени племянника хана Берке, Ногай хана. Это был могущественный хан, который по своему усмотрению ставил и свергал прочих ханов Дешт-и-Кипчака.

Улус Джучи в конце концов распался на мелкие ханства и сошел на нет. Причиной тому стала смерть хана Тимура (Тамерлан). Это его настоящее имя. Известен также как Мухаммед-хан Великий. Казахи звали его Ормамбет-ханом. Он умер в 1446 г. В борьбе за власть ногайские ханы извели друг друга.

Восточной частью улуса Джучи независимо от казанского и крымского ханств с 1452 по 1455 гг. правил хан Абулхаир. В его время казахи и киргизы из названных родов объединились и образовали союз. «Казах» и «киргиз» означает «вольный, дикий». В том же 1452 г¹. кочевые племена Абулхаира были разбиты ханом ойратов (калмыков) Озтемиром. Озтемир – сын вышеупомянутого Есен Аши хана². В довершение к этим несчастьям, в 1455 г. ханы Аз-Жанибек и Керей, обидевшись на хана Абулхаира, откочевали с частью киргизов и казахов к хану, наследнику Чагатая, что стоял на р.Чу. После смерти хана Абулхаира народ озбекский рассеялся по степи. Озбеками они были прозваны по имени некогда славного хана Дешт-и-Кипчака Озбека, из династии Джучи, который сам принял ислам и обратил в мусульманскую веру все племена улуса Джучи. После смерти Абулхаира большая часть озбеков присоединилась к казахам. Многие

¹Битва войск Абулхаир-хана и ойратов во главе с Уз-Тимур-тайши произошла около Кок-Кашане (в окрестностях Сыгнака) в 1456–1457 гг. Ойраты одержали полную победу, Абулхаир-хан был вынужден отступить и укрыться за стенами Сыгнака. Не встречая сопротивления, победители принялись грабить окрестности Туркестана, Ташкента и Шахрухии. Перед уходом Уз-Тимур-тайши заключил мир с Абулхаир-ханом на унизительных для Шайбанидов условиях. (История КазССР, т.2... с.181).

²В указанное время правил Мэргус-хан (1453–1458). См.: Монгольские источники о Даян-хане. М., 1986, с.97, 114.

остались независимыми, и лишь некоторая часть приняла сторону Барыс-оглана¹, одного из уцелевших потомков Абулхаира. После того как и этот хан был убит, озбеки долгое время оставались без предводителя. В 1499 г. внук хана Абулхаира Шахбакыт Шайбани (Шайбак-хан), объединив вокруг себя озбеков, отчасти и казахов, пошел войной на Мавераннахр и Самарканд. До этого Ферганой и Мавераннахром правили потомки Чагатая (вторая пол. XVв.). Полюбив городскую (оседлую) жизнь, они не решились заступиться за родственные племена, на которых совершили набеги калмыки. В 1508 г. Шайбак завладел Мавераннахром, убил в Ташкенте Махмутхана и его брата Ахмет хана – потомков Чагатая, правивших над кочевыми племенами. Лишившись своих вождей, племена Чагатайского улуса присоединились к казахам, которые стали велики числом. Предводителем казахов в то время был хан Касым, сын Аз-Жанибека. При Касым-хане народ (эль) его насчитывал более 1 миллиона человек.

¹У Аристова – Барудж.– Пер.

ОТКУДА ПРОИЗОШЛИ КАЗАХИ

Из вышеприведенных родословных очевидно, что казахи ведут свой род от Яфса, сына пророка Нуха (Ноя), от народа Тукю (по-китайски), т.е. тюрков. Тюрк, как мы уже знаем, означает «шлем». После этого народ тюркский назывался Хун или Гун. Наджип Гасымбек утверждает, что имя это происходит от названия реки – Орхон. В последующие столетия тюрки известны под многими именами, но мы – из ветви Уйгур. Все известные родословные переводят слово «уйгур» как «объединившийся, присоединившийся (друг к другу)». Народ этот составляли тайфы¹: кыргыз, канлы, кыпчак, аргынот, найман, керейт, доглат, ойсын – т.е. наши прямые предки. Впоследствии Чингисхан покорил всех татар и монголов и поделил весь (плененный) народ между четырьмя своими сыновьями. Все татары отошли к старшему сыну Чингисхана Джучи и следующему за ним брату Чагатаю и стали зваться улусом Джучи и улусом Чагатая. Затем, когда хан Озбек – потомок Джучи – принял ислам, все, кто был в улусе его и предки наши стали называться озбеками, а когда Аз-Жанибек отделился от хана Ногая и народ наш последовал за ним, мы стали называться киргизами и казаками². В ту пору наиме-

¹Этническая группа, также как: род, племя, народ.– Пер.

²Современное «казах» – более позднее написание. В примечании к труду В.В.Радлова «Из Сибири» говорится: «Киргизами Радлов именует главным образом казахов, хотя и указывает, что их правильное название и самоназвание казак. Такое ошибочное название казахов получило в дореволюционной литературе широкое распространение. Их именовали также казак-киргизами, киргиз-кайсаками, киргиз-казаками, но отнюдь не из-за отсутствия самоназвания народа казах (казак), которое существовало по крайней мере с XV в., а в русских документах применялось уже в XVI–XVII вв., что отметил еще в начале XIX в.

нование «казак» носили не только три казахских жуза, но и другие племена. Большинство из них стали оседлыми и, осев в разных краях, стали называться кто ногайцами, кто башкирами, а кто узбеками и сартами. В конце концов наименование «казак» закрепилось за нами одними.

В самом начале я уже говорил, что родословной, которая бы хронологически последовательно проследила все колена от пророка Адама до наших дней, не существует. Даже от Аз-Жанибека до нынешних дней о предках наших существуют как правдивые, так и сведения явно сказочного характера. Среди них для нас интересны, конечно же, сведения, в точности соответствующие вышеуказанным родословным книгам. Итак:

...после смерти Джучи – старшего сына Чингисхана, вместо него на ханский престол воссели Бату (сын Джучи). Русские называют его – Батый. Другое имя его – Сайнхан. В 1242 г. он подчинил себе всю Русь. После Бату ханом был брат его Бургэ¹. Еще до Джучи на Едиле и Жаике проживали тюркские племена кыпчаков. Поэтому земля их называлась Дешт-и-Кыпчакским ханством. Во времена Бурге-хана ханство это было разделено на три части: Золотую Орду, Белую Орду и Синюю Орду². Золотой Ордой, которой подчинялись все другие, правил Бургэ-хан. Ханом Белой Орды был

А. Левшин в своей статье «Об имени киргиз-казачьего народа...». Он писал, что киргиз-кайсакам дают чужое имя, которым ни они сами себя, ни соседи, исключая россиян, не называют... Киргиз есть название народа совсем другого... Название казак принадлежит киргиз-кайсакским ордам с начала их существования, они себя иначе не называют. Замена самоназвания народа другим названием, как полагают исследователи вопроса, произошла в результате стремления отличать в официальных документах этот народ от русского казачества соседних районов Сибири (Радлов. Из Сибири... с.579–580).

¹Берке (1257–1266) – золотоордынский хан (История КазССР, т.2, с.130). По Рашид-ад-Дину, начало правления хана Берке – 652 г. х. (1254–1255 гг.). См.: Рашид-ад-Дин, Сб. летописей, т.2, М., 1960. с.81. см. также: История МНР... с.144.–(1255–1266).

²Алтын-Орда, Ак-Орда, Кок-Орда.– Пер.

сын Джучи Шайбан. Ханом Синей Орды – сын Джучи Токай-Темир. Наш Абильмансур Аблай – потомок Токай-Темира. Вышеупомянутый Бурге-хан принял ислам и стал называться Береке-ханом. Примеру брата последовал Токай-Темир, также став правоверным. На месте Бурге-хана каганом¹ становится сын Токай-Темира Мунке, затем брат его Токтогу. Его сменил хан Озбек, сын Тогрола, сына батыевского Ментемира. Это случилось в 1301 г. Хан Озбек был мусульманином и весь свой народ обратил в мусульманскую веру. С той поры народ наш веры своей не менял и поныне является мусульманским. Отсюда выражение в народе: «вера нам от Озбека осталась». По имени этого хана и весь улус Джучи стал называться озбеками (узбекским).

Ставка хана Золотой Орды² – столица улуса Джучи – и по сей день находится на берегу Етиля между

¹Здесь: старшим ханом, т.е. правителем над ханами Белой и Синей Орд.– Пер.

²Династия ханов Золотой Орды:

Батый (1227–1255)–первый правитель Золотой Орды – государства Джучидов со столицей Сарай-Бату (около совр. Астрахани), позже столица была перенесена в Сарай-Берке (выше Сарай-Бату по Волге). История КазССР, т.2, с.127. И далее годы правления ханов Золотой Орды даются по этому источнику: с.130.

Берке (1257–1266).

Менгу-Тимур (1266–1280).

Узбек-хан (1312–1342).

Джанибек (1342–1357).

Династия ханов Кок (Синей) Орды по Гаффари.

Тохта, сын Курбукуя, сына Орды, сына Джучи.

Тогрул, сын Тохты. Скончался в 727 г. х. (1326/27).

Узбек, сын Тогрула.

Джанибек, сын Узбека.

Бердебек, сын Джанибека.

Династия ханов Ак (Белой) Орды по Гаффари.

Туда-Мунке, сын Нокая, сына Кули, сына Орды.

Сасы-Бука, сын Нукая. Умер в 720 г. х. (1320/21).

Эрзен, сын Сасы-Буки. Скончался в 745 г. х. (1344/45).

Мубарек-ходжа, сын Эрзена.

Урус-хан, сын Чимтая. Умер в 778 г. х. (1376/77).

Токтакия, сын Урус-хана. Умер в 778 г.х.– История КазССР, т. 2, с. 167.

Тимур-Мелик, сын Урус-хана. Убит в 778 г.х.

Токтамыш, сын Туй-ходжа-оглана. Умер в 807 г.х. (1404/05).

Астраханью и Саратовым. Это – город Царев. Ногайцы прозвали его Сарай, русские же на свой лад – Царев¹. В ту пору местом обитания казахов была нынешняя Сары-Арка.

В 1446 г. после смерти джучида Мухаммеда Великого (Орманбет-хана)² в борьбе за престол потомки Джучи раскололи (империю Тимура) на мелкие удельные ханства. Настоящее имя Улы Мухаммеда – Темир. Как уже говорилось выше, одно время восточной частью улуса Джучи независимо от казанского и крымского

Нузи-оглан, сын Урус-хана.

Тимур-Кутлуг, сын Тимур-Мелика. Умер в 802 г.х. (1399–1400).

Шадибек. Умер в 811 г.х. (1408/09).

Фулад-хан. Умер в 811 г.х. (Сын Тимур-Кутлука – Пулат.

История КазССР, т. 2... с. 153–154).

Тимур, сын Шадибека. Умер в 813 г.х. (1410–1411).

Токтамыш, сын Тимур-Кутлуга.

Джелаль-ад-дин, сын Куизи (Койричак-оглана), сына Урус-хана. Убит в 831 г.х. (1427/28).

Мухаммед-султан, сын Тимура, сына Кутлуг-Тимура.

Касым-хан, сын Сейидак-хана, сына Джанибека, сына Берди-хана.

Хакназар, сын Касым-хана.

См.: В.Г. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.П. М.-Л., 1941. с.210.

Годы правления ханов

Чимтай –	1344–1361
Урус-хан –	1361–1376/77
Тимур-Мелик –	1376–1379
Токтамыш –	1380–1395
Барак –	1423/24–1428
Касым –	1511–1518 (или 1523)
Хакк-Назар –	1538–1580

См.: История КазССР, т.2... с.386.

Хронологические таблицы мусульманских династий приводят имена ханов Ак-Орды в следующей последовательности: Орда-Еджен, Сартак, Коничи, Байан, Сасы-Бука, Эрзен, Мубарак, Чимтай, Урус-хан, Койричак и Барак. История КазССР, т.2... с.151. У Рашид-ад-дина: Орда, Сартактай, Кунинжи, Баян (Рашид-ад-дин. Сб летописей. Т.П. М.-Л., 1960. с.67).

¹О Сарае, его истории и местонахождении см.: А.Н.Насонов Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М.-Л 1940. с.119

²Эмир Тимур, известный под именем Тамерлана (1336-1405 гг.).– Пер.

ханов правил хан Абулхаир¹. Тогда ханом казахов был Аз-Жанибек². Он был в подчинении хана Абулхаира. Настоящее имя его – Абу Сагид. Он из потомков Токай-Тимура. Но ханской крови. В 1455 г. хан Аз-Жанибек вместе с братом Шахгиреем³, будучи в обиде на хана Абулхаира, ушел к хану Туглуку, сыну Есен-Буги из чагатайского рода, что стоял на р.Чу. Причину этой обиды казахи объясняют так:

...дальний предок аргынов – прославленный Даир-ходжа был любимым судьей хана Абулхаира. Народ за справедливость прозвал его Акжол-бием⁴. Другим любимцем Абулхаира был Кара-Кипчак Кобланды-батыр. Акжол-бий и батыр Кобланды втайне ненавидели друг друга, и однажды Кобланды (повстречав в степи Акжол-бия) убил его. Узнав об этом, Аз-Жанибек обратился к хану Абулхаиру с требованием предать убийцу согласно закону шариата мучительной казни. Но хан, опасаясь возмущения и заступничества (за батыра) многочисленного рода кипчаков, отказывает ему в казни Кобланды и предлагает взять с кипчаков кун⁵

¹Абулхаир (годы правления 1428–1468) – потомок джуцида Шайбана, сын Давлат-Шайх-оглана. В 1428 г. провозглашен Ханом в области Тура (Западная Сибирь). Образовал «государство кочевых узбеков». См.: История КазССР, т.2, с.176–181.

²Аз-Жанибек – султан Джанибек, сын Барак-хана, правнук Урус-хана, вместе со своим родственником Гиреем, объединив часть кочевого населения, откочевал в Могулистан. «Исан-Буга-хан (Есен Буга – хан Могулистана) охотно принял их и предоставил им округа Чу и Козы-Баши». Тарих-и Рашиди. В кн.:История КазССР, т.1 с.256.

³Тирей, Керей.– Пер.

⁴Праведным. Ак жол – букв. «светлый путь».– Пер.

⁵Хун у казахов был, по существу, разновидностью виры или головничества, которые возникли при родовом строе. Например, в Древней Руси, Германии и у других народов это был выкупной штраф вместо кровной мести за убийство иувечье. Размер хуна у казахов зависел от классовой принадлежности, пола и возраста убитого и искалеченного. С.Е.Толыбеков. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, Наука, 1971, с.358.

Убийца ни в коем случае не отвечает за свое преступление головой. Возмещением являются карательные платежи; совершивший убийство вносит: сотню коней, одного пленного раба, двух верблюдов, суконный

(выкуп за убийство), равный куну трех человек. Но Аз-Жанибек, разгневанный решением хана, откочевывает от него со всем своим элем. С той поры и осталась поговорка среди казахов: «И зачем тебе, мой милый, было связываться с Кара-Кипчаком Кобланды!» Так, по преданию, воскликнул отец Даир-ходжи, Кидан-тайши, проливая слезы над трупом сына¹. Звали его Кидан, тайши – поэт, певец. Вот почему казахи говорят, что дальний предок аргынов – прославленный акын Котан. Еще одно свидетельство тому – стихи, сочиненные аргыном Жанак-акыном в споре с уаком Жаркын-бием. Когда Жаркын-бий спросил его, а были ли в твоем роду поэты, так ответил ему Жанак:

У Алаша² – предок Аргын был на редкость одаренным,
Выделялся он приметно среди других.

кафтан высшего качества, (мех) чернобурой лисицы, ястреба или беркута, один панцирь и другие предметы военного обихода. Все это следует ближайшему наследнику убитого. В случае, если личного имущества не хватает, то остаток взыскивают с родственников убийцы, и родственники не могут в этих случаях возражать против этого обычного права, и все подчиняются этому ненарушимому порядку. Это установление называется у казахов куно. Н. Рычков. Дневные записки капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году, с.25

¹Как образец творчества Кодан-тайши (род. ок.1370 г.) сохранилась песня-плач, посвященная сыну Даир-ходже, находившемуся в непримиримой вражде с батыром Кобланды из рода кипчак:

Зачем ты, мой жеребеночек, связался с каракыпчаком
Кобланды!

Теперь мне, прожившему почти девяносто лет,
Переломили спинной хребет!
Мы вывели на верный путь наших ногайлинцев.
Мой звонкий ручей, светоч мой яркий, погас ты за один день
Ну зачем же, мой жеребеночек, ты связался с каракыпчаком
Кобланды!

Кодан-тайши из племени аргын был известен не только как прославленный жырау, но и как активный участник политических событий своего времени. Он выступал на стороне Гирея и Джаныбека в их борьбе против Абулхаира. История КазССР, т.2... с.235.

²Алаш – синоним слова «казах», употребляется в значении «весь народ»; боевой клич всех казахов. Под «шестью алашами» подразумевались шесть крупных политических объединений племен, входивших в состав казахского ханства середины XVI – нач XVIII вв.: Старший жуз, Средний жуз, Младший жуз, киргизы, каракалпаки, курама

Первопредок (же) аргынов акын Котан
Был в стихе куда как мастеровитей нас обоих!¹

Когда вышеупомянутый Аз-Жанибек решил увести казахов на юг, то тогда, говорят, все самые знатные люди казахов и ногайцев долго-долго прощались со слезами на глазах. Об этом есть печальный кюй², известный среди домбристов, который они обычно начинают словами: «Когда хан Орманбет умер, когда раскололась десятиплеменная Ногайская Орда, вот как оплакивали разлуку ногайцы и казахи...»

До ухода казахов с Аз-Жанибеком, еще до того как они стали называться казахами, народ наш составляли роды: аргын, найман, керей, канлы, кипчак, уйсын, дулат. Все они и ныне имеются в составе других тюркских народов. Когда казахи отмежевались от остальных, те же роды составили новые этнические группы, известные сегодня как ногайцы, башкиры, узбеки. А наши казахи, которые разделяются нынче на три жуза, на самом деле являются потомками небольшого числа людей. Сами казахи так описывают разделение на три жуза:

...после того как хан Аз-Жанибек отдал казахов в подчинение чагатайским правителям Кашгарии³, казахами и другими кочевыми племенами правил сын Жунус-хана Ахмет-хан, брат его Жанеке (настоящее имя Махмуд) сидел ханом в Ташкенте. Ахмет-хан

(полуоседлые кипчакские роды Средней Азии). После распада ханства с серединой XVIII в. употреблялся термин «три алаша», под которым подразумевались три жуза, а слово «алаш» (весь алаш, шесть алашей) становится синонимом слова «казах», «весь казахский народ». Поэты Казахстана. Сост. М.Магаунин. Л., 1978. с.566.

¹Подстрочник.

² Кюй – музыкальное произведение для исполнения на домбре.– Пер.

³Хан Могулистана Есен-Буга в свою очередь охотно вступил в союз с казахскими предводителями, стремясь обеспечить безопасность западных границ Могулистана в своей борьбе против Абулхаир-хана и Тимуридов, поддерживавших соперника Есен-Буги, его брата Юнуса. История КазССР, т.2... с.257.

составил из казахских джигитов войско для битвы с калмаками, которые разбил на три крыла и назвал их: Великий жуз (Старший)¹ Средний жуз и Младший жуз. За частые набеги на них калмаки прозвали хана Ахмета – Алашы², что значит «душегуб». Прослышав об этом, хан Ахмет приказал казахам для устрашения калмаков отныне, нападая на врага, издавать клич: «Алашы!». Так этот боевой клич стал знаменем казахов. Отсюда поговорка: «когда Алаш был Алашем, когда ханом над нами был Алашы, о, чего мы только не сделали калмакам!»³.

В 1499 г., когда Аз-Жанибек, как уже было сказано выше, рассорился с ханом Абулхаиром, внук последнего Шайбак-хан отвоевал Бухару и Самарканд у потомков Амир-Темира. Когда же он в 1508 г., захватив весь Мавераннахр, подступил с войском к стенам Ташкента и правивший казахами Ахмет-Алашы-хан вместе со своим братом Жанеке-Махмудом решил дать бой Шайбаку на Уратобе, казахи сказали-де: «Чингисхан еще при жизни отдал нас в улус Джучи. Чагатай не наших кровей, таджики и сарты не родня нам, озбек – вот кто наш брат, сарт – жертвенник»⁴, – и перешли на сторону Шайбака. В той битве победил Байбак-хан, убил Жанеке-Махмуда и брата его Ахмет-Алашы-хана, и казахи, что были в подчинении чагатаидов, вновь воссоединились с основной массой казахов. Сведения об этом есть в книгах Абулгази Бахадур-хана. Следовательно, (в этом случае) устные рассказы казахов соответствуют истине. К тому времени ханом казахов стал Касым, а подчиненный ему народ составил 1 миллион человек.

¹Букв.: Большая сотня, Средняя сотня и Малая сотня.– Пер.

²Ахмед-хан (1496–1504), прозванный за частые сражения с ойратами Аладжи-ханом (алазу– «убивать», аладжи – «убийца», здесь в смысле «истребитель ойратов»). Златкин. История Джунгарского ханства...с.41

³Как пример бахвалства среди казахов.– Пер.

⁴«Озбек – оз агам, сарт – садагам». («Узбек – свой брат, сарт – жертва моя» – Пер.

«Столбовая дорога Касыма» («каска жол»¹) – так запомнили в народе время правления хана Касыма². Именно он сумел впервые объединить казахов в единое ханство и упрочить его. Вслед за ним ханом стал сын его Сыгай (Шигай)³, затем сын его (Шигая) Тауекел⁴. В 1598 г. Сигай-хан отобрал у наследников Шайбака Ташкент и обосновался в Туркестане⁵. Но несмотря на это управлять оседлым (городским) населением кочевому люду оказалось не под силу. К тому же не давали покоя бежавшие сюда (в эти края) от притеснения монголов калмаки. Так, при хане Тауекеле шайбаниды вновь овладели Ташкентом. Ханом их тогда был Турсун-Махмуд. На место выше-названного Тауекеля сел хан Есим. «Высокорослый Ер⁶ Есим», как прозвали его в народе. Он продолжил (политику) Касыма, (известную под названием) «каска жол». Время его правления получило название «древней дороги хана Есима». В 1628 г. Есим-хан убил хана Турсуна-Махмуда и разграбил эль катаганов. Вот что известно об этом:

...Абулгази Бахадур-хан, автор известной нам «Родословной тюрок», в результате борьбы между родственниками за ханский престол и раскола

¹Букв.: «лобовая», т.е. «прямая (главная) дорога». Под политикой «каска жол» подразумевалось издание ханом Касымом якобы первого свода законоположений. Возможно, здесь имелся в виду «клятвенный договор», заключенный не Касымом, а сыном его – Хак-Назаром в 60 г. XVI в. с ханом Мавераннахра Абдаллахом II. Этот дипломатический шаг прекратил на время столкновения на юге Казахстана, что благоприятно сказалось на внутреннем положении Казахского ханства. История КазССР, т.2... с.275.

²Один из видных казахских ханов, при котором быстро шел процесс «собирания земель». С его именем связано укрепление Казахского ханства в XVIIв. История КазССР, т.2... с.264.

³Шигай (1580–1582) – сын Джадика, внук Джанибека – казахский хан.– Пер.

⁴Тауекель (Тевеккель) (1586–1598) – сын Шигая – казахский хан.– Пер.

⁵Тевеккель-хан с многочисленным войском летом 1598 г. вступил в Мавераннахр. В числе подчиненных им земель Искандер Мунши, осветивший эти события, называет города Ахси, Андижан, Ташкент, Самарканд. История КазССР, т.2... с.278.

⁶Ер (каз.) – богатырь.– Пер.

ургенчских узбеков на три лагеря, по его словам, был вынужден искать убежище у Есим-хана. В это самое время Есим убивает хана Турсуна и нападает на катаганов. Искавший защиты Абулгази, видя такое положение дел, испросив разрешения у Есим-хана, возвращается к своим.

Если это так, то жена нашего девятого предка Сары – дочь хана Турсуна. Выходит, Конырбике была привезена в том самом 1628 году. Казахи рассказывают об этом следующее:

...Али, родной брат нашего предка Сары, батрачил у одного сарта (таджики). Услышав (весть) о том, что хан Есим убил Турсуна – хана катаганов и вновь завладел Ташкентом, он, взяв двух откормленных коней этого сарта, бежит на родину. По дороге ему встречаются дочери Турсун-хана, которые, будучи в пути, еще ничего не знали о смерти своего отца. Ничем не выдав себя, Али приезжает домой и, прихватив с собой несколько товарищей, вновь возвращается (той же дорогой). Захватив (дочерей Турсун-хана) Айбике, Нурбике, Конырбике со всей свитой, обозом, шатрами, отдает Айбике своему товарищу, Нурбике со всем имуществом, шатрами и свитой оставляет себе, а Конырбике отдает старшему брату Сары. Вот от этой Конырбике и рождаются наши предки пятого колена – Кишик и Мамбет-Софы.

После Есима ханом стал его сын – Жахангер, казахи называли его Салкам Жангир¹. Затем его сын – Аз-Тауке. «Древнюю дорогу Есима» (т.е. свод законов) продолжил именно он, хан Тауке². Это о его правлении сохранилось выражение «каждодневный сбор совета

¹Большую часть своей жизни Джангир был занят отражением набегов джунгаров, в ходе борьбы с которыми он погиб (в 1652 г.). История КазССР, т.2... с.286.

²Имеются в виду законы, известные под названием «Жеты-Жарга», что буквально обозначает «семь установлений». В них были закреплены основные принципы и нормы патриархально-феодального права средневекового казахского общества. В научной литературе этот

на берегу озера». Тогда с казахами враждовали катаганы (ойраты), калмаки, узбеки, таджики (сарты). Вскоре казахам пришлось покинуть захваченный ранее Ташкент и откочевать в 1652 г. к берегам Аму-Дарьи, до самых границ Персии.

Аз-Тауке родился от брака Салкам Жангира и дочери калмыцкого хана. Брат его Уалибек (Валибек) был рожден от дочери урченчского Гаип-хана. Когда на место Жангира ханом сел Аз-Тауке, Уалибек, затаив обиду ушел к Гаип-хану.

В правлении Аз-Тауке, когда казахи проживали на Аму-Дарье, тюркское племя Акжол, подчиненное ранее персам, вывело из рода своего сильного человека по имени Надиршах¹, который сумел завладеть всей Персией. Испугавшись его, казахи вновь откочевывают. Теперь уже к берегам Сыр-Дарьи. Около 1690 г. умирает Аз-Тауке, и к власти приходит сын Аз-Тауке Болат-хан. В правление его казахские племена были захвачены калмаками (джунгарами). Между калмаками и казахами завязываются жестокие сечи. Самое кровопролитное сражение произошло в 1723 г. Войска калмаков, возглавляемые полководцем Цеван Раптаном (Цэван-Рабдан) наголову разбили казахов. Истерзанный, оборванный голодный люд добрался до озера и пал, усеяв все побережье своими телами. И тогда (по преданию) один старейшина сказал: «Дети мои, как не забывает человек выпавшие на его долю мгновенья счастья, так и мы должны запомнить великое горе, постигшее нас». И назвал это бедствие «Ак табан шубырынды, алка кол сулама», что означает: «брели, пока не заболели подошвы, упав (без сил),

юридический документ именуется «Уложением хана Тауке», или «Законами хана Тауке». По историческим преданиям, его творцом принято называть хана Тауке, который будто бы собрал в урочище Куль-Тобе биев – представителей трех жузов, и они соединили «старые обычаи ханов Касыма и Есима» в нормы, называемые Жеты Жарга. История КазССР, т.2... с.334.

¹Видимо, Надир-Мухаммад-хан – правитель Балха.– Пер.

лежали вокруг озера»¹. Тогда и родилась самая старинная казахская песня-плач: «Елим-ай» («О, народ мой!»)².

С вершин Карагату спускается кош...

Среди других лишь верблюжонок идет без ноши.

О, как тяжко лишиться родных сестер и братьев!

Из черных очей, сверкая, текут слезы...

Что за время такое, что за эпоха такая жестокая,

Время, спугнувшее птицу счастья с нашей головы!

Бредем, не зная куда, поднимая пыль столбом...

Страшнее январской стужи, снежного бурана (это время)!

Что за время такое, время «багы»³ («самозванцев»)

Вернутся ли вновь прошлые времена?

Осталось чернеть (пустовать) место родных⁴,

Озеро слез пролил я из глаз моих⁵.

Когда кош перевалил хребет Карагату, раздался громкий плач. Это верблюжонок оплакивал разлуку с матерью⁶. Плач его подхватили все, чьи родные были убиты калмаками. Песню эту, сочинили в

¹ Год 1723 считается годом начала Великого бедствия, именуемого в преданиях эпохой «Актабан шубырынды». Казахи Среднего и Старшего жузов, говоря о годах «Актабан шубырынды», употребляют выражение «Алкакол-сулама», что означает «в полном изнеможении от голода и усталости бросились на землю пластом и залегли у озера Алкаколь». История КазССР. Т.3, Алма-Ата, 1971 С.18. Предлагаю свой перевод: год, когда, «изранив ступни, вокруг озера без сил лежали». – Пер.

² Название песни переводят обычно «Родина моя», так как слово «ель», «эль» имеет два значения: «народ», «население» и «край» «родина». См.: эль (сноска 1 на стр. 234). – Пер.

³ Багы – т.е. людей вольных, выступающих против ханов, – бунтарей.

В этой чрезвычайно тяжелой внешней и внутренней политической обстановке казахские ханы и султаны оказались неспособны организовать отпор джунгарским феодалам. Борьбу за независимость возглавили представители знати «черной кости», народные батыры трех жузов: Младшего – Тайлак, Среднего – Буkenбай и Старшего – Саурык, ставшие героями борьбы в годы «Актабан-шубырынды, Алкаколь-сулама». История КазССР, т. 3... с. 20.

⁴ Подтекст: 1. «Осталась зиять в душе рана по родным». 2. «Осталась чернеть родина наша, превращенная в пепелище». – Пер.

⁵ Подстрочник.

⁶ Плач верблюжонка, плач верблюдицы – традиционный образ разлуки с родиной в казахской поэзии. Подразумевается пронзительность чувства, которую можно сравнить лишь с пронзительным, рвущим сердце ревом – плачем и зовом одновременно – животного. – Пер.

карауле¹ батыры, сопровождавшие кош и все видевшие своими глазами. В этом (печальном) побеге отказали ноги у нашего предка – девяностосемилетнего Анет-бабы, и его оставили на перевале. Незадолго до этого случилась история с родичем его Калкаман-батыром, что полюбил дочь Мамбетая – Мамыр, за что был приговорен Анет-бабой к «ок байлау»². (Раненный в бедро) Калкаман в обиде на Анета, ушел в области Бухары³. Пятеро же сыновей Анет-бабы – Болаты – все полегли в последней битве с калмаками.

В год Великого бедствия Средний жуз перекочевал в области Бухары и Ташкента, Средний дошел до (берегов) Ишима, Нуры и Сарысу. Кипчаки ушли еще дальше – до Аральского моря и Белого моря⁴. Башкиры и Младший жуз – алшины – отошли на северо-запад. Тогда в Младшем жузе ханом был один из сыновей хана Аз-Тауке Карт (Старец) Абулхаир⁵. В Среднем жузе – хан Самеке (Семеке), сын Болат-хана. В Старшем и самым старшим (над остальными ханами) ханом был сын Болат-хана Абу Мухаммед. Казахи звали его Абульмамбет. По словам Аристова, в год Великого бедствия роды Среднего жуза – канлы и дулат – оказались в подчинении калмаков. Упорней и дольше всех сражались (с ойратами) батыры Среднего жуза.

¹Караул (каз.) – «карау» («смотреть») аул. т.е. тот, кто смотрит за аулом, стережет его. Отсюда: караульный, караул в русском языке.– Пер.

²Ок байлау – букв.: «привязать к стреле (пуле)» – вид казни или испытания приговоренного, который наудачу должен проскакать на коне меж двумя рядами стрелков (прежде лучников, позже солдат) – Пер.

³История этой любви рассказана автором в его поэме «Калкаман-Мамыр».– Пер.

⁴По-видимому, до Каспия.– Пер.

⁵Серьезное положение на восточной границе настоятельно требовало объединения сил трех жузов. На народном собрании военноначальников ополчения был избран хан Младшего жуза Абулхаир. Точная дата события не установлена. Можно лишь предполагать, что это произошло после 1728 г. К этому времени Абулхаир завоевал авторитет, как умелый военноначальник. История КазССР, т.33. с.22. Убит в 1748 г. султаном Среднего жуза Бараком.

Перед тем как разойтись, разделившись на три жуза, казахи поклялись, собравшись с силами, вновь объединиться, чтобы вернуть свои исконные земли, захваченные калмаками.

Казахи, оказавшиеся вблизи границ с русскими, дабы уберечь себя от калмаков, в 1731 г. решили присоединиться к России¹. Спустя некоторое время Абу-Мухаммед разослал гонцов, призывая казахов собраться и пойти на калмаков. В то время в Старшем жузе выдвинулся еще молодой, впоследствии знаменитый хан Аблай. Это повествуется следующим образом:

Выше было сказано, что один из претендентов на ханский престол – сын Салкам Жангира Уалибек ушел в Ургенч, к своему дяде Гаип-хану (Каип). Сын Уалибека бек Абылай прославился в (батырских) поединках своей беспощадностью, за что и получил прозвище Кровопийца. Сын его – Коркем Уали («Красавец Вали»), сын которого Абулмансур и есть Аблай, известный под этим именем среди казахов. Все три вышеупомянутых колена его² умерли при дворе хана Гаипа, так и не став ханами. В его же время потомки Гаипа лишились власти и мальчик-сирота Абулмансур в поисках родичей-казахов и отчего края – Сары-Арки попадает к уйсыну Толе-бию³. У Толе-бия он поначалу пасет верблюдов, затем лошадей и в конце концов настолько пришелся по нраву Толе-бию, что тот решил его усыновить. На вопрос, откуда он родом, говорит, не знаю; на вопрос, как тебя звать, отвечает – как назовете, так и будет. Тогда Толе-бий за обросший вид его и лохмотья на нем прозвал мальчика Сабалаком⁴.

¹8 сентября 1730 г. в Уфу прибыло посольство Абулхайра во главе с Сеиткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым, которые обратились с посланием к императрице Анне Иоанновне с просьбой о включении Младшего жуза в состав Российской империи. История КазССР, т.3... с.36.

²Т.е – Валиах, Абылай, Коркем Вали.– Пер.

³Знаменитый бий в Старшем жузе.– Пер.

⁴Сабалак (каз.) – лохматый, растрепа.– Пер.

Прослышиав о том, что хан Абульмамбет собирает казахов на битву с калмаками, (Сабалак) пришел к Толе-бию и попросил у него разрешения пойти на войну. Чем воевать, не лучше ли за лошадьми смотреть, сказал ему Толе-бий, на что тот сказал: «Лучше умереть, чем не быть под развеивающимся знаменем, когда земля прогибается под тяжестью воинов». После слов таких Толе-бию ничего не оставалось, как отпустить его. Придя на поле брани, (Сабалак) видит: казахи и калмаки стоят на холмах друг против друга, а посередине перед войсками один лишь сын (джунгарского) хунтайжи (воеводы), зять самого Галдан Церена батыр Чарыш казахских батыров на поединок вызывает. Абульмансур тогда приблизился к хану Абульмамбету, спросил его разрешения выйти на поединок. Получив благословение хана, он разогнал коня и, издав клич: «Аблай! Аблай!», налетел и сразил Чарыша. Одним махом отрубив ему голову, он с криком: «Враг сражен!» увлек за собой казахских воинов. Калмаки дрогнули, побежали и были рассеяны казахами. Устав от погони, Абульмамбет приказал разбить шатер и подозвав и усадив Абульмансура подле себя, спросил того: кто ты будешь, батыр, и почему клич твой был «Аблай»?

Тогда тот признался, что он внук Аблая Кровопийцы, потому и выбрал кличем его победоносное имя. Растроганный хан обнял батыра, расцеловал и так сказал народу: «Я слышал, что от Уалибека остался единственный наследник – и вот он перед вами. Если вы согласны, он по праву станет ханом всех казахов». Народ выразил согласие, и девяносто знатных людей из всех трех жузов отвели его к почитаемому всеми святому старцу шакшаку Жанбеку (Джанибек) из рода аргын. По его благословению Абульмансур был избран старшим ханом казахов. В память о поединке с Чарышем народ присвоил ему имя Аблай. Ханом всех казахов Аблай стал в 1735 году¹.

¹ В 1771 г. после смерти Абульмамбета в Туркестане в мечети Ходжа Ахмета Ясави «ханы и султаны купно» подняли на белой кошме нового хана Среднего жуза Аблая. История КазССР, т.3... с.81.

После этого знатные люди Среднего жуза обратились к Толе-бию со словами: прежде старшие ханы были все в Старшем жузе, а этого у себя сохраним. Если кто и бился больше всех с калмаками, то это мы, Средний жуз. Одарили его подарками и, получив благословение бия, увезли Абульмансура, хана Аблая, к себе.

В 1741г. хан калмаков Галдан Церен, будучи в Ташкенте, посыпает тридцатитысячное войско во главе с батыром Жалбы с приказом изловить Аблая и доставить живым, дабы он мог собственноручно казнить его в отместку за смерть батыра Чарыша. Поиски были столь тщательными, что горные тропы, подобные тем, которыми прошли (джунгары) через перевалы меж Чингисскими горами и Тарбагатаем, так и прозвали «жалбы»¹. Жалбы удается поймать уака Утеген-батыра, охотившегося в горах Улытау. Утеген отказывается сообщить о местонахождении Аблая, тогда его заковывают в кандалы и, продолжив поиски, вскоре находят хана Аблая и, спящего, захватывают в плен. Батыров доставили Галдан Церену. Утеген-батыра бросили в зиндан, а Аблая, усадив на ишака, поставили у городских ворот рядом со стражниками. Казахи Среднего жуза сообщили о пленении Аблая Абулхаиру, хану Младшего жуза, тот в свою очередь обратился к русскому генералу Неплюеву с просьбой во что бы то ни стало высвободить из плена хана Аблая. С этой миссией к Галдан Церену направляется майор Миллер. Со своей стороны казахи посыпают к калмакам самых знатных людей из трех жузов. Но им Галдан ответа не дает, хотя и привечает как почетных гостей. Но вот спустя время Галдан приглашает в орду² и русских, и казахов-посланцев, приводит Аблая и Утегена, последнего бросают в цепях у порога. Галдан обращается к Аблую со словами: «Я убью тебя заместо

¹Видимо, тайные тропы, где «ходят крадучись, озираясь» – Пер.

²Т.е. в ханскую ставку. – Пер.

Чарыша, такого же батыра, как ты. Скажи, чего бы ты желал?» Тогда Аблай сказал: «Таксыр¹, у меня всего три желания. Первое: я убил Чарыша в честном поединке на поле брани. Вы же меня захватили спящего и хотите казнить. Я мечтал бы умереть в битве казахов с калмаками. Второе: казахи народ кочевой, не оседлый. Найти им землю, научить жить оседло, тогда бы и умереть было б не жаль. Третье: в моем роду в каждом колене рождался лишь один мужчина. Если умру нынче, ни детей, ни родичей не оставлю, исчезну (с лица земли), будто вовсе на свет белый не являлся».

После этих слов Галдан опустил голову и долго сидел так в задумчивости. Затем обратился на своем языке к визирю: все, что он сказал, – все истина. В особенности последнее. Я ведь тоже единственный в пятом колене, случись что с моим сыном Амирсаной, и мой род прервется.

«Алдияр!»² – воскликнул Аблай и тотчас поднялся на ноги и сложил руки (перед грудью). «Отчего ты так называешь меня, разве я подарил тебе свободу?» – спросил его Галдан. «Таксыр, я понимаю ваш язык. Вы уподобили меня своему сыну, чем это не свобода».

Галдан остался доволен ответом Аблая и простили его. Он подружил Аблая с Амирсаной, одарил казахов и русских ценностями подарками и в качестве «кундебау» (по калмыцкому обычаю) отдал Аблаю из своего рода девушку-сироту. Кундебау означает «неразрывная дружба». А так как маленький братишко ее никак не хотел расстаться с сестрой и безутешно плакал, его тоже отдали Аблаю, с пожеланием, чтобы он относился к нему как к брату своему. Аблай дал ему имя – Махмуд. Казахи называли его по-своему – Мамбет. Сын его – Большеке – нынешний Мамбетай, покровителями его рода матеш считаются торе(чингизиды) Чингисхан, Самихан.

¹ Ваше Величество.– Пер.

² Алдияр – титулование, обращение к хану, выражение верного подданничества.– Пер.

Хана Аблая Галдан отпустил в 1743 г. Но прежде задал ему три вопроса. Когда на первый: много ли у вас овец, – Аблай ответил: много, Галдан сказал – значит пастух обманщик, овцы – воры. Не избавиться вам никогда от мелких распрай. Когда на второй вопрос, много ли у вас коров и лошадей, Аблай ответил – да, много, – Галдан сказал: коль народ твой, не приложив труда попивает молоко и кумыс, ест мясо, значит, дети растут неучами. Когда на третий вопрос, сеет ли хлеб твой народ, Аблай ответил – нет, тогда Галдан сказал: народ, отлученный от груди земной, не раз будет согнан и рассеян по земле, прежде чем обретет родину.

В 1754 г. после смерти Галдана среди калмаков начались междуусобные распри, этим воспользовались китайцы, напали и разорили калмаков. Аристов пишет, что это случилось из-за того, что не было единодушия между тибетцами и монголами (джунгарами). У казахов существует другая версия. Жена Галдана, мать Амирсаны, была дочерью китайского хана Ежена. За будущей супругой Галдан поехал не сам, а отправил в Китай знатных людей с подарками. Еженхан отпустил свою дочь зимой. В дороге их застал буран, который свирепствовал несколько дней. Измученные до смерти люди блуждали по степи, пока не встретились с казахским батыром Толекеем и его войском из Старшего жуза. Они гостят у него дня три и собираются в дорогу, но зима (в тот год) выдалась такая суровая, что, упросив Толекей-батыра, они остаются у него зимовать и лишь в начале лета трогаются в путь. Тогда и пошел слух, что девушка забеременела от Толекея и родила ему Амирсану. После смерти Галдана наследники престола¹, пустив в ход этот слух, заявляют, что Амирсаны (на самом деле) казах и не

¹Смерть Галдан-Церена (1745) повлекла за собой длительную междуусобную борьбу претендентов на ханский трон, которая в конечном счете способствовала распаду и гибели ойратского государства. У Галдан-Церена было три сына. Старшему сыну, Лама-Доржи в год смерти отца исполнилось 19 лет, среднему Цеван-Доржи-Аджа-Намжилу – 13,

может быть правителем калмаков. Большинство поддерживает их, и избирают ханом другого (претендента). Тогда Амирсана едет к своему деду Ежен-хану. Ежен-хан просит китайских правителей областей, граничащих с землей калмаков, помочь Амирсане воссесть на ханский престол, но вместо этого китайцы совершают нападение на калмаков и разоряют их. Амирсана, видя такое разорение своего народа, порывает с китайцами¹ и бежит к Аблай. Аблай, решив не ожидать прихода китайцев, выступает во главе 3-тысячного войска навстречу и возле реки Аякоз натыкается на бесчисленное войско китайцев. Он спрашивает, что они делают здесь, на что те говорят: (мы знаем), что Амирсана у тебя, если

младшему; Цевандаси, минуло только семь лет. Галдан-Церен завещал трон среднему сыну, который в 1746 г. был провозглашен ханом под именем Аджа-Хана. Но ханствовал недолго. В 1749 г. в результате заговора он был свергнут с престола и убит. Ханом Джунгарии стал Лама-Доржи, принявший титул Эр-дэни-Лама-Батур-хунтайджи, «сына, рожденного от подложницы, обойдя ближнего наследника – внука большого Черен-Дондука и Намджилова сына – Дубачу». Так появился новый претендент на ханский престол – Дебачи (Давааци), происхождение которого давало ему право на престолонаследие. Родовое владение Давааци находилось в Тарбагатае, как и владение другого ойратского найона – Амурсаны, с которым Давааци был в тесной связи и дружбе. Потерпев вначале поражение от Лама-Доржи, они в 1751 г. вынуждены были бежать к казахам, в Средний жуз, где нашли убежище у Аблая.– Златкин. История Джунгарского ханства... с.282.

Лама-доржи направил к Аблай-султану посла с требованием выдать бежавших. Аблай отклонил это требование, ссылаясь на обычай, запрещающий выдавать даже собак, бежавших от своих хозяев. 9 сентября 1752 г. Лама-Доржи приказал войску выступить «из крайних улусов и следовать на казахов». В ночь на 9 декабря гонцы сообщили, что бежавшие нойоны обнаружены.

Что же касается Амурсаны, то он не принадлежал к влиятельным слоям ойратов, хотя и происходил из аристократического рода «Даган тут хойт» («хойт белого знамени»). Предки Амурсаны в начале XVII в. покинули Джунгарию и до нач. XVIII в. жили на Волге. Его Дед в 1701 г. прибыл с Волги в Джунгарию и был там задержан. Отец Амурсаны, Йиен-хечуши, был женат на дочери Галдан-Церена, от брака с которой в 1722 г. и родился Амурсана.– Златкин. История... с.286.

¹Амурсана, обмануввшись в своих ожиданиях стать с помощью Цинов всеойратским ханом, в сентябре 1755 г. восстал против Цинской империи и начал вооруженную борьбу.– Златкин. История... с.294.

ты не выдашь нам его, нападем и истребим весь твой народ. Аблай, не зная как быть, дает им обещание в три дня разыскать беглеца и возвращается в ставку. Он говорит Амирсане, что никого не повстречал в пути, но тот, прознав правду, предлагает хану: ты сдай меня китайцам, но передай мои условия. Первое: пусть дадут тебе расписку о моей сдаче. На расписке этой вместо печати пусть поставят отпечатки пальцев девяносто китайцев. В печати могут отказать, а от проставления пальцев не смогут. Второе: я как-никак сын хана, к тому же родной внук Ежен-хана, пусть доставят меня к нему, не связывая по рукам и ногам. Аблай передал волю Амирсаны и отдал его китайцам. На третий день пути туманной ночью Амирсана бежит из-под стражи и вновь приходит к Аблаю, но Аблай не может долго держать его у себя и переправляет к русской императрице Екатерине II. Китайцы вторично приходят к хану Аблаю, но тот показывает им их же расписку, мол, я сдал его вам, и те вынуждены возвратиться с пустыми руками. Русская императрица посыпает Амирсану на родину, чтобы он подчинил калмаков русскому государству, сопроводив при этом отряд русских солдат. Но в дороге Амирсана неожиданно умирает от черной оспы, и русские войска возвращаются ни с чем.

В 1723 г., в год Великого бедствия, когда Средний жуз дошел до Ишима, Нуры, Сарысу, наш род Тобыкты¹ ушел в сторону Оренбурга в леса под Орском. Прослышав о том, что Младший жуз, продвинувшийся еще севернее их, принимает русское подданство, напуганные тобыктинцы вновь откочевывают, теперь уже к берегам рек Иргиз и Тургай. Родившиеся на той земле праотцы наши в четвертом колене – Иргизбай и Тургай – были названы по названиям рек. Оттуда они под предводительством батыра Мамая доходят до нынешних мест до Куген Орды и Догаланских гор. В то время и Средний жуз собирается подчиниться

¹Тобыкты аргын – род, из которого происходит автор.– Пер.

русскому царю. Узнав об этом, бий Караменде из рода Дадан Тобыкты обращается со стихами к бию Кенгирбаю:

В начале, покинув Сыр-Дарью, пришли на (р.) Орь,
Пришли с большим трудом, истощенные,
Но как говорят: «встала перед войском крепость»,
Пришли мы в эти края не на счастье, а на беду свою.
Передайте салем Кенгирбаю,— давайте уйдем отсюда,
Навьючим мощных наров-верблюдов, в путь снарядим,
Направимся к народу мусульманскому,
Перейдем вброд через реку с хорошим названием¹.

Когда тобыктинцы прибыли сюда, прежде нас прогнав калмаков, в этих местах, в отрогах Чингисских гор, кочевали найманы матайцы. Уаки (род Среднего жуза) были на берегу Иртыша. Матайцы, полагая, что тобыктинцы истощены дальними перекочевками, стали нападать и отбирать у них скот и прочее имущество. В свою очередь тобыктинцы, решив вернуть свои исконные пастваща, обрушились на матайцев, прогнали их и утвердились в отрогах Чингиса. Пока они были заняты борьбой с матайцами, уаки захватили пастваща на Кокане. Тогда бий Кенгирбай, собрав людей, прогнал уаков и стал аулом в mestечке Tas уйген («Каменная насыпь»). Уаки, не сумев вытеснить тобыктинцев с Кокана, призвали на помощь соседей – русских казаков и собирались напасть на аул Кенгирбая. Тогда Кенгирбай сообщает им, что послал гонца к именитым людям аргынского рода, чтобы собраться всем и решить миром, кому где кочевать, и тем предотвратил нападение. Ночью же, составив из камней фигуры в виде людей, откочевал. Наутро уаки, видя на холме толпу людей и решив, что тобыктинцы обманули их, а сами успели собрать войско, посылают разведчика. Узнав от него, что это всего лишь камни, уходят. Таким образом, тобыктинцы остались хозяевами в отрогах Чингисских гор.

¹Подстрочник. Подтекст: путь наш труден, но верен.– Пер.

По стариинным преданиям казахов, история этих мест такова. Когда-то Чингисхан, одолев всех татаро-монголов, был избран великим каганом, и именно здесь, у подножия Чингисских гор, подвластные ему беки – родоначальники посадили его на белую кошму¹ и, подняв над собой, подняли на гору, что стоит на востоке от р.Караул. От Старшего жуза там был знаменитый оратор уйсын Майкы-бий, про которого говорили «корень всех слов (отец красноречия) – Майкы-бий». От Среднего жуза – Сенгел-бий. Тогда и одарил их Чингисхан знаками отличия, назначив каждому свой клич, птицу, дерево и тамгу².

Настоящее имя Чингисхана – Темучин. Избранный каганом, он получил имя Чингис. Значение его: «высокий, могучий, великий»³. По имени его и названы были эти горы. Тогда же получили свои названия вершина Хан и река Хан. По словам Абулгази, прежнее название этих гор – Найман Кери⁴.

После распада (Джунгарского) ханства калмаков и его исчезновения бывшие беженцы – каракиргизы вернулись в Большой Алатау, казахи Старшего жуза вновь заняли свои земли от Западного Алатау до р.Каратал. Роды Среднего жуза – керей и найман –

¹ Казахского хана избирали почетные представители родов. Эти родоправители на большом сходе поднимали хана на белой кошме. Потом эту кошму или снятую с хана одежду разрезали на мелкие куски, и каждый брал по кусочку в знак своего участия в избрании хана. После этого они расходились по домам, захватив с собой весь ханский скот. Этот акт назывался «хан талау» (букв.:ограбление хана) и означал, что избранный хан теперь ничего своего не имеет и переходит как бы на содержание народа. Весь церемониал говорил о том, что богатство казахских ханов заключалось в скоте, а не в земельной собственности, «ограбление» хана символизировало военный характер его деятельности, что он лишь военный вождь – предводитель грабителей в кочевом обществе. Толыбеков. Кочевое общество... с. 353.

² Здесь у автора повтор сообщения. – Пер.

³ По версии Б.И. Панкратова, титул «чингис» происходит от персидского «джехангер» (джинг-гир – джингис), что означает «завоеватель мира». См.: В.И.Панкратов. Об этимологии титула «чингис» в кн.: Страны и народы Востока. Вып. XXVI. М., 1989. с. 180-189.

⁴ Возможно: Найман-Керей – по родовым именам племен, населявших эти края.– Пер.

пришли в Тарбагатай, затем проникли еще дальше на территорию Китая до озера Ебинур, а кереи вернулись на берег Иртыша.

В 1757 г. хан Аблай и сын Абульмамбета Абульфаиз-хан едут в Пекин, к китайскому императору, чтобы он принял их в свое подданство, и получают от него титул уана (vana). Ван – значит «вассальный князь». Правитель самостоятельный, но подотчетный Китаю. Сдаают (налог): из ста лошадей – одну, из тысячи овец – одну, с правом кочевания и зимой и летом на бывшей территории калмаков (Джунгарии).

В 1765 г. казахи заключили договор с русским царем и занимают левый берег Иртыша на десять километров от реки. За нарушение обозначенной границы должны платить штраф скотом¹.

В 1766г. хан Аблай и Абульфаиз-хан в поддержку казахов Старшего жуза решают прогнать ставленников кокандского хана – ташкентского бека, доходят с войском до Ташкента и захватывают его. В честь освобождения города от кокандцев устраивается той, на котором сопровождавший Аблая наш четвертый прадед Иргиз-бай вступает в схватку-состязание со знаменитым борцом из рода конраулы и побеждает его. Приз-награда – несколько пудов пшеницы – служит пищей для его войска.

В 1780 г. некий Юнус-ходжа побеждает людей Старшего жуза и занимает Ташкент. После смерти Юнус-ходжи в 1810 г. Ташкент вновь оказывается во владении кокандского хана.

Опираясь на поддержку русского царя, Аблай приступает к своему плану – сделать казахов оседлым

¹Даже с принятием указа 1764 г., который отменял любые исключения, отдельным феодалам разрешали перекочевку на запретные земли. Например, султану Абулфеизу позволили перейти Иртыш у Омской крепости в 1764 г., надеясь на его содействие в развитии караванной торговли. Феодалы могли пасти скот на левобережье Иртыша под прикрытием русских крепостей. История КазССР, т. 3. с.51.

народом, но в это время по мелочной причине аргын Бекболат-бий выказывает неуважение хану Аблаю, и оскорбленный хан уходит в Старший жуз. Казахи объясняют эту причину так:

... на тое сын бая стегнул камчой по голове мальчика, не зная, что он внук самого Аблая. Когда от удара с мальчика слетела шапка, то по узорной тюбетейке узнали ханского отпрыска. Бекболат-бий принес извинения мальчику, но не сообщил Аблаю. Аблай узнал об этом сам и послал человека к Бекболату, требуя выдачи байбатши (сына бая) – обидчика, сказав при этом: «Если ухана не будет авторитета, то у черни стыда не останется».

Бекболат посыает хану своего сына Тленши со словами: «Пусть выбирает – либо возьмет меня, либо мальчика». Хан Аблай в гневе спросил у Тленши: «Или я для Бекболата не стою какого-то паршивого казачонка?», на что тот ответил-де: «Верблюд сам по себе верблюд, но кто назовет верблюдом его помет?», что еще больше разозлило хана: «Он смеет сравнивать меня с верблюдом, а моего ребенка с пометом!» Захватив Тленши (в качестве заложника), Аблай переезжает в Старший жуз. Бекболат следует за ним. Аблай спрашивает его: ты зачем приехал? Тот говорит: за сыном. Тогда Аблай говорит: «А я-то подумал – за мной, за своим ханом. Ты задумал унизить ханское достоинство, нарушить единство народа. Забирай сына и уходи немедля!» Так хан Аблай остался в Старшем жузе и там умер¹. Когда хан Аблай покинул нас, установить точно не удалось. Думается, что произошло это около 1788 г.

После ухода Аблая в Среднем жузе ханом стал «сорокачисленный Барак»². У него был сын Бокейхан.

¹Аблай скончался в Ташкенте в мае 1781 г. на 69-м году жизни, оставив после себя тридцать сыновей. История КазССР, т.3...

²Так у автора. После смерти Аблая ханом Среднего жуза был избран его старший сын Вали.– Там же. Вали-хан – дед известного казахского ученого Чокана Валиханова.– Пер.

Это не тот Букеихан, что был в Младшем жузе¹. С этим Букеиханом переписывался полководец русского царя Александра Павловича (генерал) Глазнов в 1811 г. Последним ханом Среднего жуза был хан Турсын. Сын Чингиса, внук Букеихана, он правил в Каркаралы. А упразднение ханства, назначение нового правления ага-султанов, старшин было введено еще до Турсынхана – в 1822 году².

Начинается прямое подчинение казахов русским. В 1824 г. в степи образуются отдельные округа³, после этого первые пять лет казахи были свободны от налогов, затем стали платить из ста голов одну, затем больше и т.д. Наконец, с объявлением указа 1868 г., окончательно потеряли свою свободу и подчинились русским законам⁴.

¹Букеин, сын Нурады, – султан Младшего жуза, основатель Внутреннего или Букеевского ханства в 1801 г. Официально возведен в ханы Букеевской орды в 1812 г. Умер в 1815 (или 1817 г.). Там же, с. 138–139. Сын Букея – Джангири, вступивший на ханский престол в 1824 г., правил более 20 лет, умер в 1845. – Там же, с. 139, 142.

²Проводя политику сосредоточения всей полноты власти в руках Российской администрации, царизм в 1822 г. упразднил хансскую власть в Среднем жузе, в 1824 г. – в Младшем жузе. В проекте «Устава об оренбургских киргизах» 1822 г. предлагалось назначить в каждую из трех частей жуза самостоятельного хана. Одним из ханов предполагался султан Арынгазы Абулгазиев, стремившийся к реставрации ханской власти. В 1821 г. султан Арынгазы был вызван в Петербург. Он поехал туда в надежде добиться утверждения себя ханом, но был в дороге задержан и сослан в Калугу, где и умер в 1833 г. Это решение было продиктовано желанием избавиться от влиятельного хана, а затем отменить хансскую власть. – История КазССР, т.3... с.168.

³Имеется в виду «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. По «Уставу», «Область сибирских киргизов» разделялась на внешние и внутренние округа. Во внешние округа вошли казахи, кочевавшие за Иртышом. округа разделялись на волости и аулы. В округ должно было входить от 15 до 20 волостей, в волость – от 10 до 12 аулов, в аул – от 50 до 70 кибиток. Образование округов, тесно связанных с органами пограничного управления, должно было содействовать гражданской и военной колонизации Восточного Казахстана, закрепить казахские кочевые аулы на определенной территории, организовать политико-административное управление, что создало бы условия для завершения присоединения Казахстана к России. – Там же, с.157–158.

⁴Реформой 1867–1868 гг. («Временные положения») были учреждены военно-судебные комиссии и уездные суды, действовавшие на Основании

Казахи всегда были кочевым народом – жили на коне, в седле. Главные правила их выражались в народных поговорках: «чем быть городом, лучше быть могилой», «кто переступит арык (т.е. начнет копать), тот умрет от голода». Они ненавидели оседлую городскую жизнь. «Пища мужчины в степи, на воле», говорили они, находя довольствие в занятиях барымтой (угон лошадей), жили, не зная постоянства, просто, по-казахски.

общесимперских законов. Коренное население края привлекалось к судебной ответственности по общим уголовным законам империи. История КазССР, т.3... с.229. Вся полнота военной и гражданской власти сосредоточивалась в руках генерал-губернатора. – Там же... с.227.

СТАРШИЙ ЖУЗ

Всю обширную территорию от реки Каратал, что впадает в Балхаш или, иначе, Море-озеро, до Сыр-Дары и Чирчика занимают роды канлы (канглы) и дулат. Дулаты ведут свой род от чуйских племен. Дальние предки их – кара-киргизы. Они пришли в западный Алатау за 150 лет до Р.Х. На земли юго-западнее дулатов пришли племена канлы, в том числе одна из ветвей – шанышкылы. Самый многочисленный род в Старшем жузе – дулаты. В него входят роды – ботбай, шымыр, сикым, жаныс, албан, суан. Из албанов: кызыл борик, коныр борик, айтбозим, сегиз сары, курман, алжан, кыстык. В верховьях р.Или на севере живет род древних уйсынов – сары уйсын. В него входят роды: куттымбет, жанай, жолай, талай, жандосай, кулеке, кырык. Другой многочисленный род в Старшем жузе после дулага – жалаир. В него входят роды: андас, мырза, карашапан, оракты, акбайым, калпе, сыпатай, арык тыным, сиырши, байшегир, балгалы, кайшылы, кушик. Род кушик, возможно, потомки нашего Калкамана, потому как есть мнение, что они не жалаирцы. Жалаир в древние времена был род могучий и знатный. Объединив многие племена тюрков, они образовали целое государство. Роды Старшего жуза – шапырашты, ести (ысты) – жили вокруг Алма-Аты. Роды сыргели и ошакты – ближе к Сыр-Дарье. Эти четыре рода из тайбы канлы. Кроме того в Старшем жузе есть род конырат (конрат). Раньше он был в Среднем жузе, но из-за распри перекочевал в Старший. По сведениям Абулгази Бахадур-хана, они происходят от Конырата, сына Жорлык-мергена – потомка Кияна, сына монгольского хана Ельхана.

МЛАДШИЙ ЖУЗ

По мнению Аристова, Младший жуз – это отколовшиеся от Среднего жуза алшынские роды. Левшин тоже утверждает, что основную часть Младшего жуза составляют алшыны. (Гораздо позже) к ним присоединил племена, называемые жетыру, знаменитый хан Тауке.

В наше время Младший жуз составляют три главных рода – алимулы, байулы, жетыру. Алимулы составляют шесть родов – карасакал, каракесек, торт кара, шомекей, шекты, кытай. В байулы двенадцать родов – адай жаппас, алаша, байбакты, маскар, бериш, таздар, есентемир, серкеш, тана, кызыл курт, шейхтар. Жетыру составляют семь родов – табын, тама, кердери, керейт, жагалбайлы, тилем, рамадан. Известно, что некоторые из них составляют аргынский род в Среднем жузе. Кроме того, в Младшем жузе есть род токал-аргын¹ – потомки родов Среднего жуза – саржетим и шакшак. Но в выше-названных почти нет схожих с названиями родов Среднего жуза. Если это и так, предполагаю, что шекты и шакшак – одно и то же. Но шакшак – аргынский род, может, потому его и не включили в Младший жуз? В 1801 г. хан Букей с частью людей из Младшего жуза переправился на противоположный берег Урала (Яика) и образовал Букеевское ханство, которое составили кытаи из рода алимулы, бериши, серкешы, адаи, жаппасы, маскары, есыки, естемиры, байбакты, алаша, тана, кызылкурты, таздары из рода байулы и роды – тама табын, кердери и торе (тире), т.е. потомки ханской династии – ветви жетыру, всего шестнадцать родов. В том числе – ходжи, ногайцы, толенгиты. Ногайцы прежде были в подчинении торгаутов, когда же те ушли, они остались на месте (т.е. те самые ногай).

¹Токал – младшая жена (каз.)

У казахов Младшего жуза сохранилось предание, что при неком хане Алаше было принято: новорожденного с признаками болезни алапес (проказа) отвозили далеко в степь и там оставляли. Когда же у хана самого родился ребенок прокаженный, то он также отвез в степь свою жену с ребенком и оставил ее там со свитой (прислугой) из сорока девушек. От них, мол, и пошли потомки киргизов (киргиз – кырк кыз¹) – алшыны. Это неверно. Алшыны известны были еще в древности. Китайцы их называли фома. Они из тех же корней, что и енисейские кыргызы. Возможно, даже их прямые потомки.

СРЕДНИЙ ЖУЗ

В 20-х годах XIII в. на древней киргизской земле, т.е. Сары-Арке, в восточной и южной части ее кочевали роды – аргын, найман, керей. Гораздо позже, уже при хане Тауке, когда территорию эту захватили калмаки (джунгары), казахи откочевали и перемешались друг с другом. А в самый год Великого бедствия – 1723 (когда «изранив ступни, вокруг озера без сил лежали») и вовсе стало не разобрать, кто откуда родом. Когда же кереи и найманы вернулись и даже проникли на китайскую территорию, произошло третье смешение родов.

В настоящее время казахи Среднего жуза населяют Лепсы-Капальские уезды. А также проживают в Семиреченской, Семипалатинской и Акмолинской областях. Часть их в Сырдарыинской и Тургайской областях. А также в Китае – роды кызай, байжигит. Большинство кереев проживает на восточной окраине русского Алтая.

Теперь я перейду к описанию каждого рода Среднего жуза.

¹Кырк кыз (турк.) – сорок девушек.

Канлы

Канлы (канглы) – означает «арба», т.е. те, кто пользуется арбой. Прежнее название «енли» – выходцы из ветви уйгур, они были сильным и знатным родом. Османские турки в Стамбуле тоже потомки канлы. Род этот до сих пор встречается также среди других тюркских народов. Есть он и в Среднем жузе казахов. О дальнейших коленах этого рода мне ничего неизвестно.

Кыпчаки

Они отделились от канлы и ушли на свободные, безлюдные земли, и потому этот род прозвали кипчаками. Значение этого слова – «дикая, пустынная, безлюдная степь». Задолго до нашествия Чингисхана на берегах Етиля и Жаика¹ они образовали свое государство, которое было разгромлено войсками Джучи-хана, сына Чингиса. Страну их называли Дешти-Кипчаком. Арабские летописцы Амир-ад-дин и Ибн Халдун среди кипчакских родов различали племена: токсаба, сате, безжоргалы, анжугали, торткара, барулы, жузнен, караберикты, котан, берли, хангули. В Среднем жузе немного кипчакских колен, но мне неизвестно, кто есть кто. Кипчаки стали столь малочисленны потому, что смешались со многими другими племенами. Многие стали ногайцами и озбеками.

Коныраты

Род конырат (конрат) поначалу был в Старшем жузе. Потом перешел в Средний жуз. По словам Рашид-ад-дина и Абулгази, конраты из династии Огуз-хана, из его тайфы дурлеген – потомки Жорлык-мергена, его

¹Волги и Яика (Урала) – Пер.

сына Конырата. По Радлову и древним казахским преданиям, предками коныратов являются Кок и Коктенши. По Левшину, их роды: байлар, жаншар, оразкельды, кулыгаш, бошман, токболат, жаманбай, каракосе, сансыз, корпеш.

По моему мнению, род жетим – потомки Саржетима, сына Суюндыка из рода токал-аргын. Потому как из рода саржетим-шакшак шакшак есть в Младшем жузе, а саржетим не упомянут ни в одном из жузов.

По сообщению китайского историка Юан Шау Миша («Юань-чаомиши» – «Секретная история монголов»), в Древние времена онкурты, т.е. коныраты обитали в низовьях р.Калки, там, где она впадает в озеро Байюр. Многие из рода конырат также присоединились к озбекам и стали называться озбеками.

Кара-киргизы

В Среднем жузе есть киргизские роды. Их немного. Это – (бывшие) пленники. Киргизы очень древний народ. Слово кыргыз – означает то же, что и казах, – «блуждающий, вольный (кочующий сам по себе, дикий)». Известно, что еще в третьем столетии до Р.Х. кыргызы кочевали в землях меж хребтов Тянну-Ола и Алатау. Во времена Чингисхана ханом киргизов был Арысайнал. Айнал – титул хана у киргизов. Имя Арыс. Чингисхан направил к нему послы Бари (Турамыша) с требованием подчиниться, на что хан киргизов принял условия его и отправил ему белого сокола вместе с другими ценностями подарками. По сведениям Абулгази, (прапородитель) Кыргыз был одним из внуков Огуз-хана. Киргизы – потомки его. В настоящее время основная масса киргизов проживает на своей древней земле – от перевала Сынтас (у западных отрогов Алатау) до горных вершин Памира. Они делятся на правых и левых (по склонам Алатау) киргизов. Их роды: бугы,

сарбагаш, солты, шериек, багыш, саяк. Эти шесть колен – потомки некого Сагая. И еще три – Едигене, Мункиш, Ишкилик – ветвь Едигене. Последние два рода – наши кипчаки, аргыны и найманы, ставшие киргизами. И хотя мы позже стали называться казахами, на самом деле мы также родом из кыргызов.

Керей

О происхождении (этнического имени) «керей» существует несколько разноречивых мнений. Летописцы Рашид-ад-дин, Абулгази, Наджип Гасымбек утверждают, что керей означает «черный» («кара»). У одного уйгура все восемь сыновей были черными (черноволосыми), и их прозвали по-монгольски керейт, т.е. черными. Профессор Березин считает, что керей – ветвь манчжурского племени кари. Аристов предполагает, что свое этническое название керей получили по притоку р. Оде, что на севере Саянских гор. Приток тот так и называется – Керей. Я отдаю предпочтение первой версии, т.е. тому, что керей от слова «кара» («черный»).

Керей нашего Среднего жуза являются потомками сыновей Ашамайлы-керея – Сыбана (Сиван) и Караби (Кара бий), а также потомками батыра Абака, который женился на дочери Караби и остался жить на его попечении. Предки Абака – сары уйсуни. Его род получил название «Двенадцатиколенные абак-кереи». Это роды – жантеке, жадик, жастабан, шубарайгыр, шоруши, ители, итемген, молкы, меркит, сарбас, каракас, кенсадак. Последних – кенсадак – Аристов именует шимойын. Мне думается, это вернее.

Род керей известен практически среди всех тюркских народов. При Чингисхане кереями правил Он-хан. Настоящее имя Тогрул. Когда Чингисхан завоевал его ханство, он бежал, но был пойман. Найманские беки – Сомаджи и Танеке – отрубили ему

голову и доставили к хану найманов Тан-хану, тот сказал-де: «зачем было убивать старика, надо было доставить живым», затем приказал оправить череп серебром и украсил оным свой трон (таг).

Итак, кереи Среднего жуза – это потомки сыновей Ашамайлы (Сыбана и Караби), а также батыра сары уйсуга – Абака.

Найманы

О происхождении наименования «найман» также имеется несколько версий. «Найман» в переводе с монгольского «восемь», т.е. «восемь родов», считает профессор Березин. Аристов утверждает, что Найман – один из притоков р.Катон, по названию которого и был назван народ, обитавший на его берегах.

В древности найманы были многочисленным племенем. В правление Чингисхана найманы составляли два ханства, которыми правили братья – Тан и Бойырик. Когда Чингисхан напал на них и убил братьев, часть найманов бежала на запад и, вливвшись в состав монголов (монголов?), стала называться монгольскими найманами. Родовое название найман встречается в (родо-племенном) составе всех тюркских народов мира.

Найман Среднего жуза, по древним сведениям казахов, – потомки так называемого Софы-мирзы. Когда его убил брат Баба-мырза, сын Софы-мирзы Окиреш (от младшей жены) перекочевал к казахам. Это подтверждается сообщением Абулгази, который пишет, что Софы-мирза решил убить отца Абулгази-хана Араб-Мухаммеда и посадить на его место ханом некоего Хосрова, привезенного им же из Самарканда, тоже из ханской династии. Араб-Мухаммед, прознав о замысле его, убивает Хосрова, а самого Софы-мирзу отдает брату его Баба-мирзе, который служил при хане визирём. Тогда Баба-мирза, заявив-де: «враг моего хана

больше мне не брат», убивает Софы-мирзу. Что касается более близких предков найманов Среднего жуза, то писавшие о них историки – Спасский, Аристов, Маевский – допускают в своих изысканиях ряд неточностей. По нашим сведениям, прародителем найманов Среднего жуза является Софы-мирза. От него – Окиреш. У Окиреша было три сына – Домбаул, Сугирши, Саржомарт. Потомки Домбаула ставили тамгу (тавро) на лошадей с другой стороны (бока), потому и прозвали их – терстамбалы. Сын Сугирши – Китай. От него Толегетай. От Толегетая четверо – Каракерей, Матай, Садыр, Торгул. От Каракеря Байторе. От Байторе Байс и приемный сын Акнайман. От Ерторе Байсиык и усыновленный Карамулла. От старшей жены Байыса Мамбеткул, Сыбанкул, Ахмедкул, Сары. Мамбеткул с детства был капризным, обидчивым и потому его прозвали Киржи¹. Сыбанкул назывался Сыбаном, Ахмедкул – Акимбетом. От младшей жени Байыса – Тома и Токмак, а также усыновленные младшей женой – Болатши и Байгана. К тому же дочь Байыса Макта Абай вышла замуж за сарта (озбека) и родила от него двух сыновей – Ерджигита и Байджигита. Ерджигит уходит с отцом-сартом в Туркестан, Байджигит остается здесь. Имя жены вышеупомянутого Сары – Мурын, и потому потомки Сары зовутся Мурын. У Байсеика было четыре сына – Жанголы, Менлибай, Тобет, Акбельбел. Эти четверо и с ними вместе потомки усыновленного Карамоллы – назывались сегизнайман, т.е. восемь найманов.

У вышеназванного Матая было трое сыновей – Аталык, Кенже, Каптагай. Имя жены Аталыка было Кызай. Все потомки их зовутся ее именем – Кызай. У Саржомарта от старшей жены – Карагай, от младшей четверо – Бидалы, Жансары, Баржаксы, Шайгоз. Эти четверо ушли к нагаши (деду со стороны матери) к

¹От слова «кыржию» (каз.) – корчить рожи.– Пер.

уакам и стали прозываться иргенекты уаками. Потомки Саржомарта имели тамгу «иргенек» и называли себя сами иргенекты найманами. В народе же их почему-то считают уаками. Кроме того, у Саржомарта были приемный сын – Бура, двое сыновей – Балты и Баганалы – от пришедшей с матерью рабыни и еще раб Кокжарлы.

Уаки

Этот род в древних летописях не упоминается. Впервые встречается со временем Аблай-хана. Русские историки полагают, что уаки вышли из рода керей, потому как известно, что, когда русские войска впервые столкнулись с кереями, с ними вместе были уаки. К тому же родовая тамга их – схожа с кереевской¹. Некто Балхашин сообщает, что пра-прадеда уаков звали Еркокше. Он – сын Айдархана, а тот, в свою очередь, потомок Камбар-хана. Это, похоже, всего лишь легенда. Левшин и Балхашин утверждают также, что одно из ответвлений рода уак – Сарыбагис. Это якобы потомки пленных кара-киргизов, привезенные Аблай-ханом после набегов на них во второй половине XVIII в. Мне же думается, что слово «уак» происходит от слова «усак», означающее «мелкий», т.е. малый народец. Они гораздо малочисленней аргынов, найманов, кереев. Все, что мы знаем о них: предки уаков – Сарман и Шога. От Сармана было двое – Карагоз и Кокчекоз. У Шоги – пятеро: Сарбаян (Сарбагыш), Сарша, Беймбет, Мурат, Сргели.

Еще одно сообщение: по словам Аристова, среди озбеков Мавераннахра известны три найманских рода – Садырбек, Костамгалы, Уактамгалы. Они называют себя казахами из рода конырат, в свою очередь отделились от найманов. Род Уактамгалы, по всей видимости, и есть уаки.

¹Другой вариант .

Толенгиты

Дальными предками толенгитов (туленгут), по словам русских историков, являются алтайские горные калмыки, что обитали на озере Толет (Тулет). Казахи же говорят, что толенгиты – рабы прародителя аргынов в Среднем жузе – Даирходжи. Если это на самом деле так, то выходит, что они – пленные калмаки времен битв казахов с калмаками. Судя по словам Абулгази, под словом толенгит подразумевают ойрат-калмаков, а также ханских толенгитов. Последние не настоящие толенгиты, а свита его – нукеры.

Таракты

Так называется род в Среднем жузе. Кто их предки, никто толком не знает. Есть слух, что Таракты – старший брат Аргына. Если это так, то, судя по их тамге – **П** (тарак – гребень), они отделились от аргынов и составили отдельную ветвь их. Двенадцать колен составляют этот род. От байбише (старшей жены) – Али, Сары, Кыдыр, Жашы. От младшей жены – Елеуке, Когедай, Апай, Токтаул. И от самой младшей – Богеш, Булдырык, Атей, Косанак.

Аргыны

О происхождении названия (этнонима) «аргин» русские историки пишут по-разному. Среди них (имеется в виду – из сведений на русском языке.– пер.) заслуживает внимания наименование «улуг Ергин» из орхонеенисской надписи. В древние времена это племя Улуг Ергин кочевало восточнее моголов (монголов? – пер.). Китайцы называли их байегу. Как уже говорилось, в китайской транскрипции отсутствует «р» в середине слова и опускается последняя согласная. Если восстановить эти утраченные в китайском написании буквы, то мы получим «бай

аргын». «Бай аргын» и «улуг ергин» – суть одно и то же, означающее «великий аргын» (м.б. «великий богатырь-муж (ер, ар) среди гуннов?» – пер.). Если это так, то можно прийти к выводу, что аргыны – потомки тюрков, которых китайцы называли хо-хо, по-нашему уйгр из тайфы канлы, по-нашему арбалы (те, кто с арбой-повозкой), по-китайски гау-гу. Выходит, мы из тайфы бай йергын.

В летописях более позднего времени аргыны узнаваемы в наименовании аргынот. Так называется род, входивший в состав улусов Джучи и Чагатая – сыновей Чингисхана.

Во времена Амир Тимура (Тамерлана) доподлинно известно, что аргыны также под именем аргынот кочуют между Чингисских гор и Тарбагатаем. По поводу того, почему наименование аргын именно в таком виде не упоминается в летописях времен Чингисхана, русские историки объясняют по-разному, но большинство все же склоняется к мнению, что аргыны сдались Чингисхану без боя. Мне же думается, что в то время аргыны подчинялись найманскому хану. Потому как, по словам Аристова, во времена правления первого каракитайского хана Амбы упоминаются байиергины, а найманов нет вовсе. К тому же Аристов добавляет, что прежде были сильными байиергины, т.е. аргыны, а во времена Чингисхана сильнее были найманы, которые составляли не одно даже, а два соседних ханства. К тому же, указывая на племена, входившие в улус Чагатая, он говорит, что аргыны с найманами кочуют на берегах рек – Емель, Карагал и Нуры. Из этих слов ясно, что одно время могущественней были аргыны, и найманы были у них в подчинении, другое время, наоборот, найманы стали сильнее и подчинили себе аргынов.

По моему мнению, аргыны Среднего жуза являются потомками ойрат Аргын аги, как называет его в своей «Родословной» хан Абулгази. И вот почему: когда

великим каганом (монголов – пер.) становится младший сын Чингисхана Толы, он посыпает в Хорасан человека из тайфы ойрат по имени Аргын-ага, назначив его тамошним наместником. По мусульманскому летоисчислению это происходит в 440 г., или по русскому календарю – в 1262 году. Спустя десять лет умирает Аргын-ага, тогда на место его сын Толы – Мункэ-каган посыпает брата своего Хулагу, по-казахски Алеке-хана, тем самым подтверждая, что Аргын-ага был из племени ойрат. Ранее, когда монголы, победив уйгуров и татар, согнали их с насиженных мест, то некоторые из них, что остались, были прозваны ойрат-калмаками, и скорей всего, что наши аргыны – потомки байергынов или иначе улуг аргынов – упоминаемых именно в числе этих «оставшихся» калмаков. Возможно, что русские историки, делая выписки из «Родословной» Абулгази, не обратили внимания на это слово.

Если аргыны (аргынот), известные среди тюркских народов мира, могут быть потомками вообще древних аргынов, то аргыны нашего Среднего жуза – потомки именно этого Аргын-аги. К тому же имя его точно соответствует имени казахского первопредка аргынов. И мой дед, покойный Кунанбай-хаджи, тоже упоминал хана по имени Аргын-ага.

Аргынские роды Среднего жуза

Потомок Аргын-аги – Кодан. Его сын – Даирходжа (Акжол). От старшей его жены – Карабоджа. От младшей – Суюндик. От Суюндика – Саржетим и Шакшак. Их потомки – в Младшем жузе. Называются токал-аргыны (аргыны от младшей жены.– пер.). От старшей жены Карабоджи – Мейрам. От его младшей жены Момын – Карасофы, Кенжесофы, Баесеинтийн. От старшей жены Мейрама – Куандык, Суюндик, Бегндиқ, Шегндиқ. От младшей – Болат. От Куандыка

четверо сыновей – Алтай, Карпык, Темиш, Баруши. У Суюндика трое своих сыновей – Жанболды, Колболды, Орманшы. И усыновленный – Каржас. Потомки этих четверых назывались тортаул (четыре аула). Сын Бегндика – Козган, сын Шегндика – Каксал. От Болата – Майхы и Бошан и два приемных сына – Жалыкпас, Камбар. Потомки этих четырех – зовутся каракесеками. У вышеназванного Карасофы, что родился от младшей жены Каражоджи, было два сына – Атыгай и Карайл. У Басеинтийна было три сына – Айтей, Байымбет, Жанай. У Кенжесофы было два сына – Канжыгалы и Тобыкты. Эти семеро в народе получили прозвище по имени своей бабушки Жеты Момын («Семеро от Момын»). Не в силах произнести правильно Тофикты назвали по-казахски Тобыкты. От него Ерсетек и Даулетек. Даулетеку как-то на большом тое случилось сторожить казаны с толстой палкой в руке. За это его прозвали Жуан Таяк («Толстая палка»). Отсюда и получили свое наименование его потомки – Жуантаяки. Трое сыновей было у него – Байгара, Байшора, Жиеншора. Последний был человеком образованным, за что хотели прозвать его Хафизом, но опять же из-за трудного произношения стали звать Абызом. От Байгара – Архар и Бокен. От Байшоры – Шагыр-буғы. От него – Кудайкул, Кожагул, Андагул. У Андагула от жены-кипчачки – Батбанак. Его сын – Карабатыр. От вышеупомянутого Абыза (Жиеншоры) – Абдал, Жумық, Абле, Шаршак. От Абдала – Ескене. От Жумыка – Нарымбет и Жиенбет. У Ескене было три сына – Таниркулы, Жумас, Бектас. От Нарымбета – Отегул, Бердибай, Отебай. От Отегула – Толебай, Корпе. От Жиенбета – Кульсары, Токсан. От Толебая пятеро – Кожагельды, Кара, Кожамбет, Жангожа, Айтхожа. От Кульсары – Кудайсугир, Берсугир. От Токсана – Каныбек и Тогузак.

От старшего сына вышеупомянутого Тобыкты Ерсетека – Мусабай, Кокше, Дадан. От дочери Мусабая,

отданной замуж за уйсуна, – Кулык. И еще Даuletек, которого прозвали Жуантаяком, – младший сын Тобыкты – вот эти пятеро зовутся Бес жан Мусабай (пятеро мусабаевых). От Кокше – Топыш и Томан. У Топыша двое – Башы, Шобан. У Томана – Каракошек, Балтай. От Шобана шестеро – Надир, Берет, Алим, Жасыбай, Карабакан, Турабай.

От Дадана – Есенбакты, Даuletбакты, Аксак. У Есенбака двое – Манас и Танас. У Манаса трое – Базаркул, Кенжебарак, Токал. У Даuletбакты – Айбеске, Калдау. Все они зовутся Дадан Тобыкты. Род их составляют две волости в Каркаралинском уезде. Остальные Тобыкты – в Семипалатинском уезде, составляют пять волостей.

От вышеупомянутого бия Мусабая – Толенкожа, Суйырбас. Этого Толенкожу кто-то из аргынов прозвал Жаман Тобыкты («Плохим Тобыкты»), и все потомки его носили это имя жамантобыктинцев. От Толенкожи – Баянай, Шегир. От Баянай – Еспентай и Елебай. Сын Еспентая – Токебай. Сын Елебая – Могал. От Могала – Жокен. У него было четыре сына – Таз, Нурке, Бирке, Ожар. У вышеназванного Шегира сын Байбол, от дочери, отданной в кипчакский род, внук Жузбейнет. От Байбала Боранши. От него Есболат, Альмембет, Айгана, Абыл и приемный сын Касым. Есболат усыновил Кайыпберды. От него Кошкар, Сенгир, Богей, Текзан. От Альмембета – Кадир, Топек. От Айганы – Игилик, Ораз.

У вышеупомянутого Мусабая еще от одного его сына Суирбаса трое – Али, Сары, Кожаберген. От Али – Орыс, Каржау. У Сары от старшей жены – Мамбетай, Умбетай, от Конырбике, дочери Турсын-хана, Мамбетсофы, Кишик. В народе его звали Кошек. От Кожабергена – Бекпембет, Жапал. От Мамбетая – Таниберды, Тасболат, Байгазы. У Таниберды от старшей жены – Базар, Сагындык. От другой – Шакар. От младшей – Коспай, Толек.

От Мамбетсофы – Боранай, Кабас. От Бораная – Жумагул, Кожан. От Жумагула шестеро – Мамай, Мырза, Баян, Боген, Ырысбай, Манай. Вот этот самый батыр Мамай и привел род тобыкты из орских лесов к подножию Чингисских гор.

От вышеназванного Кишика от старшей жены – Санмурат, Беимбет. От младшей – Анет, Айтек. Этот Анет и есть тот самый Анет-баба, прозванный так за участие в составлении знаменитого свода законов – Жеты Жарга («семь установлений»), один из семи биев (составителей), который в девяносто семь лет из-за немощи своей был оставлен на горе Карагатау, когда казахи в год Великого бедствия («Актабаншубырынды») оставили берега Сыр-Дарьи. От Санмурата – Байгара, Кулгара, Агыбай. От Байгары – Конысбай, Кенбай, Аршабай. Сын Кулгары Жанбай. Сын Атыгая Бугыбай, от него – Байтобет, Сокырша. Сын вышеупомянутого Беимбета Танатар. От него трое – Сак, Тогалак, Сакулык. У Сака было пятеро сыновей – Алимбет, Жолымбет, Есенгельды, Жаркын, Сазан, а также рожденный от дочери его внук керей – Шекы. У Тогалака было семь сыновей – Есен, Аман, Енсе, Балта, Тойте, Койгельды, Тайсоймас и два приемных сына – Серкебай, Усен. От Усена – Болатбай.

У вышеназванного Анет-бабы пятеро сыновей от старшей жены, все погибли в сражении с калмаками. О тех, кто остался там кроме них, у меня сведений нет. Сюда же были доставлены в бесиках (колыбельных люльках) дети Байболата, одного из тех пяти от первой жены, – Балуан и Бакай. От Балуана потомков нет. От Бакая трое – Курманбай, Жарылган, Токкожа. От Курманбая – Байимбет, от него Толакбай. От Жарылгапа – Шангыrbай, Сасыкбай. От Сасыкбая – Отынши, Керейбай. От Шангыrbая – Карабас, Жортабай. От Токкожи: Кобеген. Сын его Дүйсенбай ныне жив. Остальные все живут в Белагаше. От одной из жен Анет-бабы был сын Жаубасар, от него – Отегул,

Ман. От Отегула – Журынбай, Токбан, Сыдык. От Мана – Акбай, Тяж. От младшей жены Анет-бабы – Есболат, Шака. От Есболата – Байгел, Шабан. Шака имел трех сыновей – Айтуара, Тауке, Бостана.

У вышеназванного Айтека от старшей жены – Олжабай, от младшей – Байторе, Калкаман. Калкаман этот похитил дочь Манбетая Мамыр, бежал с ней, но был пойман и приговорен к казни «ок байлау». Отделавшись ранением в бедро, Калкаман в обиде на Анет-бабу откочевал в области Бухары. По слухам, род его продолжился (потомки его поныне живут там). Брат его Байторе, известный под именем Бакен, оставил потомство, которое нынче насчитывает около ста юрт. От Байторе – Шоткара, Досак, Отеген, Байдаulet. От Шоткары – Байсары, Мангыт, Байше и внуки от дочерей – Татибай, Даназай. Приемный сын – Жамбы. От Досака – Татиш, Сандык. От Отегена – Кунтуган, Сары и внук от дочери Байгутты. У Байдаулета было двое сыновей – Бактыбай, Тойгулы и приемные – Мурасыл, Есенбек.

От вышеупомянутого Олжая – Айдос, Кайдос, Жигите. От Кайдоса – Бокенши, Борсак. От Бокенши – Байгобек, Жанкобек, Жанкабыл, Жанак, Томарбай, Куандык. От Борсака – Егизбай, Сегизбай, Жазыбай, Казыбай, Алма. От старшей жены Жигитека – Кенгирбай, Сенгирбай. Бий Кенгирбай известен в народе как Кабекен. От младшей жены Жигитека – Тулкибай, Карсакбай, Кузенбай, Жолымбет. От вышеназванного Айдоса – Иргизбай, Торгай, Топай, Котибак. От старшей жены Торгая – Жабагы, Кульгиншак. Еще от одной жены – Менлибай, от другой – Серик. Приемные – Куттыгул, Самелтер. От Топая – Буркит, Жанболат, Бекболат, Бектас, Жантас, Бабен, Тасболат. Тасболата еще звали Ташен. Он же – Куат. У Котибака от одной из жен – Атей, Кодас, от другой – Шагирбай, Ауек, Урпек. Еще от одной – Боранбай. От младшей – Токсанбай, Сексенбай, Алпысбай и внук от дочери Куат.

Вышеупомянутый Иргизбай – наш прадед в четвертом колене – был близким сподвижником хана Аблая. У него было четверо сыновей – Оскенбай, Осер, Мырзатай, Жортар. Оскенбай был избран бием после бия Кенгирбая. От его старшей жены наш дед – покойный Кунанбай-хаджи был единственным сыном. От старшей жены Кунанбая – мой покойный отец Кудайберды также был единственным сыном. Он умер в 1886 году в год барса в месяце апреле тридцати семи лет от роду, и я остался пятилетним сиротой.

По традиции, завещанной ханом Абулгази, автором «Родословной тюрок», следовало бы подробней остановиться на своей родовой династии, но так как я не нахожу за собой поступков, достойных похвалы, хотел бы немного рассказать о жизни нашего великого деда покойного Кунанбая-хаджи.

Покойный хаджи родился в темной (неграмотной) среде. Научившись мало-мальски читать, он тайком от отца (моего) Оскенбая брал присланные ему письма из разных уголков степного края, сличал их и так, занимаясь самообразованием, научился читать книги на тюркском языке. Позже им были наняты ногайские (татарские) муллы, открыта школа, в которой казахские дети обучались грамоте. Школа стояла на месте нынешнего осеннего двора в Ескитаме.

Навещавшие покойного хаджу обязательно читали намаз, даже если прежде не читали его. Когда один мулла заявил, что насыбай – это харам¹ («нечисть»), хаджи строго запретил употреблять нюхательный табак, грозя нарушителям запрета влить в ноздри купорос. Это он ввел в обычай среди казахов, прежде никогда не дававших закята, совершать этот акт милосердия². Это благодаря его стараниям была

¹Харам – в исламе «запрещенное действие и наказуемое». См.:А.Массэ. Ислам. Очерк истории. М, 1982, с.91.

²Узаконенная милостыня. Она основана на общей арабам и евреям идее: блага этого мира нечисты, приобретать их и пользоваться ими дозволено только при условии очищения частичным возвратом их Богу.

построена нынешняя мечеть в Каркаралинске. Местные казахи были против того, чтобы службу в этой мечети вели ногайские муллы (из татар), утверждая, раз эта мечеть казахская, пусть будут и муллы из казахов. Говорят, сейчас там муллой некий малограмотный казах. Если уж действительно проявлять свою волю казахам, то лучше бы уж научили своих детей грамоте, дали бы им знание, а тогда бы и имамом посадили (вот это было бы другое дело). Дети того первого муллы-татарина Хасана, посаженного хаджи (Кунанбаев), живы по сей день. Покойный хаджи избирался ага-султаном¹ и даже помещиком был. Но при этом он не преследовал богатство и славу, он хотел быть полезным народу своему, – угрозами ли, ласкою ли научить казахов добродетели, следовать законам шариата². В 1873 г. он совершил Хадж (паломничество) в Мекку и там для паломников-казахов купил гостиный дом и принес в нем жертвоприношение. В настоящее время хозяином этого дома является бек Султан из Младшего жуза, по слухам, образованный человек. Покойный хаджи оставил хранителем дома Канатбая-софы. После его кончины старуха-вдова жила там с внучкой от дочери. Султан стал хозяином дома после женитьбы на этой внучке. Когда ваш покорный слуга в 1905–1906 годах оказался в Мекке, он видел этот дом собственными глазами. В нем к тому времени уже устроились паломники казахи, и, не желая их обидеть, нанял

Слово «закят», которым обозначают такую милостыню, первоначально означало «очищение». «Никогда не достигнете вы благочестия, пока не будете расходовать то, что любите» (цитата из Корана.– Пер.). «Разумеется, не следует творить милостыню из лицемерия перед людьми». Массэ. Ислам... с.99.

¹Ага-султан (старший султан) – правитель степного округа.– Пер. Старший султан избирался только султанами. Он имел чин майора российской службы и считался чиновником, поставленным во главе местного правления. За десятилетнюю службу старший султан получал дворянское звание. История КазССР, т.3... с.159.

²Шариат – мусульманское право.– Пер.

другую квартиру. Тогда же Султан сообщил, что дом этот записан на имя Досжана-хаджи из Младшего жуза, а по какому поводу, он сам не знает. Надо было сходить к шерифу (мэру города), поднять регистрационные книги, дабы узнать, как случилось, что через тридцать один год дом оказался записанным на чужое имя, но перед самым намеченным (для посещения) днем я, к сожалению, по воле божьей, сильно занемог. Едва поправился, как узнал, что проводник некий Ибрагим Малуани собирается в Хафиллу, той же ночью отправился с ним. Между тем как-то покойный хаджи говорил сам, что хотя покупщиком дома был он, основную долю денежных средств внесли хаджи-паломники из Младшего жуза. Может, по этой причине, а может, хаджи (Кунанбай) сам переписал дом на имя Досжана, — мне неизвестно. После хаджи (Кунанбая) паломничество в Мекку совершил покойный Акберды, сын Якупа, и там умер. К счастью, я нашел его могилу и прочитал над ней заупокойную молитву. Вряд ли смог бы я рассказать в этой книге о всех действиях хаджи (Кунанбая) в защиту ислама и его распространения. Их вполне достаточно, чтобы во всех трех казахских жузах знали его светлое имя. Но с горечью думаю, что нынешнее поколение вряд ли помнит его.

Когда хаджи (Кунанбай) почил, Оскенбай бий в годовщину памяти усопшего устроил большой той в Kokшетау, приглашены были знатные люди из всех трех казахских жузов. Казахи Старшего жуза, приехавшие на этот той из самого Ташкента и Бухары, привезли в дар памяти хаджи несколько сирот, т.е. рабов. Хаджи умер в августе 1885 года в возрасте восьмидесяти одного года (в год курицы).

Сам я, рано осиротев, остался на попечении и воспитании деда-хаджи, он слишком жалел меня как сироту, потому как аул наш летовал и зимовал отдельно, и часто попускал мне, в результате чего я проводил

дни в баловстве и поздно обратился к знанию. Но тем не менее узнал тюркскую грамоту, русское письмо. Затем моим учителем стал рожденный от другой жены Кунанбая – Ибрагим-мырза, известный в народе как Абай. Он был одаренный богом известный знаток мусульманских и русских наук, человек редкого ума и таланта. С юношеского возраста я учился у него, читал рукописи и книги, написанные им и другими писателями, слушал его наставления, озарился светом науки. Жаль, что Ибрагим-мырза жил лишь среди казахов и потому о нем мало знают в ученом мире. А иначе в его лице свет узнал бы великого философа, мыслителя. Жил среди темного народа и умер в горьком одиночестве. Умер в возрасте 60 лет в июне 1904 года. Пусть будет благословляем дух его самим Аллахом!

После него моим наставником и учителем был редактор газеты «Таржиман» Исмагул Гаспринский. Знакомясь с материалами газеты, я извлек немало пользы в них для себя. Да будет милостив Аллах к нему в его другой жизни! Аминь!

ДИНАСТИИ ХАНОВ

РОДОСЛОВНАЯ ХАНОВ

В начале этой книги было уже рассказано о предках тюрков от Адама-пророка до двух сыновей хана Аланши – Татара и Могола. Теперь о последующих поколениях ханов я буду говорить словами Абулгази Бахадурхана. И хотя сведения о ханских династиях до времени Чингисхана выглядят не всегда убедительными, думается, что среди всех мусульманских летописей «Родословная» Абулгази, является наиболее достоверным источником. В этом убеждает тот факт, что Абулгази, (прежде чем написать ее) ознакомился с семнадцатью летописями династийных хроник, сопоставил их и лишь после тщательного отбора составил из полученных сведений свою родословную.

У Татар-хана был сын Буга-хан. От него Атлы-хан. У Наджипа Гасымбека он зовется Илсаны. От него Атсыз-хан. У Наджипа Гасымбека он зовется Афсур. Сын Афсура Орда. От него – Байду. От него – Суюниш-хан. До его правления татары и моголы жили мирно. При нем стали враждовать друг с другом, совершать набеги.

У Могол-хана было четыре сына: Кара-хан, Оз-хан, Коз-хан, Кор-хан¹. После Могол-хана престол его занял Кара-хан. Кара-хан летовал в горах Улытау, Кишитау, зимовал в Каракоруме², на Сыр-Дарье.

У Кара-хана родился сын Огуз-хан. При Аланши-хане народ его не знал веры. Огуз-хан сам был мусульманином и остальных стал обращать в мусульманскую веру. Прослышав, об этом, Кара-хан рассорился с

¹ В «Родословной туркмен» Абу-л-Гази имена сыновей Могол-хана: Кара-хан, Гур-хан, Кыр-хан, Ур-хан. Указ. соч. с. 186.

² Абу-л-Гази: «зимовал в устье реки Сыр, в Кара-кумах и в Бурсуке». Там же.

сыном и начал войну. Во время сражения в Кара-хана попала стрела и он умер, на место его сел ханом Огуз-хан. Как сообщают мусульманские летописи, это случилось за 3400 лет до Р.Х. Огуз-хан этот был могущественным ханом, он сумел завоевать многие земли и страны. Об Огуз-хане как хане именитом сообщают все летописные хроники. Некоторые из них утверждают, что вышеупомянутый хан Модэ или Моте и есть знаменитый Огуз-хан, но годы правления того и другого не совпадают.

Есть сведения, что народ, называемый тогуз Огузами («девять огузов».– Пер.) или иначе тогуз уйгурями – потомки его (Огуз-хана). Шесть сыновей было у Огуз-хана. Это – Ай-хан, Кун-хан, Жулдыз-хан, Тау-хан, Кок-хан, Тениз-хан¹. У каждого из них от старших жен было по четыре сына. От старшей жены Кун-хана – Кали, Баят, Алкойлы, Каройлы; от Ай-хана – Языр, Бабыр, Додорга, Докири; от Жулдыз-хана – Ушар, Карнак, Менли, Каркын; от Кок-хана – Байындыр, Алаюнталы, Уркер, Жауылдыр, Бежене, Жебене; от Тау-хана – Салур, Амир; от Тениз-хана – Елхан, Негиз, Ая, Канык. От младших жен²: Кене, Коне, Турпатты, Керейли, Султанлы, Оклы, Кокли, Сужели, Арасанлы, Бортеши, Жамши, Турымши, Ками, Сорхи, Куршак, Карапык, Сурашык, Кагурт, Тикен, Лала, Мурде, Шой, Кыргыз, Сайыр³.

¹Имена сыновей Огуз-хана являются по сути дела космогоническими и составляют вместе картину сотворения мира: Ай – Луна, Кун – Солнце, Жулдыз – Звезда, Тау – Гора (Твердь), Кок – Небо (букв.: «синь»), Тениз – Море (Океан, Вода).– Пер.

²У Абу-л-Гази вместо «старших жен» употребляется: «законных» жен, «младшие» же называются «наложницами».– Пер.

³В «Родословной туркмен» имена сыновей Огуз-хана от законных жен и наложниц даются в следующей транскрипции:

Кайы, Байат, Алка-ойли, Кара-ойли, Йазыр, Йасыр, Дудурга, Дукер, Авшар, Кызык, Бекдели, Каркын, Байындар, Бечене, Чавултур, Чепни, Салор, Имир, Ала-йонтлы, Урегир, Игдыр, Букдуз, Ава, Кынык.

Кене, Коне, Турбатлы, Гирейли, Султаны, Оклы, Кокли, Сучлы, Хорасанлы, Иуртчы, Джамчи, Турумчи, Кумы, Соркы (Сорхы), Курджык, Сураджык, Караджык, Казыкурт, Кыргыз, Тикин, Лала, Мурдашуй, Сайыр. Указ. соч. ... с.50–51.

После смерти Огуз-хана ханом стал Кун-хан, затем Ай-хан. Затем Жулдыз-хан. Затем его сын – Менли-хан. Затем Тенгиз-хан. Затем сын его – Елхан. При Елхане была война с татарским ханом Суюнишем, последний одержал победу, разгромил ханство монголов и стер их имя с лица земли. Сын Елхана Киян и младший брат его Негиз, захваченные (татарами) в плен, бежали и с остатками людей и скота укрылись в долине Ерганахун, окружённой неприступными горами. Название долины Ерганахун (Ергенекун) переводится «в окружении скал». Происхождение этого названия объясняется тем, что попасть в эту долину можно было лишь по той единственной дороге, которой они пришли туда, да и та была опасной, крутой и узкой, сорвавшийся с неё скот разбивался насмерть.

Лишь спустя четыреста пятьдесят лет народ этот, умножившись и стеснившись в той долине, решил покинуть её, но прежде им пришлось раскалить огнем камни, и, только повалив гору, смогли они выйти из той долины. Старую же дорогу, которой они когда-то пришли, давно размыло водой, и со временем она пришла в негодность. День, когда народ выбрался из той долины, монголы называют днем освобождения (от пут) и отмечают как большой праздник. Имена их предков, проживавших в той долине, никто не знает. Но когда они вышли из долины Ерганахун, ханом их был потомок Кияна – Борте чэнэ¹. Совершив нападение на татар, победили их и возвратили себе землю отцов. И тогда все те, кто не был монголами, присоединились к ним и тоже стали называться монголами (монголами?)².

¹Бортэ чино-а. См. сноска 3 на с.238 перевода.– Пер.

²См. сноска 3 на с.259 перевода. Возможно, автор всюду употребляет имя «монголы», подразумевая монголов, но иногда может совпадать с настоящими монголами. По этому поводу есть замечание Бартольда: «Название монгол или «монгол» (так в Средней Азии всегда произносилось слово «монгол» и так до сих пор называют себя авганские монголы) дольше всего удержалось в Средней Азии, где преобладание в государстве, после некоторых колебаний, осталось за потомками

После Бортэ чэнэ ханом стал сын его Коймарал. От него – Бежен-Киян. От него – Боке-Бандун. От него – Сымсауши. От него – Калимажы. От него – Темиртас. От него – Менлигожа. От него – Жулдыз. У него было два сына. Имена их неизвестны. Они умерли в молодости, от одного остался сын, от другого – девочка. Сына звали Дауын-Баян¹, девочку – Алангу. Жулдыз-хан женил Дауын-Баяна на Алангу, и после смерти Жулдыз-хана ханом становится Дауын-Баян. (В детстве своем я слышал сказку в стихах о Дауын-Баяне. В сказке той отцом Дауын-Баяна был Алтын-хан). После смерти Дауын-Баяна, так как сыновья его – Белгетай и Бекшетай были малолетними, править элем его стала ханша Алангу. Алангу без мужа забеременела, когда же люди спросили ее, как это произошло, она ответила им, что (как-то) ночью с неба спустился луч и, обернувшись человеком, проник в меня; хотела спросить его, кто он такой, но язык не повиновался мне и тело стало не подвластно. И я забеременела от него. Если не верите, то покараульте, и сами все увидите. Люди послушались ее и, удостоверившись собственными глазами, поверили ей.

Версия эта, конечно же, звучит неубедительно, но как бы там ни было, Алангу родила якобы от того луча трех сыновей. Имена их: Букын-кангын, Боскын-жалшы, Боданжар-Монах². Все считали: они

второго сына Чингиз-хана, Чагатая. После распадения чагатайского государства на две части, западную и восточную, название «Чагатай» осталось за западной частью, где преобладал турецкий элемент... За кочевым населением восточной части осталось название монгол, за страной – название Моголистан... Названия «могол» или «Моголистан» продолжали употребляться и тогда, когда в этой стране уже не было следов монгольского языка, и исчезли только после падения монгольской династии в конце XVII века». (Примечание в «Родословной туркмен» Абу-л-Гази. Указ. соч... с.82).

¹Даян Баян. См. сноску 1 на с.237 перевода.– Пер.

²В «Алтан тобчи» («Золотое сказание») Лубсан Данзана имена сыновей даются в следующей транскрипции: Буху Хатаги, Бухучи Салджи и Боданчар Мунгхаг. См. сноску 2 на с.237 перевода. Здесь же автор явно хочет приблизить их к казахскому прочтению, тем самым

сыновья (небесного) луча, значит, благородного происхождения, и избрали одного из них – Боданжара – ханом. Это похоже на китайцев, которые своих императоров до настоящего времени называли сынами Неба.

После Боданжара ханом стал Бука-хан. От него – Дотоменен-хан. У него было восемь сыновей. Семеро из них погибли в схватках с джалайрами. В живых остался сын Кайдо-хан. У него было трое сыновей – Байсункар, Жыргалыкум, Жаушын. От Жыргалыкума – Моркадока чэнэ, Кенду чэнэ, Оликчин чэнэ. От Моркадока чэнэ – Мамекей. От него – Кыдантайчи. От него – Арал. От него – Баргытай Кырылдак. Тот самый Баргытай, что захватил часть земли тайжутов (тайчиутов? – Пер.) и сражался с войсками Чингисхана. После смерти Кайдо-хана ханом стал сын его Байсункар. После него ханом был сын его Тумен. У него было девять сыновей: Нотакын, Шаксы, Кажул, Кабул, Сымкажун, Баткелекей, Одыrbаян, Болжардоглан, Шынтай. У Нотакына было двое сыновей – Аурот и Мангыт. Едиге, что служил нукером у Тохтамыша, был из этого рода мангыт. Он был сыном некого Кутты Кабаби. Среди вышеупомянутых девяти сыновей Тумена Кажул и Кабул были близнецами. Кабул – прадед Чингисхана. Кажул – прадед Амир Темира (Тамерлан). Сын Кажула Ермеши был из рода барлас. Вождь племени Киш, обитавшего на берегу р.Кореген подле Самарканда, Тарагай был сыном Барласа.

В этом месте я хотел бы остановиться на родословной Амир Темира. Он сын вышеназванного Тарагай барласа¹. Родился в 1335 году, был правителем города

этимологизируя их: канги – «бродяга», жалши – «гривастый и русское – монах. Возможно, автор прав, усматривая во вторых именах прозвища, но как они звучали и что означали на самом деле, могут сказать лишь специалисты – Пер.

¹В середине XIVв. в Мавераннахре на политическую арену выступает сын барласского бека Тимур. Тимур родился в 1336 г. в селении Ходжа Иглар около города Кеш. Его отец Тарагай был одним из знатных

Киш (Кеш). В 1368 г. окончательно утвердился величим ханом¹. Вначале он объединился (с правителем Балха) эмиром Хусейном, убил (Ильяс-Ходжу) сына чингизида Туглук-Темира (хана Моголистана), затем, убив самого эмира Хусейна, захватил Балх. Пленив Малика Гиясдинда, взял Хорасан, затем Сезуар, Нишапур. Подчинив сарбадаранского Кожалы Мохида, в 1383 г. покорил Кандагар, Мазнадеран, в 1384 г. прогнал Жалаира султана Ахмеда из Азербайджана, захватил Тебриз, Нахжуан (Нахичевань? – Пер.), Карс, Тифлис, отнял Ширазское ханство у потомков Музафар-хана и отдал во власть шаху Яхие, затем направился в Дашти-Кипчак, разбил (войска) Тохтамыш-хана и вторгся во внутренние пределы Сибири, завоевал южную половину России, совершил в 1399 г. (грабительские) набеги на Индию, захватил Дели и Хинд, занял в 1400 г. Суайс, Халеб, Шам, напал на Багдад, победил и захватил в плен в 1401 г. знаменитого стамбульского (турецкого) хана Елдирим Баязета, затем отпустил его с миром, двинулся с 200-тысячным войском на Китай, но в пути умер в Отрапре в 1404 г. в возрасте семидесяти одного года². Он правил 36 лет. Мать его была дочерью из рода Чингисхана. После захвата столицы Индии (города) Дели он

представителей монгольского племени барласов, которое в начале XIV в. обосновалось в долине Кашкадары. В Систапе во время одной из своих военных авантюр был ранен в правую руку и правую ногу и до конца жизни остался хромым. Отсюда его прозвище «Тимури-ланг» (Тамерлан – хромой Тимур). Гафуров. Таджики. с.476–477.

¹В 1370 г. он произвел в Самарканде переворот, в результате которого эмир Хусейн был убит, а Тимур стал эмиром всего Мавераннахра. Не будучи потомком Чингиз-хана, Тимур не принял титула хана. Он объявил себя эмиром с прибавлением слова «Гурган» (т.е. «зять»), так как женился на вдове эмира Хусейна – дочери чингизида Казан-хана.– Там же... с.481.

²В результате многочисленных походов и завоеваний Тимуру удалось образовать огромную империю, в которую входили не только Мавераннахр, Хорезм, прикаспийские области, территория современного Афганистана, но и Иран, часть Индии, Ирак, частично Южный Кавказ и ряд стран Западной Азии.– Там же... с.482.

уничтожил несколько тысяч пленных в одном месте. В Исфагане он приказал построить дом из семидесяти тысяч черепов¹. Всюду оставлял за собой кровавые следы, ни разу не дрогнул перед врагом и не знал горечи пораженья. Но (как ни странно) любил ученых и где бы ни повстречал ученого человека или полезную книгу – всех и вся свозил в Самарканд.

У Амир Тимура было четверо сыновей. Старшего звали Жахангер Гиясдин. От него – Пир-Мухаммед, Султан-Мухаммед. Сын Пир-Мухаммеда Киду. Сын Султан-Мухаммеда – Садвакас. Второго сына Амир Тимура звали Магазаддин Омар-шайх. От него – Бирмухаммед, Рустем, Байкара, Мирахмед, Ескендир (Искандер). От Байкары – Мансур-мырза. От него – Хусайн Байкара. У него было четырнадцать сыновей: Буадигулзаман, Шахгарип, Музафар, Абумухсин, Мухамедхасан, Абутирап, Мухамедхусайн, Хайдар, Мухамедмаксум, Фаруххусайн, Ибрахимхусайн, Абенхусайн, Мухамедкасым. Третьего сына Амир Темира звали Имраншах Жаладин. От него – Султанахмед, Султанмахмуд, Омаршайх. Сын этого шейха знаменитый Бабур-шах. Другое имя его Захридден (Захир ад-Дин). В двенадцать лет от роду стал ханом, одиннадцать лет воевал с озбеками. В 1494 году, в тот год, когда он сел ханом, (Бабур) завоевал Индию, Афганистан и (сразу же) стал правителем великого государства². В 1531 году в возрасте 49 лет он умер в Шахарбагде. У Бабур-шаха было четверо сыновей: Мухамед Хумайын (Хумаюн), Камиран-мырза, Аскери-мырза, Хандал-мырза. После

¹Захватнические походы Тимура сопровождались страшными зверствами. В 1387 г. при взятии Исфагана он приказал своим воинам обезглавить 70 тысяч мирного населения и возвести пирамиды из их голов. В Индии в 1398 г. по его приказу было умерщвлено 100 тысяч пленных.– Там же, с.483.

²В 1504 г. Бабур обосновался в Кабуле. В 1526 г. в битве при Панипате он нанес поражение войскам делийского султана Ибрахим-хана Лоди, сверг его и основал новое государство, получившее название державы Великих Моголов.– История народов... с.341.

Бабура ханом стал Мухамед Хумайын, затем сын его – Акбар¹. Потомки Бабура правили вплоть до 1807 года. Затем страной правил Надир-шах, в конце концов Индию завоевали англичане, и династия потомков Амир Темира на том закончилась. От четвертого сына Амир Темира Шахруха Магаяндина – Улыбек (Улугбек), Ибрахим, Байсункар, Сургатмаш, Мухамед Жокей-мырза. От Улугбека – Габдоллатиф, Абдолазиз. От Ибрахима – Абдолла. От Байсункара – Султанахмед, Бабр, Алаидолла. От Султанахмеда – Ядкармухамед. От Бабра – Шахмухамед.

Наследники Амир Тимура, главным образом, убивали друг друга (в борьбе за власть), один из них завоевал земли туркмена Караюсифа и Шайбак-хана. После того как Шайбак-хан был убит шахом Исмаилом², Бабур-шах выступил было против озбеков, но уступил в сражении Убейд-хану (Убейдаллах-султан, племянник Шейбанихана.– Пер.) и стал правителем Индии. Потомки Бабура долгое время управляли этой страной.

Вышеупомянутый Кабул, брат-близнец Кажула, прадед Амир Темира, стал ханом после Тумен-хана. У него было шестеро сыновей – Бартан, Баргак, Котокто, Кыдан, Кубылай, Будан Кият. После Кабула ханом стал Бартан. У него было четверо сыновей – Есекей (Есугей) батыр, Мунтай, Бокен-тайжи, Дарытай. После Бартана ханом стал Есекей батыр. У него было пятеро сыновей – Темучин, Жоши, Касар,

¹С именем его сына Акбара (1556–1605) связан расцвет Могольской державы. Империя продолжала усиливаться при его потомках Джахангире (1605–1627) и Шах Джахане (1627–1658). При Аурангзебе (1605–1658) границы империи еще более расширились. К середине XVIIIв. империя, по существу, распалась.– История народов... с.341.

²Исмаил I – персидский шах из династии Сефевидов. Главной опорой Сефевидов стали тюркские кочевые племена, жившие на территории иранского Азербайджана. Их по-азербайджански называли «кызылбашами» – «красноголовыми», так как воины-кочевники носили на голове чалму с 12 пурпурными полосами в честь 12 шиитских имамов. Гафуров. Таджики... с. 526.

Кажун, Белгуни. После Есекей батыра ханом стал Темучин. Позже его прозвали Чингисханом. Потомков пятерых сыновей Есекей батыра моголы (монголы) зовут – Буыршин Киятами, что означает «красный, багровый, быстрый, стремительный, ловкий». По слухам, глаза у того (небесного) человека-луча, что приходил к Алангу, были багрово-синими. И у всех потомков его были глаза такого же цвета.

РОДОСЛОВНАЯ ЧИНГИС-ХАНА

Чингис-хан родился в 1154 г., в год курицы, в Моголистане, в местечке Белон Илдык¹. Когда он родился, повивальная бабка, что принимала роды, увидела, что у мальчика ручонка сжата в кулак, когда же она разжала его, то в кулаке оказался комочек крови. Прослышавшие об этом старейшины предсказали ему судьбу – быть ему великим ханом, что покорит многие народы и прольет немало крови. Впоследствии пророчества эти сбылись. Если рассказать о всех войнах Чингисхана и его делах, получилась бы не одна такая книга. От Китая до арабов – почти все народы Азии покорил он, присоединив к ним и страны восточной Европы. В 1203 г. он провозглашается великим каганом, т.е. ханом над всеми ханами². Возвращаясь из захваченной им Персии, он по пути захватывает с собой из Бухары ученых мулл и

¹Когда Йисугэй-багатур прибыл после нападения на татар, во главе, которых были татарские Томучин и Хорибуга, то Огалэн-уджин была беременна. Во время пребывания в Долигун-Болдаге на Ононе в год черной лошади, в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган.– Лубсан Данзан. Алтан тобчи... с. 65.

Говорят, что когда он родился, то в правой руке он сжимал сгусток черной запекшейся крови, похожий на бабку (альчик). Когда праздновали рождение ребенка, то привели татарского Томучин-угэ, потому-то согласно обычай и нарекли его Томучином, да еще потому, что качали его в железной колыбели (Существовал обычай называть ребенка по имени покоренного врага).– Лубсан Данзан. Алтан. тобчи... с. 66,314.

²В 1206 г. на великом хурулате в верховьях онона Тэмучин был возведен на престол Великого хана Монголии с титулом Чингисхан.– История народов... с. 265

интересуется у них религиозным правом, во многом соглашается с его положениями, но когда узнает о доме Бога, о паломничестве (хадже) к нему, он возражает им, утверждая, что домом Бога является весь мир (вся вселенная), и, одарив ученых мулл подарками, отпускает их на родину.

У Чингис-хана было четыре сына: Жоши (Джучи), Шагатай (Чагатай), Огетай (Угэдэй), Толы (Толуй). Еще при жизни Чингис-хан разделил всю завоеванную территорию между сыновьями и поставил над всеми каганом Огетая. Кыргызы, казахи, сарты, ногаи, все татары оказались в улусе Жоши и Шагатая.

Старший сын Жоши – Орда, известный также под именем Ежена, по моим предположениям, – перво-предок всех калмыцких ханов. О потомках его я ничего не знаю. Но одного из сыновей Ежена звали Толо. От него – Аяши. От него Газан-хан.

Второго сына Жоши звали Бату (Батый). Другое имя – Сайн. В 1227 г. при жизни Чингис-хана ханом на место Жоши избирается Бату. Подчинение им народа русского произошло в 1243 г. У Бату было четыре сына – Монке-Темир (Мунке-Тимур), Сыыртаяк, Улыкши, Топан. От Топана – Туда-Монке. От Монке-Темира – Тугрул. От него Озбек (Узбек)-хан. Он сам стал мусульманином и весь эль свой обратил в ислам, отчего улус его прозвали озбекским. Сын его Джанибек тоже был славным ханом. Сын его Бердибек, став ханом, желая сохранить престол за своими наследниками, стал убивать всех родных и близких, но в конце концов спустя два года умер сам. Таким образом, ветвь хана Бату на нем прервалась. Отсюда поговорка в народе: «шея нара¹ пресеклась на Бердибеке»².

¹Нар – крупный самец-верблюд. В устной народной поэзии – образ мощи, величия, оплота. В быту – холощеный верблюд для перевозки самых тяжелых грузов во время перекочевки.– Пер.

²Бердибеком кончилась прямая линия детей Сайн-хановых. Ныне между узбеками есть пословица: «В Бердибеке сссечен ствол гранатового дерева». – Абуль-Гази. Родословная древа тюрков. Пер. Г.С.Саблукова. Казань, 1906, с.154–156.

Третий сын Жошы – Бурге-оглан. Из чингизидов он первым принял ислам. И стал называться Береке-ханом (Бэркэ). Но народ, подчиненный ему, не знал веры, и вплоть до хана Озбека мусульманство не привилось. Бурге-хан умер в 1266 г.

Четвертый сын Жошы – Тока-Темир (Тукай-Тимур). Это в его подчинении были казахи, он же – дальний предок нашего Абульмансура-Аблай-хана. У Тока-Темира было четверо сыновей – Монке-Темир, Туда-Монке, Уран-Темир, Оз-Темир. От Монке-Темира – Токтагу. От Оз-Темира – Хожа, Сарыша, Абай. Сын Хожи – Бадакул. От него Арыс-хан. От него – Темирмалиқ, Куйыршық-хан. От Темирмалика – Бекболат, Темиркутты, Шадыбек. От Темиркутты – Болат-хан, Темирхан. Темир-хан известен также под именем Улуг-Мухаммеда. Казахи его называли Орманбет-ханом. Потомки Бекболата, Шадыбека и Темиркутты – ногайские ханы. Сын вышеназванного Куйыршық-хана Барак-хан. От него – Даруиш и Абу-Сагид. Впоследствии прозванный Аз-Жанибеком. Это он, захватив с собой всех казахов, увел их в Кашгар и подчинил Чагатайской династии. У него было девять сыновей – Еренши, Махмуд, Касым-хан, Айтек, Жаныс, Камбар, Татиш, Осек, Жадик. Сын его Касым-хан (как уже было сказано выше – пер.) прославился среди казахов своими мирными договорами, которые прозвали «Столбовой дорогой Касыма». Сын Касыма – Сигай-хан. От него Тауекел-хан и Ондан. От Ондана – Кайнаркишик. От него – Бокей. От него – Кудайменде. От него – Турсын. От него киши (младший) Барак. В народе звали его «сорокачисленный» Барак. Он был ханом казахов после Аблая. Сыновья Барака – Сыгай, Дайыр, Канбаба, Бокей-хан, Маман, Канхожа. У Бокей-хана было девять сыновей – Чингис, Есим, Уали, Тауке, Батыр, Султангазы, Коксал, Абильмамбет. Одного из сыновей Батыра звали Мырзатай. Одного из сыновей Мырзатая

звали Нурмухаммед. Сын Нурмухаммеда – известный Алихан Бокейханов.

Один из сыновей вышеупомянутого Сыгай-хана – Тауекел-хан. От него – Ешим-хан. «Высокорослый Ер-Есим» – звали его казахи. Это он убил Турсын-Мухаммед-хана и разгромил (народ) катаганов. У него было два сына – Султанбет и Жангир-хан. Сын Султанбета – Орыс-хан. От него – Татен. От него – Канхожа. От него – Арынгазы. Вышеупомянутого Жангир-хана казахи называли Салкам Жангир. Один из его сыновей – Аз-Тауке родился от жены-калмачки (монголки.– Пер.), другой – Уалибек – от дочери Гаип-хана. Когда после Салкам Жангира ханом стал Аз-Тауке, обиженный Уалибек уходит в Ургенч к Гаип-хану, своему деду по материнской линии. «На горе Культобе (проводить) каждый день совет» – наказ этот, ставший поговоркой, остался со времен правления хана Тауке, ибо это он собирал казахских старейшин на совет, где обсуждались планы на будущее, составлялись общие для всех правила (а также маршруты кочевок и места стоянок.– Пер.). У Тауке-хана было двое сыновей – Абулхаир и Болат. От Болат-хана – Самеке и Абульмамбет. В годы Великого бедствия («Актабан-шубырынды») в Среднем жузе ханом был Самеке, в Старшем – Абульмамбет. В Младшем жузе – Абулхаир. Сын Самеке – Кудайменде. От него – Коныркульджя. Абульмамбет уступил свое большое ханство Абульмансуру-Аблаю. От него – Болат и Абульфеиз. Сын Болата – Сатемир. От него – Кудайменде. От него Аким торе. Абульфаиза казахи звали Абильфаизом. От него – Боши, Жоши. Сын вышеупомянутого Уалибака (Валибаха) кровожадный Аблай, прозванный за свою жестокость в богатырских поединках Кровопийцей. Сын его – Коркем Уали («Красавец Вали»). Сын его – наш известный хан Аблай. Настоящее имя – Абульмансур. От него – Ток, Касым, Арык, Адил, Рустем, Тогым, Сек, Абильда, Шама, Уали, Чингис,

Касым. От этого Касыма – Есенгельды, Саржан, Кенесары, от младшей жены – Наурызбай.

Выше уже было сказано, что одним из сыновей Тока-Темира был Озтемир. У Озтемира среди других был сын Сарыжа. От него – Коншик. От него – Толектемир, Токкулы-хожа. Сын Толектемира – Жебене. От него – Хасан. От него – Мухаммед. От него – Таштемир. От него – Гияседдин. От него – Хажигерей (Хаджи-Гирей). Крымские ханы – потомки этого Хажигерея. У него было восемь сыновей – Даулетияр, Нурдаulet, Хайдар, Куттыгзаман, Келдеш, Озтемир, Жанбаршы, Менли-Герей. После Хаджи-Гирея ханом стал Менли-Герей, с 1475 г. – в подчинении турецкого султана. Спустя некоторое время ханом стал Сахи-Герей, затем сын его Газы-Герей, затем другой его сын Хан-Герей, затем сын его (Хан-Герея) – Жанибек-Герей, затем сын его – Мухаммед-Герей. Затем сын вышеназванного Газы-Герея – Ганаят-Герей. Затем сын его – Бахадур-Гурей, затем сын его Махмуд-Герей, затем сын его – Каплан-Герей, затем сын его – Салим-Герей. В бытность последнего русский князь Долгорукий разгромил Крымское ханство¹, и Салим-Герей бежал в Стамбул. В тот раз русские и османы, т.е. стамбульцы (османские турки) заключили мир между собой и признали самостоятельность Крыма, Кубани и Бессарабии. Этот мир был заключен в 1774 г. После этого ханом стал Сахиб-Герей, его сменил Давлет-Герей, после него ханом был сын Сахиб-Герея – Шан-Герей, который по

¹В ходе русско-турецкой войны Второй армией, которой командовал князь Василий Михайлович Долгорукий, 25 мая 1771 г. был взят Перекоп («Хан ушел, и крепость Перекоп сдалась» – История России. С.М.Соловьев), затем сдалась Кафа, хан Селим-Герей бежал, «отплыв в Румелию». «27 июля приехал к Долгорукому из Карасу-Базара ширинский мурза Исмаил, объявил об утверждении вечной дружбы и неразрывного союза с Россиею и подал подписанный 110 именами присяжный лист; а на другой день приехали два знатных татарина и объявили об избрании в ханы Сагиб-Гирея; а брата его, известного Шагин-Гирея, – в калги». См.: С.М.Соловьев. История России с древнейших времен, М., 1965. Кн. XIV, т.28, с. 455.

велению князя Потемкина присоединил Крым к России. Он получал жалованье от русской казны. Подчинение (Крыма России) произошло в 1783 г. Через три-четыре года выплата жалованья была упразднена.

Выше было сказано, что одного из сыновей Коншика звали Токкулхожа. От него – Тайхожа, от него – знаменитый Тохтамыс (Тохтамыш)-хан. У него было восемь сыновей – Жалаледдин, Жапарберды, Кепек, Керимберды, Ескендер (Искандер), Абусагит, Кошек, Кадырберды. Когда умер нукер хана Тохтамыша Едыгебий, этот самый Кадырберды, говорят, сказал: «Когда (такая широкая река, как) Едиль (Итиль– Волга) замерзает, всяк (смертный) ее перейдет, когда (такой великий человек, как) Едыге умирает, всяк (смертный) умрет». Слова эти стали пословицей.

Третий сын вышеупомянутого Озтемира – Абай. От него – Томган. От него – Кутлук. От него – Темирсултан. От него – Мухаммед.

От него – Шуак. От него – Ярмухаммед. От него – Динмухаммед. У него было два сына – Имамхали и Нурмухаммед. От Нурмухаммеда – Абдолгазиз, Хисроу (Хосров), Субхангали. Абдолгазиз был ханом Бухары. Во времена Абулгази Бахадур-хана Субхангали был (ханом? – Пер.) в Балхе.

Пятый сын Жошы-хана – Шибан. У него было двенадцать сыновей – Бахадур, Байнал, Кадак, Балка, Шерик, Нуркен, Кортка, Аяши, Сеилхан, Баянжар, Конши, Мажар. По всей видимости, это его, Бахадура, прозвали впоследствии Ногай-ханом. У него было двое сыновей – Жошыбука, Кутлукбука. От Жошыбуки – Бадакул, Бектемир, Накшар, Есбууга. Сын Бадакула – Миентемир. У него было шестеро сыновей – Елбек, Жанта, Болат, Суюниш, Тонке, Бекконды. От Болата – Ибрахим, Арабшах. От Ибрахима – Кызыр, Даuletшайх. Сын Кызыра – Темирхожа. Сын Даuletшайха – Абулькайырхан. Это от него (Абулхайра) откочевал, рассорившись, Аз-Жанибек со всеми

казахами. У него было двое сыновей – Кожамухаммед и Шахбадак. От Шахбадака – Махмуд, Мухаммедшахбакыт. Шахбакыта звали еще Шайбак-Шейбани-ханом. Это к нему перешли на Уратобе казахи под предводительством Касыма, говоря: озбек – свой брат, сарт – чужак (жертвенник). Двоюродный брат Шайбака – сын Махмуда, Абдолла-хан. От него – Абол-газиз.

Двоюродный брат вышеупомянутого Ибрахима, сын Арабшаха – Кажытолы. От него – Темиршайых. Когда калмаки убили его, остался сын в утробе матери – впоследствии Ядкар-хан. У него было четверо сыновей – Абулак, Амек, Абек, Бурге. Когда Шайбак убил Бурге, жена его была беременна, ее забрал себе в жены один из сыновей Абулхаира – Кожамахмуд. У жены той родился сын Бурге – Жанибек. Кожамахмуд считал его своим сыном, на самом деле – это был сын Бурге. До него от Бурге было двое сыновей – Елбарыс и Белбарыс. У Елбарыса было трое сыновей – Султангазы, Мухаммедгазы, Шергазы. От Султангазы – Омаргазы, Хысраугазы. Выше говорилось о том, что прадед найманов Софытмырза замышлял, убив Арабмахмуда, на место его ханом посадить Хосрова. Речь шла именно об этом Хисроугазы. У Белбарыса было трое сыновей – Хусайнхажи, Курбанхажи, Султанхажи. Сын Султанхажи – Хасенкул. От него – Билял, Салых. Последнего под именем Сашмырза казахи хотели посадить ханом вместо Арабмухаммеда. У вышеназванного Жанибека, сына Бурге, сына звали Ескендер. От него – Абдолла, знаменитый хан Бухары. От него – Абдимомын.

У вышеупомянутого Амека было шестеро сыновей – Сафиян, Богжа, Уаныш, Калхан, Акатай, Аганай. У Сафияна было пятеро сыновей – Жусип, Жуныс, Али, Агыш, Палуанкул. От Богжи – Ес, Дос, Борым. От Еса – Шахкали, Тайыр. От Уаныша – Динмухаммед, Махмуд, Али. От Динмухаммеда – Байендемахмуд, Абульмухаммед. Сын Байендемахмуда – Турсынмахмуд, тот

самый, которого убил Есим-хан. Наша дальняя прабабушка Конырбике была дочерью этого Турсына.

Сын Абильмухаммеда – Жалел. От уанышевского Махмуда было шесть сыновей – Мухаммед, Амин, Али, Мухаммедемин, Араб, Акбаба. От уанышевского Али – Ескендер, Санжар. У Акатая было шестеро сыновей – Хажимухаммед, Махмуд, Болат, Темир, Аллакали, Сулеймен. От Хажимухаммеда – Арабмухаммед, Суюнишмухаммед. У Арабмухаммеда было шестеро сыновей – Аспандияр, Хабаш, Султан, Шерифмухаммед, Харазым-шах (Хорезмшах), Аугансултан, Абулгази. Последний и есть Абулгази Бахадур-хан, автор «Родословной тюрок». От Болата четверо сыновей – Баба, Хамза, Курбаши, Палуанкул. От Темира – Махмуд, Кадырберды, Абулхаир.

От вышеназванного Ментемира – Бекконды, от него – Али. От него – Хажимухаммед. От него – Мухаммед-хан. От него – Абак, Муртаза. Сын Абака – Толук. От него – Шамейсултан. От него – Ораз. От него – Бахадур. От вышеупомянутого Муртаза – Кошимхан. Когда русские отобрали у него Туран, он ушел в земли мангытов и там умер.

Шестой сын Жоши – Жембай. Имена потомков его мне неизвестны.

И последний сын Жоши – Беркежар. Сын его – Анда. От него – Тагашы. Дальше – не знаю.

У второго сына Чингис-хана Чагатая было семеро сыновей: Монегин, Можы, Билдеши, Сайынбильге, Сарман, Байдар, Сарымонке. От Монегина – Караолке, Бозай, Есенту. Сын Караолке – Мубарак. Сын Бозая – Кадагай. От него – Бугатемир. От него – Озбектемир. От него – Ясур. От него – Газан-хан. Примечательная личность. Эмиры, вызванные к нему на прием, в ожидании худшего, заранее прощались с родными и близкими. С ханского престола его низвел свой же подчиненный некий Амир Казган, который ханом посадил на его место Данышманшу, потомка Угедея.

Все следующие после Газан-хана правители зависели от воли эмиров. Сын вышеупомянутого Есенту – Барак. В династии Чагатая он первый, кто принял ислам. Получил имя Гиаседдин. Сын его – Дойшешен. У него было восемь сыновей – Копек, Сорго, Дойтемир, Елгештай, Кунже, Абукан, Тармашер, Есенбуга. Настоящее имя Есенбуги – Елхожа. Сын Сорго – Баянкул. Сын Дойтемира – Боран. Сын Елгештая – Доржи. От него – Кабыл. Сын Кунже – Болат. От него – Мухаммед. От него – Гадил. От Абу-хана – Есентемир, Жаншы. Оба от одной матери. Когда Жаншы стал ханом, младший брат Есентемир убил его, хотя и мать успела предупредить о его замысле старшего сына Жаншы. В наказание за это Есентемир отсек грудь матери.

Сын Есентемира – Темир-шах. Сын вышеназванного Есенбуги – Туглуктемир (Туглук-Тимур). Он тоже был известным ханом. Это к нему пришел Аз-Жанибек, покинув стан Абулхаира. У него было двое сыновей – Ильяс-ходжа и Кызыр-ходжа. Ханы Кашгарии, Джаркенда, Алатауские ханы – все они потомки этих двух. Один из сыновей Кызыр-ходжи – Жунус. От него – Махмуд, Ахмед. Настоящее имя – Жанеке Ахмед. Став ханом над казахами, он часто нападал на калмаков, за что получил прозвище Алашы («Душегуб»). На Уратобе он был убит ханом Шайбаком.

Один из сыновей Чагатая – Сарман. От него – Беке. Еще одного сына Чагатая звали Байдар. От него Алгүхан, унаследовавший трон после самого Чагатая. Другие потомки Чагатая мне неизвестны.

Третий сын Чингис-хана – Угэдэй – после смерти его был избран великим каганом. У него было пятеро сыновей – Куйик, Кунан, Кожо, Карапшар, Кашын. Сын Кашына – Кайду (Хайду). От него – Данышманша. Сын его Соргатмыш, которого посадил ханом Амир Темир (Тамерлан). От него – Махмуд. Его также возвысил в ханы Амир Темир, но вся власть оставалась

за ним самим. В конце концов он убил Махмуда и стал править сам. Когда он (Тимур) захватил в плен турецкого хана Елдирим Баязета, он повез с собой Махмуда в качестве куклы (марionетки), на деле держа власть в своих руках.

Четвертый, самый младший сын Чингис-хана – Толы (Толуй). У него было четверо сыновей – Монке-хакан, Хулагу – казахи звали его Алеке, Кубылай (Хубилай), Арыкбоке (Ариг-Буга). Хулагу завоевал весь Иран и Туран, Багдад и Мыср (Каир), убил халифа Мубта и Балха. У него было пятеро сыновей – Монкетемир, Ешмут, Абака, Ахмед Тарагай. Сын Монкетемира – Анбашы. От него – Темир. От него – Жолгутты. От него – Махмуд. Сын Ешмута – Санеке. От него – Махмуд. От него – Сулеймен. От Абакана – Аргын, Кейхату. От Аргына – Газан-хан, Олжайту. В династии Толуя первым мусульманином был Ахмед, сын Хулагу. Газан, сын Аргына, был великим ханом. В годы правления турецкого хана Османа, от которого ведут свою родословную все ханы Стамбула, Газан-хан покорил Рим и разбил империю на мелкие княжества. Сын Олжайту – Абусагит. После Газана ханом был он. Но как уже было сказано выше, он был в подчинении эмиров. Сын Кейхату – Алафаран. От него – Жантемир. Скинув его, ханом стал знаменитый Шейх Хасан Жалаир-хан. Сын Тарагая – Байду. От него – Муса. От него – Али. От него – Арпа-хан.

Названные в этой родословной потомки Чингисхана, правившие всеми моголами и татарами на протяжении целого столетия, в борьбе за власть преследовали, убивали друг друга, разоряли свои народы, и в конце концов держава их распалась на мелкие ханства, и все они впоследствии были покорены русскими. Судьба потрясателей вселенной заканчивалась именно так. Пусть же это послужит уроком для других.

Русские завладели Казанью в 1552 г. Астраханью – в 1554 г. В 1578 г. – всей Башкирией. В 1783 г. пали Крым и Кубань. Захвачены: в 1796 г. – Дербент, в 1737 г.– Ереван, в 1859 г.– весь Кавказ. В плен попал шейх Шамиль. Взяты Коканд и Ташкент в 1865 г. В 1868 г.– Самарканд. В 1873 г.– Хива. В 1877 г.– турецкие Батуми и Карст. В 1881 г.– Туркмен, в 1884 г. взят Мерв.

ОСМАНСКИЕ ТУРКИ СТАМБУЛА И ИХ СУЛТАНЫ

В самые древние времена тюрки, спустившиеся с Алтая, пошли на запад. За 200 лет до Р.Х. часть тюркского племени Се или Саха (саки) кочевала на западе Алатау. С этих мест они были согнаны тибетским племенем бобежи и откочевали еще дальше на запад. Ветвь западных тюрков под названием канлы за 130 лет до Р.Х. встретил на своем пути китайский путешественник Чжан Цан. По сообщениям китайских летописцев род канлы насчитывал в то время сто двадцать тысяч юрт. В их подчинении были пять мелких ханств: Ташкент, Самарканд, Керман, Бухара, Хива. Иудейские историки называли их скифами или иначе саками. Часть этого тюркского племени остается в Персии, из их рода под названием Акжар возвысился некий Надир-шах, покоривший всех персов. Ныне царствующий персидский шах также по происхождению тюрк, он из рода Кажар. Это Али шах, сын шаха Музрафаддина.

В 1219 г., когда войска Чингис-хана разгромили все народы Средней Азии и все племена двинулись кто куда, часть канлы под предводительством хана Каби в 50 тысяч юрт вступила на земли Рума (Рима). Спустя некоторое время, дождавшись, когда утихнут войны, сын Каби-хана Сулейман вместе со своим народом возвращается на родину, но по пути при переходе через реку Фрат (Евфрат? – Пер.)тонет. Сын Сулеймана Тогрул с четырьмястами юрт остается возле Арз-Рума. Смелый воин Тогрул самолично участвует в захвате соседних территорий, когда узнает, что царь

государства Куний Алаидден (Алладдин) пытается остановить войско Чагатая, сына Чингис-хана, и не колеблясь встает на сторону Алаиддена, проявляя при этом чудеса храбрости. В благодарность за совершенные им подвиги Алаидден дарит Тогрулу земли Ескуд, Карапшатау, Томанши и назначает главнокомандующим своей армии. В 1272 г. Тогрул в возрасте девяноста лет умирает, и командующим вместо него назначается сын Тогрула Осман. Сын оказался еще более выдающимся полководцем. Продолжая захват соседних территорий, он завладевает землями Карапша Хасар, после чего Алаидден провозглашает Османа самостоятельным правителем этого края. Это произошло в 1282 г. Спустя одиннадцать лет правитель Таврии Газан-хан из чингизидов покоряет Римскую империю и разбивает ее на мелкие государства. Хан Осман по-прежнему остается во главе своей независимой страны. Это уже был 1300 год. По этой причине тамошние тюрки провозгласили себя османскими турками, а хана Османа – первым турецким султаном (основателем нового государства.– Пер.).

1. Осман Ер Тогрул-оглы¹.
2. Орхан Осман-оглы.
3. Мурат Худауандакар Орхан-оглы.
4. Елдирим Баязит Мурат Худауандакар-оглы.
5. Мухаммед Баязит-оглы.
6. Мурат Мухаммед-оглы.
7. Мухаммед Фатих Второй Мурат-оглы.
8. Баязит Второй Мухаммед Фатих-оглы.
9. Яуыз Салим Баязит Второй-оглы.
10. Ханун Сулеймен Яуыз Салим-оглы.
11. Салим Второй Сулеймен-оглы.
12. Мурат Третий Салим Второй-оглы.
13. Мухаммед Третий Мурат Третий-оглы.
14. Ахмед Мухаммед Третий-оглы.
15. Мустафа Мухаммед Третий-оглы.
16. Осман Второй Ахмед-оглы.
17. Мурат Третий Ахмед-оглы.
18. Ибрахим Ахмед-оглы.
19. Мухаммед Четвертый Ахмед-оглы.
20. Сулеймен Второй Ибрахим-оглы.
21. Ахмед Второй Ибрахим-оглы.

¹Так в оригинале (после цифр). Оглы (турец.) – сын, потомок. Следовательно: Осман, сын Ер (героя) Тугрула и т.д.– Пер.

22. Мустафа Второй Мухаммед Четвертый-оглы.
23. Ахмед Третий Мухаммед Четвертый-оглы.
24. Махмуд Мустафа Второй-оглы. 25. Осман Третий Мустафа Второй-оглы. 26. Мустафа Третий Ахмед Третий-оглы. 27. Абдулхамит Ахмед Третий-оглы.
28. Салим Третий Мустафа Третий-оглы. 29. Мустафа Четвертый Абдулхамит-оглы. 30. Махмуд Второй Абдулхамит-оглы. 31. Абдулмажит Махмуд Второй-оглы.
32. Абдулхамит Второй Абдулмажит-оглы. Нынешний султан.

ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА, ЖИВУЩИЕ В ИРАНЕ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Иранские и закавказские тюрки сильно смешались с могольскими (монгольскими) тюрками. По словам Рашид-ад-дина, из армии Хулагу (Алеке) каждые двое из десяти были присоединены к ним. Их роды: хаджар, акжар, кашкай, шахзейуын, иендилли, кара борик, аллаберды, каракойонлы, жанбекло, озанло, абухасанло, кенгирло, жерроз, кожалы, келлекол, шанегло, баят, кылыш, жалаир. Среди них род кажар, говорят, потомки нояна (нойона) Кыжара. Кыжар был сыном нойона Сартака, главнокомандующего войсками Алеке-хана.

САРТЫ

Так называют казахи оседлые тюркские племена, населяющие восточный и западный Туркестан и говорящие на тюркском языке, а также отюрченных таджиков. Слово «сарт» не является названием какого-либо племени или рода. Впервые оно встречается в древней книге тюрков – «Кудатку билик» («Благословенное знание»). Книга эта была написана около 1070 года в Кашгаре.

Слово «сарт» происходит от древнего названия реки Яксарт, так прежде называлась Сыр-Дарья. Все

племена, которые когда-либо расселялись там, получили имя – сарты. Среди озбеков сартами называют отделившихся от казахов – озбеков, татар и кара-калпаков. Последние отделились от нас, когда мы уже назывались казахами. Племена эти дошли до Сыр-Дары и смешались там с местными сартами и тюрками курама. Курама – оседлые казахские роды, в основном, кедеи (беднота), которые не смогли откочевать в год Великого бедствия («Актабан-шубырынды»). В состав казахов курама входят роды: кербуши, шахрухия, бука, мураталы, керейт, байсу, каракытай, калайбар, пангаз. Присоединившись к сартам, они (тоже) занялись хлебопашеством.

ОЗБЕКИ (УЗБЕКИ)

Считается, что озбеки получили свое название по имени хана Озбека. Они из тех казахов, что когда-то последовали за Аз-Жанибеком и были отданы им в подчинение чагатаидов, а затем осели в Мавераннахре и стали называться озбеками. И только. По сути это самые настоящие казахи. Среди них были также моголы (монголы) и татары из улуса Джучи и Чагатая. Основной озбекский род – туйклы. В него входят: молла кесик, мырза кесик. Метани. Эти – из ногайцев. А также найманские роды: костамгалы, уактамгалы, садырбек. Найманы считают себя отделившимися от коныратцев казахами. Из уйсуней три рода: ошакты, козтамгалы, ергенекты. Встречаются котеши катаганы. Их прозвывают здесь бекзат (князьями). А также малочисленные роды: сарай, багырып, жузкырык, мен, кытай, кыпшак, каракалпак, туркмен, жалайыр, дурман, турк, баташ, мангыт, канлы, келегес, масет, баби, тама, меркит, аллат. Все они пришли из разных мест, и все называются озбеками.

НОГАИ (НОГАЙЦЫ)

За несколько веков до Р.Х. многочисленные тюркские племена, под общим названием хун (кун) или хунны, одно время хлынули на запад и населили земли по обе стороны Едиля и Яика (Волги и Урала). Когда их предводитель Аттила умер, они были вновь оттеснены за Волгу, в Кавказ. В V-VI вв. греческие летописцы Пресек и Менандр, проживавшие в Византии и Стамбуле (Турции), сообщают следующие (этнические) имена гуннов (хуннов): сарогуры, оногуры, котегуры, булгары. Часть булгаров ушла за Дунай (протоболгары.- Пер.), оставшаяся часть хуннов образовала государство в междуречье Волги и Камы – Хазарию¹. Первопредок хазаров – Яфет (Яфс). Ветвь его – Тогармы. У Тогармы было десять сыновей: Оюр, Таурыс, Ауар, Огыз, Гуз, Безал, Тарна, Хозар, Занур, Болгар. В письме Юсуфа² указывается, что они находятся в подчинении беженеков (т.е. печенегов). Переводчик этого письма профессор Гаркави пишет, что Хазарское ханство, приняв иудейскую веру (иудаизм), обрело могущество и просуществовало до IX столетия. Названные здесь гузы – ветви канлы и кипчаков. Впоследствии они были прозваны команами, или половцами. Команы вместе с кыпчаками и алшынами вошли в улус Джучи.

¹Хазарский каганат – первое феодальное государственное образование в Восточной Европе. Хазария просуществовала около 300 лет – со второй половины VII в. до середины X в.– С.А.Плетнева. Хазары. М., 1976, с.3.

²Имеется в виду письмо-ответ царя (хазаров) Иосифа, копию которого впервые издал востоковед А.Я.Гаркави в 1874 г. См.: Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Он (каган Иосиф) заявляет, что народ его происходит из рода Тогармы, сына Иафета (в древнееврейской литературе Тогармой (Тогаром) именовали все тюркские народы). У Тогармы, согласно сведениям Иосифа, было 10 сыновей: Агийор (Авийор, или Уюр), Тирс (Турис), Авар (Аваз), Угин (Угуз), Биз-л, Т-ра, Хазар, Знур (Янур), Б-л-г-д (Б-л-г-р), Савир.– Плетнева. Хазары... с.7.

Когда кочующая часть улуса Джучи дошла от Урала и Кубани до Дона, она стала называться по имени Ногайхана, двоюродного брата Береке-хана. («Родословной» Абулгази имя Ногай-хана не упоминается. Мне думается, что Ногай-хан на самом деле является сыном Шайбани-хана, сына Джучи. Настоящее имя – Бахадур). Ногайцы эти в XV столетии подчинялись хану крымских татар. Северо-восточные же ногайцы, что остались на берегах Урала, образовали самостоятельное ханство и при Абулхаир-хане подчинили себе соседей – казахов.

После смерти Улуг Мухаммеда (Орманбет-хана) и распада Ногайской Орды¹ ногайцы в начале XVII в., спасаясь от чингизидов, бежали на Волгу, где подпали под власть пришедших сюда ранее торгаутов. Другая часть их оказалась в подчинении Крымского ханства. После этого ногайцы стали называться по именам ханов и названиям родов и местности, в которой обитали. Так, например, волжские ногайцы составляют девять родов – Мансур, Орак, Мамай, Касай, Ормамбет, Тогыз, Идешек, Идесан, Жанбайлык, Карапыши (потомки Есеке-бия). Роды ветви Карапыши – шерин, барын, аргын, кыпчак. К ним ханом Сахиб-Гереем были присоединены роды мансур и сежеут.

В 1865 г. был составлен список Таврической губернии Крымского уезда, в котором перечислены роды – аргын, конырат, кыпчак, алшын, канлы, алаш, тама, керейт, боз оглы, онгар найман, карт кожак, кошен, токсаба.

В 1883 г., после того как Крым был присоединен к России, крымские ногайцы стали перекочевывать к тюркам, подчиненным Турции, увеличив число их до 500 тысяч.

Астраханские татары и нижневолжские кондуры называют себя потомками Касболата и Касая,

¹Обособление Ногайской Орды началось во второй половине XIII в. Процесс продолжался в XIV в. при эмире Едыге и завершился при его сыне Нур-ад-дине (1426–1440). – История КазССР, т.2... с.182.

выходцев из ногайцев. Видимо, они – сыновья Ногайхана. Их роды: ас, тобет, найман, жагалбайлы, мангыт, ергенекты, керейт. Этих кондурских татар привел сюда из Кубани хан торгаутов Дондук амба. В наши дни на Кавказе проживают народности – кумыки и карачаи. Ученый Клапрот считает, что они состоят наполовину из хазар и наполовину из ногаев. Среди ставропольских ногайцев встречается незначительная часть туркмен. В Казанской, Самарской, Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях есть народ чуваши. Арабские историки называют их – бортас. Они потомки союза племен древних тюрков и чермесов. Язык их несколько отличается от древнетюркского. В междуречье Иртыша и Оби обитают барабинские татары. Они из смешанной крови тюрков и угров. Их роды: терене, тары, бараба, колебе, лунга, сол, каргалы. В Тобольской губернии сибирские татары. Они пришли сюда в XV–XVII вв. вместе с ногайскими и казахскими султанами, а также пришедшие сюда торговать булгары и сарты. Когда земли эти отошли к русским, они остались там. Роды татарских (ногайцев): торалы, аялы, кордек, саргат; тобольских – кордек, естек, тогыз, шуалышык, яскалбе. Большинство – наши озбеки-сарты.

БАШКИРЫ

По утверждению арабских историков, башкиры – потомки тюрков, смешавшихся с финно-угорским народом. В 1723 г., в год Великого бедствия («Актабаншубырынды»), отделились от казахов и смешались с местными татарами. Башкирская ветвь – манеке. Это – мангыт-калмаки, прозванные тогайлинскими татарами, и род табын. Бывшие казахи Младшего жуза – табын, кыпчак, тама, кытай, керей, а также киргизы рода таздар. Из угро-финских родов (оказавших влияние на этническое происхождение башкиров.–

Пер.) известны: бурмантин, борзин, есирген, тангауыр, кодей, танып, айлы, куакан, каршы, кайлы, белдат, тогызы, йени, байлар, дуан, айлан, зоран, буллар, уран, уаныш, ермети, гайтен, шубен, ногаи, сарты, меркит, саралы, мешер, телтен, бакай, арлар, сарыш, байулы. Перечисленные названия родов позволяют сделать вывод о том, что башкиры – те же казахи, соединенные в союз из разных племен.

КАЛМАКИ (КАЛМЫКИ) И ТОЛЕУТЫ

В настоящее время проживающие на Алтае, Саянах, Танну-Ола народы – потомки древних тюрков и отюреченного племени самайд, прежде называвших себя тиле или иначе динлин. Алтайских тюрков, проживающих на р.Чарш, и на озерах Катонь и Толеут, русские называют калмыками. Казахи называют их белеут-калмаками. Сами себя они зовут ойратами. Или еще – Алтай киши (люди с Алтая.– Пер.). Баскауш-тауские зовут себя уланами, чолысманские – телесами. Калмаки эти – родственники казахов. Выше уже говорилось, что калмыки от слова «калмак» («оставшиеся»). Их роды: аргын, найман, кыпчак, керейт, меркит, хан, мандос, ара, тотош, шапты, тоншон, алмат, кебек, кодо, пайлагас, иттас, кутты, сакал, телес, айдак, кыргыз, суюнин, монгол, сарт. Язык древнетюркский. Но из-за долгого подчинения монголам ощущается влияние монгольского языка.

Толеуты называют себя телеутами или еще кара-калмаками. Они не раз воевали с русскими, затем откочевали к урянхайцам и там были в подчинении ойратов. Калмаки называют их толенкутами. Их роды: торе, очу, меркит, актомат, каратомат, кыпчак, найман, сарт, чорс, телес, торгол, мондос, кокар мондос, тотош, порот, чалман и примкнувшее к ним племя ушкоштим. В него входят роды – аюты, тортас, чингис, ан, мурындык, хорек, карга, ку, ара.

Название народности телеуты берет начало от названия древнего тюркского племени теле. Известны также написания – толо, доло. Отсюда: теле от телеут (теленгут). Среди казахов известно другое значение слова «телеңги» – ханский нукер, люди из ханской свиты (телохранители.– Пер.). В данном случае телеут или теленгут – название народа. Телеуты вышли из калмаков¹.

ТУРКМЕНЫ

Туркмены – древние тюрки. О происхождении их существуют разные мнения. Большинство считает, что они – потомки Огуз-хана. Известны семь родовых ответвлений туркмен. Первые – чаудур и амиралы (эмировали). Это остатки тайфы адалы, известной еще с XVI столетия. Теперь они в подчинении Хивы. Их роды: абдал, егдер, бозашы, есенду, кара чаудур, бурыншык, шейх. Следующая ветвь – яумит. Проживают на р. Гурген. Земля их, разделенная на три части, находится в подчинении России, Персии и Хивы. Их роды – атабай, тана, жапарбай, шерифчины, огир, жалы, герей. Третья главная ветвь – гоклан. Они находятся во владениях Персии, проживают на р. Атырак. Четвертая ветвь – теке. Проживает в Закаспийской области – (городах) Ахал, Теке, Мару (Мары). Роды ахалтеке – кокше, салык, ясман, мериш, коныр и еще малые роды. Роды марутеке – токтамыш, отемиш. В роду токтамыш – бек, окил. Роды кокше – хан, коныр, ак уакил, кара уакил. Роды отемиш – сечмаз, баҳшы. Пятая ветвь – сарык. Проживают в Мерхабе.

¹ В XVII в. телеуты («белые калмаки») составляли сравнительно крупную группу и долго доминировали в политической и экономической жизни Юго-Западной и Южной Сибири. Они главенствовали над другими алтайскими племенами, в орбите их политического влияния некоторое время находились западносибирские татары (тарские, барабинские, чатские, еуштинские), а также некоторые группы тувинцев (орчаки, керзали и др.), – А.П.Уманский. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980, с.5.

Их роды – канлыбаш, хорабан, алишах, сужети, байраш. Шестая ветвь – салур. Салур – внук Огуз-хана. Их роды – ялауаш, караман, анабилеги. Седьмая ветвь – ерсары. Проживают на Аму-Дарье возле Чарджоу. Их роды – бордалык, керкей.

В обзорной ведомости Закаспийской области за 1890 год сообщается, что туркмены – потомки Огуз-хана, т.е. потомки Хусаин-хана, сына Садура. По словам Галкина, Огуз-хан – сын вышеупомянутого Могол-хана. У Огуз-хана было двое сыновей – Есен-хан и Суюн-хан. Вот от них, мол, и пошли туркмены. По заявлению же барона Бодэ, они – потомки Яумита и Гаклана – сыновей Огузхана, рожденных от рабыни Айек, которую он привез из Персии, и слово теке означает «раб». (Любопытно), что в некоторых сведениях встречаются названия казахских родов – суюндик, бегиндик.

Выходит, туркмены на самом деле – потомки Огуз-хана.

ЯКУТЫ

Название якут происходит от манчжурского «яку». Якуты – из древней тюркской тайфы – саха (сак). Позже носивших название – сагайские татары. Они в подчинении России. Обитают на Дальнем Востоке, от истоков до верховий р.Лены. Они называют себя – саха. Русские делят их на баталинских и эллинских. Предки их из красноярских татар, иначе сагайских – Омогайбай и Элли. Вначале на эти земли пришел Омогайбай. Прослышав о том, что Омогайбай стал ханом этих краев, пришел сюда и Элли и женился на одной из дочерей Омогайбая. Недовольный этим браком, Омогайбай вместо приданого невесты отдал им негодную кобылу. Впоследствии Элли разбогател, обзавелся многочисленным потомством. По словам историка Приклонского, у Омогай-бая был един-

ственний сын Барагай. От Барагая – Бателе, Келтагай, Тобык. Они образовали улус Баянган-тай. У Элли было шестеро сыновей. Старший сын Лабен-гасурик – самый первый шаман (бахсы) в этих краях. Второй сын Хадат Хангалас. Улус Хангалас – потомки его. Потомки третьего сына Жонжаглы образовали улус – Батuros. Четвертый сын Молотой Орхон – улус Меген. Пятый сын Даладархан. От него – Бургун Шарта, Сордаш Допсон. От них – улусы Боргон, Допсон. Шестой сын Хатан Хатамалай. Его улус – Нам.

Якуты пришли на эти земли, по всей видимости, в 1200 г. Роды свои они называют Бес анауыс, иногда – Жун. Жун означает «народ». В старину каждый род якутов имел свой клич, тамгу. Но сейчас они почти все забыты. Сохранились лишь некоторые, так, например, клич коломенских якутов – барилас, т.е. беркут. Известные кличи – сасыл (лисица), осе (медведь), шолшен (шолпан – венера), ес (иш – внутренность), тарагай (таз – плешивый) и т.п.

ОРАНХАИ

Оранхай находятся в подчинении Китая. Обитают на Большом Кемкемшике, Косоголе и на южных склонах гор Танну-Ола. Называют себя – тоба. До сих пор говорят на древнетюркском языке. Ниже хошоты (волости): Хозот – на Косоголе; Халуш, Еркет, Хасут, Аргымак – в горах Танну-Ола; Ойын, Ерхет, Суюн, Чода, Салжак – на р.Большой Кем; Салжак, Кыргыз, Кул, Байгар на р.Байкем; Акшида, Карапшида, Тузши, Кишик, Кашку, Ергет, Саба, Монкиш, Карамонкиш, Кейде Оржак, Габалык – в хошоне (волости) Саян Ноян; Колот, Суюн, Каратолжак, Кужигит, Сарыхлар, Тунгак, Хуаулар, Карасал, Адынтоллош, Томат, Кыргыз, Мади, Жуда – на Кемкемшике, в волости (хошоте) Дуана.

Есть еще одна народность, которая говорит на тюркском языке и обитает между озер Кыргыз-нур и

Обса-нур. Моголы (монголы) называют их – хатоны. Они – потомки тюрков, взятых в плен калмаками. Сеют пшеницу для торе – «белой кости» (калмацких аристократов). Сами кочевники. В настоящее время – оседлые (хлебопашцы) доббенского Уана-торе.

ЕНИСЕЙСКИЕ ТЮРКИ

Они родом из древней тюркской тайфы теле, иначе динлин, и народа, называемого русскими самоедами. Они составляют четыре большие тайфы. Первая – Кызыл. Роды – кызыл, улкен ашын, киши ашын, акы, басагар, камлар, куыршак, шеюаргын, калмак. Последние два были прежде под калмаками. Телеуты, плененные родом кызыл. Вторая тайфа – кашинские татары. Роды – кас, ара, тобен, какасты, тожарым, тежалтаг, сокар, тоба. Последние четыре – из самоедов. Третья тайфа – сагай. Роды – турган, сарыг, ергет, ейшек, кайы, аба, кыргыз, жети юру, жуз сага, то сагай, шор, болтер, какмен, акчиистар, карачистар, табан, таяс, каллар, карга, сайын, кызай, койбол, байгоду, хан, туражак, таждуда, мадыр, кол, айынгара, бегеши, артши, куюк, орге, кайдын. Язык – древнетюркский. Четвертая тайфа – Каракас, камасын. Каракас состоит из пяти родов: сарыкаш, каш, чогдо, крачогдо, шебети. Они самоеды. Одна часть камасын – кашинские татары, другая – самоеды. Роды – мадур, богеш, байыф, нагы, сыйла.

На Енисее есть также потомки динлинов и самоедов. Первые – куманды. Те, что обитают на р.Бия – потомки упомянутого племени со. Те, что в низовьях ее, – из тайфы тастан. Их роды – боте, шапыраш, тун куманы. Вторые – с Лебеди, т.е. с р.Ку. Роды – якши, шалман. Третий – черные татары. Алтайские народы называют их – тоба. И они из самоедов. Роды – козен, теркеш, комнеш, босы, торгол. Четвертые – потомки Шормана, кузнецкие татары. Роды – кызай, таяш, кия, карашор, сарышор, карга, шедебес, кунха, куйе, шоли,

сибе, тартын, уста, кобы, аба, таган, керкеш, барсояд, шалкал, шарагаш, бессуйек. Первые пять родов – потомки Сагая. Пятая ветвь – кузнецкие татары, смешанные с телеутами. Их роды – ашкештим, баян, бургол, комнеш, камлар, ачын, чию. Шестая ветвь – шолменские татары. Их роды – кишик, койрек, шолым.

ТЮРКИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

В верховьях р. Тарым, в землях между Алатау и Памиром, а также на тибетской стороне, проживают тюркские племена. Они большей частью называются по названию местности. Например, кашгарцы, хотанцы. В древние времена в самой западной части (Туркестана) проживал оседлый народ – арии. Это их ханство в старину китайцы называли киши (малые) полу. В настоящее время – кунжуны, келекеты. Большие (улкен) по-лу занимали Беложстан, Ясын, Жеты Арал (семь островов) и часть Кафирстана. По словам Аристова, их роды – чоюбе, чоми, чубан, и другие. В IXв. их завоевали карлыки и обратили в мусульманство. Затем они были в подчинении каракиданей, затем под властью хорезмшаха. Ими правили также калмаки, затем китайцы, которые называли их также – чань-ту, кыргызы, сарты. В том числе – таранчи, т.е. хлеборобы. Китайцы заселяли хлеб подле Кульджи. Когда же Кульджой завладели мусульмане, таранчи как бы остались вне власти Китая, но затем в 1871г. они стали подданными России, когда же вновь вернули их китайцам, многие таранчи остались у русских и обосновались в Илийской долине. В Китае живет еще одна народность, говорящая на тюркском языке. Это – салуры в Ганьсу. По их словам, они пришли в 1370 г. из Самарканда. Еще есть дунгане – китайские мусульмане. Их дальние предки – древние тюрки гунны. Когда-то сотни тысяч гуннов были захвачены китайцами (и переселены в глубь страны.– Пер.). Дунгане – потомки именно этих окитаенных гуннов.

ТРИ ИСТИНЫ

«Три истины» ШАКАРИМА

Творческий, духовный мир Шакарима дает нам понимание того, что он, степной казах, формировался на этом пути, не имея какой-то особой подготовки в специальном образовательном заведении. Тем не менее, Шакарим, который рвением собственной души, изучив арабский, персидский, чагатайский, русский, смог глубоко осваивать мировые шедевры духовной сокровищницы, созданной на этих языках, правдивостью и незаурядностью своего ума предстает перед нами, как рожденный степью мыслитель.

За свою жизнь Шакарим создал весьма обширную и разностороннюю творческую библиотеку – как поэтическую, так и исследовательской мысли. И примечательно, что она у него насыщена необходимой библиографией, в которой мы находим названия всех его произведений с полными сведениями и уточняющими сносками. Такой цельный документальный источник, с другой стороны, становится сегодня бесценным, особенно, когда речь заходит о поэтической библиотеке Абая – для определения ли объема или же вообще для ее изучения.

Овеянные глубинными мыслями стихи Шакарима, а также произведения, отражающие его философские воззрения, среди которых и до сего времени неопубликованная рукопись, известная в народе под названием «Три истины» – в большинстве своем все еще лежат в копиях, переписанных с оригиналов. Надо сказать, что творения Шакарима, полные поэтического искусства, борения мыслей, воссоздающие образ его самобытного духовного склада, не всегда сразу раскрывают читателю всю свою глубину, требуя от него и вдумчивости, и определенной подготовленности. Таковы и «Три истины», сердцевинной мыслью которой является проблема

«страстности души», берущая свое начало в философии морали Абая, в чьем творчестве эта тема всегда звучала животрепещуще. При понимании такой сплоченности и преемственности идей, тот, кто по произведениям Абая знает, что означает эта проблема, думается, невольно проникается и мыслями Шакарима. «...После смерти Абая, который для меня всегда служил образцом, я принял для себя, как единственно приемлемый, путь человечности, чистоты и честности, а потому, поскорее освободив свою голову от всего путаного и наносного, вступил на путь накопления знаний», – так Шакарим подчеркивает свою раннюю причастность к моралистической философии Абая, и в этом, надо полагать, заключен немалый смысл.

До того, как начать работу над «Тремя истинами», Шакарим прошел долгий путь тщательной подготовки. С головой окунувшись в величайшие источники духовных сокровищниц Востока и Запада, он получил возможность ознакомиться с множеством трудов, как идеалистического, так и материалистического направления. Осмысливая их, он пишет:

Вопрошают ученый:

– Где же Всевышний?

Отвечает теолог.

– Он же во мне...

Ученый поверил в пять своих чувств,
Теолог же сбился с пути.

В этой аналитически резюмирующей мысли, выражая свое мироощущение, разве не затрагивает Шакарим подспудной сути многих вещей? Называя первой и второй истиной материалистическое мировоззрение и теологическое миропонимание, Шакарим восклицает:

Искал, истину нашел,

Взгляды старые забросил, –

и преподносит третью истину, путь к которой он пробивал в глубоких раздумьях над жизнью, отстаивая

творящей своей мыслью достоинство человека. Она, третья его истина, неотрывна от «пламенной, очарованной души», которой так много внимания отводится в философии морали Абая. Эта истина – Совесть. С ней Шакарим связывает фундаментальную проблему, которую исследует на протяжении многих лет научно-творческогоискания и, обобщая рождающиеся идеи, останавливается на таком тезисе своей основной мысли:

Если в труде и примерах
Мысль соткана будет искусством,
И если освоим чести науку,
Озарится душа, прибудет жизни кипение.

Есть ли такая наука, такое учение, чтобы помогли они нам выпрямлять и утверждать нашу честь и совесть? Поиском ответа Шакарим занимался всю свою жизнь, и этой же целью он задается в своих «Трех истинах».

Изучая труды просветителей Востока и Запада, непосредственно или косвенно решавшие проблемы нравственности, прослеживая историю становления мысли, связанной с философией морали, осмысливая и оценивая их критически, он отбирал созвучное своей душе.

Лет тридцать по крупицам собирая,
И здравым смыслом стала – честь моя.

С собой возьму, что должна вместить она, – так размышляет Шакарим, отдавая дань мыслям Абая об «уме озаренном». И тридцать лет кропотливого поиска он посвятил своему труду «Три истины», начав его в 1898-м и завершив в 1928 году.

Главной темой разговора в «Трех истинах», которая впервые представляется на суд массового читателя, становится «Совесть», без чего, как считает Шакарим, не строится ни одна наука, ни одно учение. «Человеческую скромность, справедливость, доброту в их единстве я называю русским словом – совесть...

Сердце человека, так и не поверившего в это, не смогут очистить ни одна наука, никакое искусство, ни один путь и никакой закон... Но, если человек в полной мере уверует в то, что совесть – это первейшая потребность души, тогда ничто не сможет сделать его сердце черным и черствым», – к таким мыслям приходит Шакарим; и разве эти, неравнодушные его размышления не созвучны с нашей сегодняшней задачей истинного духовного обновления жизни, всех людей, которую выдвигает эпоха перестройки? Вот и академик Лихачев, представитель русского народа, видный ученый, совсем недавно без всяких обиняков говорил о том, что общество окажется не способным к дальнейшему существованию, если мы не придадим самого решающего значения воспитанию человечности. Этой задаче, думается, отвечают и мысли Шакарима, все его творческое наследие.

**М. МЫРЗАХМЕТОВ,
доктор филологических наук**

ТРИ ИСТИНЫ

Истину человек видит и воспринимает не просто глазами, а глазами разума... После смерти есть еще и другая жизнь. Для этого и другого мира необходимое – совесть. То, что мы называем совестью – это скромность, справедливость, доброта.

Начало слова

Исчез, пришел,
Зачах, расцвел,
Изменился этот мир.
Родился, умер,
Погас и вспыхнул,
Воспрянул заново теперь.
Если движет,
Обновляет,
Разве знаний нет у силы той?
Без задоринки чистым,
Недостатки убрав,
Можно ли сделать разумным?
Что значит душа,
Вправду ли она умирает,
И, погаснув, совсем исчезает?
Тела жизнь одобряя,
Возвышаясь оттого,
Тебя признать придет душа?

На этом свете все живое, от мельчайших, невидимых глазу созданий, до самого человека, печется о благополучии и продолжении своего рода. Называют такое «борьбой за существование». Это прочный в природе путь. Поэтому все люди ищут благо и счастье по своим возможностям – кто только для себя, кто для рода-племени, кто для всего человечества.

С давних времен люди говорят о существовании двух жизненных путей. Одни считают, что душа продолжает жить, не исчезает, если даже умирает тело, поскольку, по их мнению, и после смерти есть жизнь.

Она иная, вовсе не похожая на земную, потому, утверждают они, следует жить не только мирскими хлопотами, но и заботами, которые могли бы украсить последующую жизнь. Ее называют конечной, посмертной дорогой. Ну, а другие говорят, что все вещи в этом мире возникают самопроизвольно, сами по себе, и нет какого-то хозяина-творца, который создавал бы их по своей воле и на свой лад, и нет никакой души, которая воскресает после смерти.

Какой же из этих путей является истинным? Установление истины, по-моему, – особый долг здравомыслящего человека. Ведь, если мы стремимся к подлинному человеческому счастью, необходимо знать – правда или нет, что существует хозяин-творец и некая посмертная жизнь? Если правда, надо побеспокоиться и о ней с тем, чтобы человек обрел это счастье, а если выдумка, надо, отбросив пустые старания, всецело заняться делами на этом свете.

Как же в таком случае исследовать достоверность того или иного пути? Ясно одно, что исследующий должен быть осведомленным в разных религиях и науках, знать, что по данному поводу высказывал тот или иной ученый. При этом весьма необходимое условие: надо осторегаться того, чтобы исповедуемая им вера, прочитанное и усвоенное им, укоренившиеся привычки, определенные пристрастия, не оказались вдруг в зависимости от чьих-то взглядов по той лишь причине, что исходят они от какого-то замечательного человека: приняв на веру сказанное авторитетной личностью, нельзя же оставаться бесповоротно привязанным к ее словам и идеям, следует полностью раскрепостить свой разум и беспристрастно, не болезненно-воспаленным, а здравым рассудком изучить и критически оценить разноречивые по содержанию, противостоящие в своих положениях и выводах книги, высказывания, суждения, практически содеянное. Словом, все, что имеет отношение к

вопросам об этих двух путях жизни. Иначе, застряв в обыденно-привычном, не идя дальше того, во что так страстно уверовал, человек ведь станет подобен лошади на арканной привязи. Кроме того, будет справедливо, если то, что он считает верным, вынести на суд народа. Потому как правдой окажется именно тот довод, который выдержит всестороннее испытание, пройдя подобное очищение.

Если задуматься о том, откуда исходит сама идея об этих двух путях, можно понять, что ее истоком послужила первоначально возникшая мысль о происхождении всего окружающего, о том, как стало возможным все существующее в мире, и кто их создатель. Это и естественно, наш ум не может не осмысливать причин бытия.

Увидев что-то неведомое, человек ведь непременно задастся вопросом, кем это сработано, для чего оно предназначено? Так, в поиске творца-родителя зародилась и сама мысль, и появились различные толкования по этому поводу. Такой поиск, та же неуемная мысль о творце заставляла, к примеру, древних людей поклоняться солнцу, огню, деревьям, камням, в которых они, может, видели таинства, заложенные этим создателем, а то принимали их и за самого творца. Или же, следя своему воображению, создавали его образы и поклонялись им. Более того, верили и всякого рода ворожеям и знахарям, считая их чудотворцами и наместниками верховного создателя, поскольку они могут то, чего не могут обыкновенные люди. Это было похоже на мытарства слепого, но до тех пор, пока не объявились так называемые пророки, которые возвестили о том, что есть творец всего существующего и что, помимо земной, есть и другая, посмертная жизнь, где умерший человек продолжает жить, где в зависимости от поступков, совершенных им на земле, ему определены либо вечное счастье, либо нескончаемые муки; и об

этом им будто бы дал знать сам хозяин-творец, повелев, к тому же, растолковать это каждому. Конечно, какая-то часть людей в те времена, поверив, восприняла проповеди, а другая часть, оставаясь в неверии, не смогла отойти от своего привычного миропонимания.

Идея о существовании жизни, развитие которой отрицает и хозяина-творца, и посмертную жизнь, исходит, как уже говорилось, из мысли, задавшейся вопросом происхождения бытия. Что это именно так, свидетельствуют следующие воззрения. Мыслители древних времен, исследуя сущность вещей, стремясь понять их происхождение, в качестве их первоосновы признавали четыре начала: огонь, воду, землю и воздух. Последующие ученые установили, что каждое из этих четырех природных явлений делимо на множество основ, которых сейчас вроде бы около восьмидесяти. И было определено, что все тела образуются как соединение мельчайших, невидимых глазу элементов, дробление которых в конечном счете приводит и к вовсе неделимой частице. Эту частицу европейцы назвали атомом, а на арабском – «мадда» или «асер». Поскольку казахского наименования ей нет, будем ее также называть атомом или маддой. Так было сделано открытие, согласно которому все существующее – это результат происхождения, развития, видоизменения и приумножения всевозможных тел, образуемых как соединение этих примерно восьмидесяти атомов.

Истоки этого открытия восходят к имени древнегреческого ученого-ионийца Пифагора, который, по свидетельству некоторых, заимствовал идею у финикийцев. В таком случае, первооткрывателем является Моско – выходец из финикийского города Садды. Но кто бы ни был первым в открытии и исследовании самого атома, создателями целостного учения явились греческие философы Эпикур и Демокрит, которые, исходя из своих положений, вывели единое обоснование того, что все существующее на земле

проистекает и строится из атома, а потому нет никакого хозяина-создателя, будто устраивающего этот мир своим разумом.

Во времена расцвета арабской династии Аббасидов, когда под ее могущественную власть подпадали другие народы, на арабский язык стали переписываться книги древнегреческих ученых, в том числе и высказывания, касающиеся атома. Именно тогда из-за выявленного атома в среде мусульманского духовенства вспыхнули ожесточенные споры по поводу взглядов на происхождение мира.

В последующие времена такие европейские мыслители, как Гассенди, Декарт, Ньютон, Линней, подхватив и развив идущие от Эпикура и Демокрита воззрения, отрицающие существование хозяинатворца, способствовали распространению этой идеи в Европе. К тому же были найдены весомые аргументы того, что атомы соединяются, притягиваясь друг к другу. Это говорило о наличии в вещах некой силы притяжения. На арабском языке она была названа тажизибом. Ее первооткрывателем был английский мыслитель Исаак Ньютон (XVII столетие).

Иначе говоря, суть воззрения, отрицающего существование хозяинатворца, сводится вот к чему: все сущее в мире в своей основе состоит из восьми-десяти разновидностей атомов, которые, соединяясь между собой по законам притяжения, формируют тела, исходят друг из друга и подвергаются изменениям; и нет такого хозяина, создающего по своему вкусу каждую вещь отдельно; да и душа – не что-то само по себе, а свойство постоянно изменяющегося тела, являющегося соединением тех же атомов.

После смерти человека каждая из составных частей его тела, разлагаясь, распадаясь и рассеиваясь, воссоединяется по элементам со своими атомами, и то, что называется душой, бесследно исчезает. Поэтому, говорят они, после смерти человек воскреснуть не

может. В одной недавно вышедшей книге сообщается, что сегодняшние ученые в Европе, используя энергию электрии, смогли раздробить атом на более элементарные частицы, которые были названы электронами. Арабского названия электрону, по-видимому, нет, хотя недавно в одной книге вычитал такие слова – «Хихату хикарта айе». Их смысл примерно такой – «Измельченная электрия». Получается, что расщепляется и атом. А теперь ученые ведут речь о том, что первоначалом всех тех же восьмидесяти мельчайших основ является такая частица, как свет. Если так, считают они, то первоосновой всего существующего мира тоже оказывается свет.

СВЕТ. Откуда бы ни исходил свет, от солнца ли, огня ли, он распространяется во все стороны пучками и движется со скоростью триста тысяч километров в секунду. Солнечный свет, например, достигает Земли за 8 минут 17 секунд. Есть планеты и звезды, находящиеся значительно дальше Солнца, свет от которых приходит к нам за триста лет. Ну, а от более отдаленных – почти за тысячу лет. Скорость света по-русски ученые называют юпитером, по-мусульмански (по-арабски) – муштари. Она была измерена по ходу четырех спутников Юпитера при их выходе из теневой стороны планеты. А у самого Юпитера на один оборот вокруг Солнца уходит почти двенадцать лет. Здесь о свете пишут с той целью, чтобы как-то заострить внимание на том, что свет тоже существует не сам по себе, а исходит из чего-то, находясь в состоянии постоянного движения. Внимание читателей хотелось обратить и на то, насколько безграничен видимый мир, не говоря о невидимых, измерить которые, конечно, невозможно.

О том, что все существующее в мире не сотворено никем, а было и есть само по себе, как видим, говорится с давних времен, но все же эта идея особенно была распространена в XVII-XIX веках в Европе. Приведем наиболее сильные аргументы данного воззрения.

Аргумент первый: путь кругообращения. Перво- причина всех существующих, не исчезающих, хотя и изменяющихся, способных к росту и развитию, вещей – атом, наделенный силой вещества. Планеты, Земля, Солнце, Луна ли, первоначально пребывая в состоянии газа, дыма, пламени, с течением времени остыают и превращаются в твердые массы, но опять же не остаются неизменными. При движении или в результате столкновения они, с истечением временного цикла, вновь обращаются в газообразное, жидкое, твердое состояние, так и пребывая в этих трех видах. И этот процесс – непрерывен, повторяем, но не единообразен: к примеру, в периоды твердых новообразований. Земля ли, остальные ли массы видоизменяются, могут быть больших или меньших размеров, иметь другие свои особенности. При повторном происхождении опять же появляются и земля, и люди, и животные, и растения, но в ином качестве. Изменяется все – наши познания, ремесло, богатство, да и сам человеческий организм. Но в процессе повторяющегося цикла, когда есть и смерти, когда исчезают и человеческие ощущения, мы абсолютно не осознаем происшедших изменений. И еще, круговорот, как мировой процесс, не протекает враз: где-то еще газообразное состояние, а в другом месте уже идет зарождение жизни.

В целом подобные изменения, стремления к само- производству – это путь беспричинного, не осознающего себя происхождения.

Аргумент второй: путь природного происхождения. Все, что реально существует в мире, – это путь естественного происхождения. Поэтому «разумный творец-хозяин» – это лишь пустые слова, да и сама природа – не что-то отчужденное, стоящее вне созданных вещей. Это свидетельствует о существовании природного закона единства, в соответствии с которым и протекает стихийный процесс зарождения всего сущего.

Этот закон, умело совершая отбор, избирает самое лучшее, способное расти, развиваться и стремиться к совершенству. Поэтому, говорят, все в мире – движение планет и звезд, многообразие и определенность телесных структур и внешних форм человека, животных, растений и всего существующего, упорядоченность их происхождения и развития – обретает полную гармонию и целесообразность. Это – из высказываний философа Литерия.

Аргумент третий: путь сородства. Творца – нет, поскольку, как уже говорилось, все существующее создается самопроизвольно. Люди, животные, растения, птицы – все это рождено морем. Оно окружает всю Землю, и потому водные создания имели выход на сушу. Все произрастающее и живущее на ней первоначально относилось к водным организмам, в морях и сейчас немало живых организмов, схожих с существами на земле. В море когда-то пребывали не только создания, сходные, скажем, со змеями или собакой, но и уподобленные птицам. Поэтому нельзя утверждать, что есть некий творец-хозяин, который создавал каждый из живых организмов в отдельности. Эти слова – Майена.

Аргумент четвертый: чувственные восприятия. Всякую вещь мы прежде всего постигаем чувствами. О том, что нас окружает реальный мир, что все сущее возникает естественным путем, мы видим и узнаем благодаря своим восприятиям. Если бы существовал разумный создатель-хозяин, отпала бы всякая необходимость в подобных природных причинах. Действительно, для чего они нужны, если есть всемогущий создатель, который и без того наделен обширными познаниями? Поэтому сознательного творца нет. Это – слова Бюхнера.

Аргумент пятый: многообразие. Посмотреть на этот мир, сколько в нем многообразного, но абсолютно не похожего друг на друга, – камни, деревья,

растительность, животные, люди, вода, огонь... О чем это говорит? Да о том, что каждая вещь происходит сама по себе, самопроизвольно, в соответствии со своей причинной обусловленностью и условиями среды. Из этого видно, что творца, строящего мир по своему замыслу не существует. Это – слова Демокрита, жившего за 300 лет до Христа.

* * *

Выше мы уже говорили, что воззрение, отрицающее существование разумного творца-хозяина, вплоть до конца XIX века имело наибольшее распространение в Европе. Затем внимание к нему стало ослабевать. Дело в том, что к тому времени значительно усилилась вера в магнетизм, спиритизм, телепатию. В чем их смысл? К примеру, магнетизм – это способность человека действием особой энергии своей души усыплять другого и в подобном его состоянии, внушая, заставлять что-то проделывать, отвечать на внезапные вопросы, на то, что было в прошлом или предстоит в будущем. Спиритизм же – это вызывание духов умерших и возможность получать от них какие-то известия, сведения, которые даже могут быть записаны ими на бумагу. Ну, а телепатия – это умение устроить внутреннюю перекличку душ – своей и другого человека, находящегося, возможно, на огромном расстоянии, и по своему желанию добиваться от него каких-то действий.

Существование подобной, вызывающей удивление, ранее неизвестной сверхприродной силы, выявленной сторонниками метафизического отношения к происхождению бытия, привело к замешательству и перестройке мыслей тех, кто, веря только в свои органы чувства, считал, что не может быть других вещей, если они не обнаруживаются их ощущением.

Душа, дух. Продолжим разговор о взглядах, отрицающих существование души. Вот какие еще имеются суждения.

Истоки чувств находятся внутри организма, центр в мозгу. С его остановкой останавливается все остальное. Существует некий связующий провод, который смыкает этот центральный пункт в мозгу с сосудами, мускульными тканями, придающими всему телу чувствительность и движение. Потому и нет отдельно пребывающей души. Если бы она была, ею можно было бы считать мозг. Но мы видим и понимаем, что мозг не является душой.

Поскольку тело, говорят они далее, подвержено постоянному изменению, оно, с течением лет и времени, окончательно обращается в другое тело. Различные чувства и ощущения человека, его способность к всевозможным действиям находятся под началом самого лишь мозга. Он не изменяется всякий раз наподобие тела. После смерти человека составные его тела, распадаясь и распыляясь, из одного состояния переходят в другое. И поскольку никто не располагает обособленной душой, и при таком вот круговороте «переселения» ни тело, ни душа после смерти вновь ожить не могут. То, что человек считает своими чувствами, своей собственной жизнью, – это свойственный только мозгу процесс смены и обновления в нем ощущений, впечатлений, восприятия всякой новизны. Ничего другого здесь нет. Изменяющееся тело – это, по сути, уже не первоначальное тело, хотя и сохраняется некая внешняя схожесть. Поэтому человек и воспринимает его, как свою личность.

Теперь приведем конкретные высказывания свидящих людей, размышлявших о душе и теле. Ученый Герман Шефлер говорит: душа – это некая сила, построенная на энергии атома. Уиршо: тело – это одна из разновидностей машин. Доиуареман: каждая клетка наполнена энергией, мысль – следствие движения

атомов тела. Стуармель: человек предстает перед нами сложностью своего существа; таинства жизнедеятельности тела по сравнению со многими другими загадками природы – неисчерпаемы, неизмеримы, это словно маленький островок в пустом пространстве. Ж. Дольн: душа – не вещь, не тело, состоящее из атомов; свойства, которыми обладает она, воздействуют на образность мышления, дают возможность воспоминаниям; у этих свойств души нет ничего телесного, нет внешней оболочки, нет видимых образов, к тому же свойства души не подвластны эпохе, времени. Источник этих свойств – разум, и потому соизмерять и характеризовать их, уподобляя признакам, присущим природе тела, – непригодно.

Далее в других высказываниях, душа по существу своего происхождения не подвержена бесследному исчезновению, а после отторжения от тела сила ее проявления становится даже большей. Душа не сравнима с телом. Тело умирает, изменяется. С душой подобного не происходит. Но при их соединенности они оказывают друг на друга сильное воздействие. Гнев, ненависть, любовь – это тоже воздействие души, проявление которого может моментально отразиться на лице человека. При возбуждении души тело может быть ввергнуто и в трудные ситуации. В какие-то моменты неожиданная огромная радость, страх, нагрянувшее горе способны даже убить человека. Хотя душа и тело чужды друг другу, произошли врозвь, они при совместном существовании не обходятся без взаимного влияния. По словам врачей, каждая конкретная мысль по-своему воздействует на тело (Дольн, Декарт). А Олер говорит, что отношения души и тела, при совершенном различии, их влияние друг на друга, смена состояния – это взаимосвязанность их движения, которое составляет основу происхождения и постоянного взаимодействия.

Влияние души и тела друг на друга похоже на эхо, это как голос, отраженный от камня, взаимоответное воздействие (Коддрс). Между телом и душой существует нечто промежуточное, которое, являясь их общим свойством, служит причиной их единства и гармонии. Душа хотя и не стремится к разъединению с телом, но и не остается в вечном с ним сочетании. Наш ум пока слаб, чтобы установить конкретно это промежуточное звено и определить его функции. Но, во всяком случае, если оно, конечно, существует, измерить и описать его невозможно, оно незримо и невоспринимаемо, неуловимо как луч света и существует, по-видимому, посредством внутренних нитей организма (Дольн).

Дольн сообщает еще: о возможном существовании подобного промежуточного звена говорим и по той причине, что нам приходилось наблюдать одно удивительное явление, когда некий Доруцатс, ведающий делами Французской военной академии, используя способ магнетизма, усыплял человека: и вот что увидели – из тела, которое в своем состоянии уже не отличалось от мертвого, отошла душа и устроилась рядом; это непонятно-странные видение и навело на мысль о существовании промежуточного звена. Хотя первооснова души и не выявлена, но, надо полагать, что рядом с ней, после смерти тела, служа ей поддержкой и помощником, неотлучно витает нечто схожее со световыми бликами.

В качестве подтверждения своих умозаключений они ссылаются и на имя Аланкара, жившего в XIX столетии во Франции, который будто бы тоже говорил о подобных явлениях. Аланкар был спертом, умевшим вызывать духов. По его утверждению, души имеют свой реально существующий мир, каждый из нас при жизни называется человеком, а после смерти превращается в душу. Есть и тело-посредник, без души они оба не способны что-либо чувствовать и ощущать.

Это тело – посредник при жизни человека находится в нем, а с его смертью соединяется с душой и обретает вечное существование.

Вот что говорят европейские ученые по поводу тех вещей, тайны происхождения которых не удается раскрыть законами физики. Известный философ Жостшбатия сообщает о невольном признании учеными того, что в каждом разделе науки о происхождении пока весьма мало действительно научного, что наши познания в сравнении с тем, что еще не раскрыто и остается тайной, можно сказать, находятся на нулевом уровне, иначе говоря, у нас в целом нет знаний в этой области. Ученый Био говорил, что ему ничего не остается, как удивляться природным законам происхождения, когда он задумывается о них и не находит какого-либо ясного для себя толкования. Когда видишь множество недостатков, когда узнаешь, что в этом непонятном нам естествознании еще столько загадок, досадует он, можно смело сказать, что все старания тех, кто пишет об этом, думая, что они удовлетворяют наш интерес, что доносят какие-то глубокие мысли, – все это оказывается просто пустыми словами.

Герберт Спенсер считает, что чем больше и открыто мы спорим и задумываемся о тайнах, с каждым днем усложняющихся для познавания, тем явственней становится существование издавна имеющейся и никогда не исчезающей силы, которая независимо от человека создает бытие вещей (проф. Фонтель). В своей книге «Вокруг знания» он говорит о том, что физика естествознания, похоже, не способна сделать самого необходимого для нас – насытить наш ненасытившийся ум. Вопреки словам знаменитого поэта Руссо, утверждавшего особую необходимость стремления к познанию хозяина-творца всего сущего, который будто бы восхищает наш разум своим всемогуществом, я первоначально думал, что человек может

добиться полноты и совершенства без всякой веры в существование всевышнего. Но впоследствии я понял ошибочность своих представлений.

Пока человек всем своим разумом не поверит в существование верховного творца, он не достигнет полной чистоты, – так говорил выдающийся философ Биренжие. Сотни таких ученых, как Жан Жак Руссо, Ламетри, Лемке, Мишель, Кеттле, возлагавшие надежды на скорое решение религиозных вопросов, занимаясь исследованием внутреннего мира, духовных потребностей человека, говорили о возможном заполнении мира новой религией.

Упоминавшийся выше Фонтель говорил: люди слабы и инертны в своих стремлениях к познанию основной тайны природы. То, что они знают, ничтожно мало по сравнению с тем, чего еще не знают. Несмотря на это, не видя причин и сути вещей, оспаривают что-то существующее. Они верят лишь чувственным восприятиям и ничему иному не верят, и будто на основе глубоких раздумий они пришли к пониманию того, что только вера в чувственное восприятие могла бы и может оградить всех от путанных мыслей и споров; потому ими и придумывается всякое, что мешает движению мысли (метафизика), идущей по пути разрешения тайн еще непознанного в природе. К примеру, Огюст Конт (1798-1857 гг.) объявил, что истинным путем познания является позитивизм. Его выводы таковы: нет якобы никакого смысла понапрасну заниматься недоступными нашему взору, нашим другим чувствам и ощущениям явлениями и вещами, в реальности которых нас должны убедить и исследования естественнонаучной физики. Но, поскольку человек полон всяких наитий, наводящих его на мысль о существовании сверхприродной силы, поскольку каждодневно раскрываются какие-то доселе неразгаданные тайны, а то, что недавно считалось абсолютно непознаваемым, теперь стало

обычным и практически применимым, – поэтому слова, подобные словам Конта, конечно же, не смогут заставить человека перестать думать о некой силе, которая по его представлению стоит над природой. В настоящее время сотни ученых в Европе, взяв на вооружение такие науки, как магнетизм, спиритизм, телепатия, денно и нощно занимаются исследованием вопроса о душе.

Если так и будем стоять на одних лишь чувственных восприятиях, – говорил Камиль Фламарион, написавший столь ценную книгу о душе и о вещах, хранящих свои тайны в себе, – мы впадаем в величайшее заблуждение. Греческий ученый-иониец Пифагор считал: для разума гораздо более приемлемо утверждение о том, что Земля и другие планеты обращаются вокруг Солнца, нежели то, по которому будто бы все огромные планеты обращаются вокруг маленькой Земли. А если сказать, что это соответствует и законам небесной механики, великие мыслители той эпохи Платон, Архимед, астрономы Птолемей и Гиппарх, наверное бы, не стали высмеивать такое. Чего только не испытал Сократ, сказав, что творец-повелитель существует. Знаем и о том, что произошло с Галилеем, когда он доказывал, что другие планеты по величине намного больше Земли. Запрету, протестам со стороны члена Академии, ведущего химика Боуме подвергалось и открытие Лавуазье, который определил, что воздух является соединением двух газов – кислорода и азота.

Фонтель, рассказывая о трудностях, испытанных Архимедом, который жил за 287 лет до рождения Христа, отмечает, что многие открытия вначале оказывались предметом острых нападок и осмеяния, но в конечном счете всегда приходилось признавать их истинность. Сегодня, к примеру, признается существование энергии, отстоящей от физической

природы вещей, которую открыл германский доктор Месмер (1736-1815гг.), назвав ее «животным магнитом», этой энергией он успешно лечил больных. Многие ученые Европы, заинтересовавшись этим, пришли к выводу, что такая энергия существует. Сам доктор Месмер весьма просвещенный человек, но лечение проводил не уже известными научными методами, а простым способом, каким-то образом намагничивая ведро с водой, которой и пользовались больные, опуская в нее то руки, то ноги или обливаясь полностью, и таким образом излечивались от болезней. Вся эта процедура намагничивания воды и прочее, скорее всего напоминающая занятия колдуна, какое-то волшебство, никак не укладывается в голове; это, наверное, схоже с тем, что проделывают тарамчи из предгорий Алатау, излечивая людей от укуса ядовитого каракурта.

Во Франции была даже создана комиссия, которая занялась исследованием «животного магнита». Она вынесла заключение, что это явление, хотя пока и не имеет под собой научной почвы, однако силой определенного воздействия безусловно обладает. И если у «животного магнита» нет научной основы, так ведь таковой нет и у электрии. Правда, электрия невольно признана наукой, поскольку теперь известно, из чего она исходит и какое находит применение. Признали бы ее возможной естествоиспытатели, пока, скажем, не появился беспроволочный телеграф? Поэтому, считают они, необходимо признать, что магнетизм, спиритизм и телепатия то-же являются энергией, первопричина которой пока не найдена. Ученые подтверждают, что с помощью этого гипноза, спиритизма и телепатии делается невесомым тяжелое и, наоборот, придается вес легким телам, усыпляют живого человека и, отсылая его душу за сотни километров, добиваются от нее моментальных ответов и сообщений о том, что было или будет. Вызываются

души умерших, вступают с ними в разговоры, заставляют что-то написать.

Это ли не доказательство, говорят они, существования самостоятельной и никогда не исчезающей души. И вроде бы каждый может удостовериться в этом, если найдет и усвоит ряд условий с тем, чтобы самому провести подобные опыты.

Вышеупомянутый Месмер и некий Калиостро в свое время немало поразили ученых Европы. У Калиостро было дело, связанное с именем Людовика XVI, известного тем, что в XVIII столетии, будучи вначале наследником престола, а после – и самим королем Франции, был казнен за зло, принесенное своему народу.

В ту пору, когда Людовик пребывал еще в наследниках, как-то в Париж во владения короля, направлялась молодая девица по имени Мари-Антуанетта для вступления с ним в брачный союз. В пути она сделала остановку в имении какого-то французского аристократа, где судьба и свела ее с Калиостро. Наслышенная о его способностях предсказывать человеческую судьбу, она, желая узнать, как сложится ее супружеская жизнь, попросила устроить гадание. Особого желания Калиостро не проявил, но все же уступил настойчивости Мари. Он стал проделывать странные движения вокруг ведра, наполненного водой, произнося при этом непонятные слова. Потом он подвел Мари к ведру и сказал, что в нем она и увидит свое будущее. Девушка какое-то время, не отрывая глаз, смотрела на воду и вдруг, вскрикнув, упала в обморок. Когда Мари пришла в себя, она ни словом не обмолвилась с Калиостро, молчал и он, на том и разошлись.

Что так потрясло Мари, что она даже лишилась чувств? На дне ведра с водой она увидела отображение множества людей, а в центре – и свое. Виднелось еще неизвестное ей доселе сооружение. Это была машина для казни. К ней подводили приговоренных к смерти, и тотчас им отсекались головы. В какой-то момент там

оказалась и Мари, сверху нависла плаха, и... ее голова скатилась в огромную чашу. От этой ужасной картины Мари и потеряла сознание. Самое удивительное здесь то, что сооружение для казни, которое привиделось Мари, к тому времени еще нигде в мире не было изобретено; оно появится позже и будет названо гильотиной.

Шло время. Мари была в браке с наследником. Спустя годы он стал королем. А еще позже дворцовая знать решила, что надобно бы упростить – ускорить процедуру отсечения головы, чтобы, дескать, не подвергать человека долгим мукам. Необходимо было придумать какой-то способ. Тут и отыскался профессор Гийотек, который, оказывается, уже имел соображения на этот счет. Он нарисовал схему машины для отсечения головы, описал ее действия и представил чертеж настоятелю тюрьмы. Тот отнес все королю. Рядом с ним находилась Мари. Увидев рисунок и сразу же узнав в нем ту самую машину, которая когда-то предстала перед ее глазами на дне ведра с водой, она, как и тогда, вскрикнув, впала в беспамятство. Когда пришла в себя, король спросил о том, что ее так напугало? Она все и рассказала. В конце концов предсказания сбылись: со временем и Мари, и королю были отсечены головы этой самой гильотиной.

Подлинное имя Калиостро – Джузеппе Бальзамо. По происхождению он итальянец, имя поменял, потому что того хотели духи. Настоящее же имя уже упоминавшегося Аланкара – Рауаль. Изменил его по велению совести, сам он – француз. Все нынешние французские сперты – его последователи, они пользуются его методами, которые изложены в оставленной им книге. Надо сказать, что ее придерживаются только сами французы.

Английские сперты относят это к ложному направлению, похожему на религию брахманов, которые, к примеру, считают, что душа умершего вселяется в тело

одного, потом другого животного и так до тех пор, пока не пройдет путь окончательного очищения. Об этом вроде бы дали знать сами души. Английские же сперты отрицают подобное переселение в тела животных, а то, что слышат от отдельных душ, приводят в соответствие с материализмом. Даже больше склоняются именно к этому пути. Аланкар находит объяснение такой противоречивости между душами, их словами. Дело в том, считает он, что с людьми чаще всего вступают в общение души более низкого уровня. А от них, конечно, может исходить всякое. В этом и причина, что путаные разговоры некоторых из них так похожи на словопрения невежественных, а то и скандальных. О таких явлениях, о самих спертах и особенно о душе очень хорошо написано в книге Аланкара «Лажаз» – в форме интересных рассказов, с множеством примеров, красноречивым описанием. Аланкаром сделано и многое другое. Обо всем и не расскажешь, остановлюсь лишь на том, что говорилось учеными, вставшими на путь исследования спиритизма.

Морс Лошатый в своей книге «О знаниях» говорит, что наши мысли о спертах переворачивают теперь все прежние представления, поражая даже тех, кто и раньше был высокого мнения о них. Уже одно то, что спиритизм проник в среду людей, просвещенных в науках, могло бы дать право говорить о том, что Аланкар, который незамедлительно изучил и осветил его, является зачинателем самой значительной науки, да и искусства XIX столетия.

Ученые Европы, которые причисляли магнетизм и спиритизм к магии и колдовству, задавались целью, добравшись до сути и, раскрыв несостоятельность, заклеймить их позором, но, увидев воочию их действия, все же вынуждены были невольно признавать существование какой-то особой энергии. Некоторые же убеждались, испытывая их сами. Но

пока никого еще нет, кто бы установил их перво- причину. Приведем высказывания некоторых ученых, занимавшихся исследованием. Ожен Воннер говорит: вначале я осмеивал спиритизм, но впоследствии осознал свою глупость. Писатель Виктор Моние, ответственный за научный раздел газеты «Равель», приводил сравнение: спиритизм, в отличие от опровергнутых доводов физиков, придерживающихся материалистического пути, это все равно, что нетронутая топором, бурно разрастающаяся лесная чаща. Ведущий писатель той же газеты Август Багери рассказывал, как и те четырнадцать тысяч человек в Америке, которые с установлением в конечном счете истинности этого, вначале всеми осуждаемого спиритизма, поверили в него и единодушно подписались под ним, так и я вне всякого сомнения поверил в него, проведя опыты и испытав на себе.

У него есть книга «Миед Дели Стуар». В ней он поведал о весьма любопытных занятиях известного сперта – некой Дожерден.

А вот что рассказывал в 1896 году Брангайер, профессор лечебного факультета в Нанси, который, усыпив человека, проверил возможность лечения методом магнетизма. Усыпив С., он велел ему после пробуждения взять лежащую позади него серебряную ложку, спрятать в карман и сказать, что никого вокруг при этом не видел. Проснувшись, человек начал было исполнять... но, спохватившись, тут же положил вещь на место, сказав, что так не годится, это похоже на воровство. Стало понятно, говорит Брангайер, что разъяснения оказались нечеткими. Спустя время, он повторил опыт, и человек на этот раз, пробудившись после усыпления, исполнил все так, как ему было внушено: поднялся, оглянулся назад, сказал, что у него нет другого выхода, взял со стола ложку, припрятал в карман, произнес – «Человека этого не видел».

В статье Гартс Догасиен «Похождение во сне», опубликованной в парижской газете «Клуб» в номере за 14 июня 1843 года, есть такие строки: в доме номер 243, что на улице Валери Обала, живет доктор Коканн, здесь он принимает больных в своей процедурной комнате; будучи у него, мы стали свидетелями того, в какой глубокий сон можно вводить человека, используя гипноз.

Двадцатидвухлетний гипнотизер по имени Лапонин усыпал некую женщину с тем, чтобы доктор мог удалить у нее больной зуб. И когда он задал вопрос – осязает ли ее тело что-нибудь, спящая ответила, что ничего не испытывает. Тогда он, воспользовавшись булавочкой от ее шляпы, стал укалывать ей лицо, руку, язык, но она на это абсолютно не реагировала. Только после этого доктор приступил к операции. Рассек десну, пошла кровь... и было видно, что женщина ничего не воспринимает. После операции, когда ее вывели из гипнотического сна, она сказала, что никаких болей не ощущала.

За этой процедурой наблюдали двадцать человек, которые все видели своими глазами.

Лет тридцать назад на одном из французских кораблей в Индо-Китайском море произошел такой случай. Как-то часть команды, собравшись в каюте, проводила сеанс спиритизма, вызывая духов. В какой-то момент явилась душа одного из умерших их товарищей. Состоялся разговор. Выяснилось, что ее хозяин брал у капитана в долг пять франков двадцать пять центов, а вернуть не успел. И мается теперь душа. Она попросила проявить сострадание и отдать капитану эти деньги. Поинтересовались у капитана, но он не вспомнил. Упросили заглянуть в долговую книжку, и точно – такой долг числился.

При подобном же сеансе спиритизма в Марселе явившаяся душа обратилась к собравшимся с просьбой пригласить их соседа – торговца сахаром, которому она

должна сообщить нечто важное, но он не явился, сказав, что его не прельщает всякое там колдовство. Пусть придет, — настаивала душа. Речь идет о корабле, который он отправил в Красное море. И только тогда этот купец внял просьбам и, прия, спросил язвительно: «Ну, что ты можешь сообщить мне, лгун?» Душа сказала: «Какой тебе толк так чернить меня, несчастный?..» После этого она поведала о том, что случилось. Снарядив корабль, купец отправил ее в среду в Красное море с большой партией сахара. Были названы люди, имя капитана. С точностью определено время, когда через двенадцать часов корабль попал в шторм и едва добрался до берега. Приведя кое-что в порядок, команда вскоре снова вышла в море. До Ионии шли хорошо, но вблизи Метабана вновь поднялся шторм и испортился компас, корабль сбился с курса, а под утро, столкнувшись с чем-то, потерпел крушение и быстро пошел на дно. Спасти никто не смог. «Я — душа одного из погибших. Явилась сообщить тебе. Власти уже занимаются расследованием. На днях пришло известие и в порт. Там и можешь удостовериться в том, что я не лгала». То, что рассказала душа, оказалось правдой.

Исследователь спиритизма Озен Носи пишет: в 1759 году, когда произошло сражение английских солдат с американскими жителями, комендант Цицер Уильямс тотчас направил в Америку своего нарочного Джонсона Сосета Мэрда с поручением пригласить представителей американцев в город Нигера для окончательных переговоров. К моменту прибытия посланника в плену у американцев находился английский офицер Александр Калмри, попавший к ним в руки при первом же сражении. От него и была услышана впоследствии такая история: с прибытием нарочного американцы решили держать совет с душой по прозвищу Большая Черепаха с тем, чтобы обсудить предложение англичан. Для этой цели соорудили

большой шатер. Потом пришел тот, кто должен был вызвать душу и вступить с ней в контакт. И вот он приступил к ритуалу, выделявая невероятные движения, при этом вскрикивал и что-то бормотал, произносил замысловатые слова. Наконец, доведенный до экстаза, остановился и в изнеможении распластался перед самым шатром. И в этом миг шатер зашевелился, раскачиваясь из стороны в сторону, заходил ходуном, а изнутри уже доносились наводящие ужас завывания и дикие голоса. В самый такой момент общающийся с духами вполз в шатер, а когда, наконец, раскрасневшийся и потный, выскочил оттуда, к нему ринулись люди, жаждущие узнать – что же им советует Большая Черепаха? Она сказала – надо ехать. Она одобрила. Более того, привела подробности: люди будут приняты с почестями, комендант одарит всех подарками. Большая Черепаха даже назвала эти подарки, в числе которых – дорогие вазы и драгоценности.

Весь этот рассказ впоследствии полностью подтвердился.

А вот что вспоминает турецкий сперт Хасан Марзух, окончивший школу спиритизма в Париже, в своей книге о магнетизме и спиритизме, вышедшей в Стамбуле: «Нам, спертом, в Париже, не раз приходилось вызывать и разговаривать с духами, но, пожалуй, чаще всего мы общались с душой по прозвищу Жаксаза. Дело в том, что всегда безошибочными и абсолютно правдивыми оказывались сообщения и предсказания именно этой души. Однажды мы поставили перед ней довольно сложный вопрос. Доколе, спросили мы, турецкий народ будет терпеть насилие и злодеяния своего султана Абдул-Хамида? На это душа ответила: «Он сойдет с трона на девятом месяце тридцать третьего года со времени своего правления». А на вопрос – когда же его настигнет смерть, она сказала, что это скорее всего случится после смерти

Франца-Иосифа в Австро-Венгрии, по-видимому, месяцев через шесть.

Так и случилось: Абдул-Хамид сошел с трона как раз в тот месяц и год, который был назван душой, так что сообщение о том, что Абдул-Хамид умер в Сламеке, было неверным. Ну, а как с предсказанием смерти? Это время еще не наступило, оно впереди, пока нужно ждать, и тогда будет видно, говорит Хасан, который свою книгу выпустил в 1909 году, то есть сразу же после смешения Абдул-Хамида с трона.

Теперь – о первых опытах спиритизма в Америке и Европе. В 1847 году в Гизоиле, что в Америке, поселилась семья Носа из Германии. Гизоиль – это предместье в Ден-Котле, охватываемом Аркадией города Нью-Йорка. В этой семье, взявшей себе американскую фамилию Фокус, было четверо – отец, мать и их дочери. Старшая дочь Маргарет – пятнадцати лет, младшая – двенадцатилетняя Кейт. Через какое-то время в их доме начались странные и непонятные явления: с крыши, из-под пола, из-за стены временами доносились самые разные звуки и шорохи, кроме того, когда в доме никого не бывало, оказывались разбросанными одеяла, подушки и другие вещи. Дольше всех пугались Кейт. Но постепенно свыклась и она. Стала даже заводить игры и шутки. Щелкала пальцами, хлопала в ладоши и приказывала: «Эй, хромой черт, а ну-ка повтори все это!» И что удивительно, кто-то невидимый исполнял и воспроизводил все, о чем просила или делала девочка. Кейт начала понимать, а потом пришла к убеждению, что имеет дело с духами. Так она, можно сказать, стала настоящим спертом.

Повзрослев, Кейт переехала в город Ошестр, что на берегу реки Аери. Здесь она серьезно занялась спиритизмом, с увлечением проводила сеансы, демонстрируя чудеса. По-разному реагировали на это возбужденные жители города, но больше все-таки было настороженности и недоверия. Организовывались

комиссии, проверки и исследования. Но выводы всегда оказывались едиными: обмана, шарлатанства не видно, а существование какой-то энергии или силы – очевидно. Однако наиболее невежественный люд, одолеваемый страхом, угрожал изрубить ее на части, как нечистую силу. Они не раз делали эти попытки, и Кейт, конечно же, не миновать бы гибели, если бы не спаситель – местный священнослужитель Джордж Обленс, которого очень почитали и сами горожане. Защищая Кейт, он строго сказал, что они смогут покончить с ней только в том случае, если осмелятся убить его самого и перешагнуть через его труп.

После этих событий появились публичные выступления таких американских знаменитостей, как Однос Мефс, Руберт Кеер и лондонский профессор Крокс, которые тоже подтвердили, что обмана и колдовства здесь нет, а их собственные исследования доказывают существование некой энергетической силы.

Обозреватель уже упоминавшейся газеты «Равель» Август Багери подытоживает: та самая, нашумевшая история со спиритизмом в Америке, когда это явление вначале подвергалось жестоким ударам, а потом было признано и отстаивалось четырнадцатью тысячами подписей американцев – это все связано с именем Кейт, с ее спиритическими опытами.

Знаменитый английский ученый Цормент Крокс вспоминает такой случай: один из спертов, абсолютно далекий от всяких наук, заявил, что он, вызывая и общаясь с духами, говорит с ними на языке ученых философов, используя их научный лексикон, и что у них все получается ладно. Не поверив, испытал его сам. И он на все мои вопросы, по которым ведет беседы с духами, отвечал правильно, в соответствии с научными методами. В обычной же жизни этот сперт – обыкновенный невежда, который не может ответить не только на научные, но даже на самые элементарные вопросы.

Весьма популярный во Франции сперт, девушка по имени Жанна д'Арк при беседе с душами обычно конспектирует все. Другой сперт, Колбен Штобе, перед встречами с душой специально для нее кладет на стол или в сундук чистый лист бумаги, и на нем потом оказываются оставленные душой записи. Известен и такой факт, когда к спертам являлась душа изобретателя громоотвода Бенжамина Франклина и обучала их искусству спиритизма. Некоторые души, рассказывают сперты, жалуются на то, что за них некому помолиться, чтобы отпустить им их былые грехи, а потому у них теперь нет путей для возвышения и совершенства. Некоторые, к примеру, говорят, что причиной тому – висящие на их шее долги. А вот еще более удивительное: к спертам прилетают души далеких марсиан (планета Марс по-мусульмански – Марных) и обмениваются разными сообщениями. У них своеобразный язык. Вот одна из записанных фраз: «Кеуи кашан бример ем па еб», что означает – «Когда он еще вернется...»

О спиритизме размышляли и многие известные поэты и писатели, излагая эти мысли в своих произведениях. Подтверждение моим словам – книги Тиопеля Коньена «Сперт» и Мишляна «Любовь». Не стоял в стороне и выдающийся французский писатель Гюго. Вот какую мысль он выражает в поэме о спиритизме: многие воспринимают как веселую потеху и ублажают свою душу, наблюдая за перемещением стола, «внявшего» слову. Давайте открыто уясним себе, что абсолютно неуместно столь легкомысленно относиться к подобным явлениям.

Ряд крупнейших ученых, искушенных в научных делах, да и газета «Спенс» на германском языке, которая выпускалась, кстати, людьми солидных знаний, утвердительно говорят о существовании фахризма. Это – занятие индийских магов. Их называют фахрами, отсюда и фахризм. Они не обучались,

ни у кого ничего не заимствуя, не совершенствуясь и не очищаясь, умеют делать чудеса, которые не под силу простым людям. К примеру, если фахр говорит сидящим в комнате, что они не смогут встать с места без его позволения, действительно, никто из них не в силах был даже шевельнуться. Это, по-моему, что-то похожее на деяния наших бахсов. Разве не приходилось нам наблюдать в детстве, как кто-нибудь из бахсов вскакивал на строптивого коня и укрощал его без всякой узды, а потом въезжал в огромную шестирешетчатую юрту и одним махом вылетал на коне из ее верхнего проема – шанырака. В обычном состоянии ничего из этого, понятно, ему свершить не удалось бы.

Турок, сперт Хасан Марзух, о котором уже говорилось, в своей книге описывает такой случай. «Узнав о человеке, у которого будто бы «дурной глаз», мы попросили его навести свой взгляд на первого, кто появится в воротах. И вот въезжает на муле священник. Человек мигом нацелил на него свой взор. И вдруг мул, находящийся в двухстах шагах от нас, споткнулся, и священник, свалившись, отлетел в сторону. Подбежали к нему, ушибов не было. Смущенный священник, ничего не сказав, уселся на мула и уехал. Прохожие удивлялись: с чего бы это спотыкаться мулу? Мы же были изумлены действием «дурного глаза».

Иногда душа даже живого человека, обходясь без его чувственных восприятий, может и сама улавливать, предугадывать что-либо внезапное и проделывать то, чего человек сам бы никогда не смог сделать. Известен лунатизм. Интересующиеся науками знают о нем, европейцы называют его сомнамбулизмом. Иначе говоря, это такое явление, когда спящий человек поднимается и разгуливает, совершает какие-то поступки и действия, потом возвращается и ложится, а пробудившись, ничего этого не помнит. На нашем языке это – хождение во

сне. Некоторые из таких людей в сонном состоянии взбираются на крышу дома и, не теряя равновесия, проходят по самому ее краю, совершают круг, потом, спустившись по ступенькам, возвращаются и ложатся на место. Проснувшись, абсолютно не знают и даже не подозревают, что происходило. Такое случается нередко. Нам и самим приходилось наблюдать подобные явления.

Бывает, у человека где-то потянуло, дернулась какая-то жилка, и он уже знает по этой примете – должно что-то случиться, и действительно, так оно и получалось. Иногда точь-в-точь сбываются и сны. Это очень частые явления.

Одна женщина, путешествуя и будучи в Италии, когда смотрелась в зеркало, приводя в порядок свой наряд. Вдруг в зеркале появилось отражение ее тринадцатилетней племянницы, оставшейся в Париже, и послышался ее голос: «Видишь, тетя, я ведь умерла». В своем недавнем письме мать девочки, младшая сестра этой женщины, ничего страшного не сообщала. Но, очень обеспокоившись, не дожидаясь следующего письма, женщина вернулась в Париж, и оказалось, что девочка и вправду умерла и именно в тот день, когда ее отражение появилось в зеркале.

Какой-то человек в Америке соблазнил свою близкую родственницу, а потом, узнав, что она беременна, стал прятать ее от людских глаз. Но, понимая, что это все равно обнаружится, решился на убийство. После этого последовали такие события. Однажды ночью к одному мельнику явилось привидение в образе убитой девушки. Он услышал, что она погибла от удара ломом, что ее одежда спрятана там-то, а тело зарыто в таком-то месте. Сказала еще, что, если он не сообщит судье, то сам получитувечье. И тут очертания внешности девушки стали четче и обрисовались полностью – проломленная голова, обезображенное тело, истекающее кровью, силуэт

ребенка... А так как напуганный мельник не пошел к судье, привидение не оставляло его в покое, трижды являлось к нему. Мельник вынужден был сообщить и, поскольку при расследовании его рассказ подтвердился, были приглашены сперты, которые, вызвав душу девушки, по четырем стенам комнаты расставили восемь аппаратов и сфокусировали на снимке силуэтное изображение убитой девушки и ребенка; этот снимок, говорят, по сей день находится в Доме научных собраний. Первооткрывательница спиритизма в Америке Кетти Кипикак тоже подтверждает наличие такого снимка, полученного с помощью фотоаппарата.

... Ночью во дворе одной ученой женщины залаяли собаки. Она вышла, осмотрела все вокруг, но ничего так и не увидела. Вернулась в дом, собралась было гасить свет, как вдруг заметила в комнате какого-то человека. Им оказалась знакомая женщина, торгующая фруктами. Гостья заговорила, но была немногословна, подчеркнула лишь, что теперь она еще несчастнее, чем раньше. С этими словами она неожиданно исчезла, будто растворилась. Хозяйка дома опешила, не понимая, каким образом здесь очутилась эта женщина. Взглянула на дверь, на ней – крючок. А наутро стала свидетельницей того, как горит дом, в котором жила та бедняжка. И еще узнала, что эта женщина уже спала, когда ее образ она увидела в своем доме ночью.

Оставшимся в живых в доме, как бы они не ломали голову, конечно, трудно будет понять эти события, потому что им неведомо происхождение жизни. Возможно, что-то для них стало бы ясным, знай они о том, что говорят так называемые идеалисты.

А говорят они о том, что в мире не существует реальных вещей. То, что мы видим, это всего лишь наша фантазия, ее зеркальная тень или что-то вроде миража. Действительное же заключается в другом. Вот их аргументы.

Все наши чувства обманчивы. К примеру, глаза по-разному могут передать то, что маревом дымится вдалеке. И ухо один и тот же голос может уподобить самым различным звучаниям, да и мысль воспринимает что-то по-своему, а на деле оно оказывается ошибочным. Нет у нас такого чувства, которое определяло бы все с абсолютной точностью.

Нет также никакого различия между состоянием сна и бодрствованием, они одинаковы. Чего только не видим во сне. Так же и наяву. Мы ведь не вооружены таким средством, которое, проведя различительную грань, устанавливало бы нереальность сновидений и истинность того, что не во сне. Наше чувственное восприятие, в которое мы верим как в единственно верное, обманывает нас. Так что и сон и бодрствование – они одинаковы.

Известный нам Платон в своей книге «Государство», говоря о когда-то существовавших людях, которых он называет племенем троглодитов, размышляет над таким примером. Эти люди рождались и жили в темной, как подземелье, пещере и никогда в своей жизни не видели света. Один из них однажды каким-то образом натолкнулся на замурованную, не пропускающую в пещеру света, дверь. Она открылась, и он вышел наружу. Его ослепило, он ничего не видел, но, свыкнувшись, сразу же воспринял все – солнце, деревья, воду, траву, горы ... Представшая перед его глазами красота привела его в неописуемый восторг. Обрадованный он пришел и рассказал об этом своим соплеменникам, но они, посчитав, что он лишился разума, стали смеяться над ним. Но этот бедолага никак не мог молчать о том, что отчетливо видел такие прелести природы, потому не унимался, повторяя, что все это правда. Тогда его решили утихомирить, хорошенько пристукнув. Но и осуждать их за это нельзя, потому как ничего подобного они в своей жизни не видели. Да и не пошли, не проявили

интереса, чтобы убедиться. А отнесись они осмысленно, не тронули бы, конечно, этого беднягу. Поэтому тем и довольствуются, что говорят: «Мы никогда не видели и не знаем этого, а раз не знаем, значит, того, о чем ты рассказываешь, быть не может». Что тут поделаешь?

Основная цель всех слов этой книги – как-то выяснить, есть ли у высшего создателя разум и познания, исчезает ли душа после смерти? Вот и написал сколько знаю о том, что говорят по этому поводу те, кто считает – «есть» и кто отрицает. Побольше написал о таких явлениях, как магнетизм, спиритизм, телепатия, фахризм, лунатизм, сновидение, являющихся аргументами против тех, кто говорит, что души нет. Написал больше не для того, чтобы порассказать интересные сказочки, а чтобы показать, что представляет собой каждое из них.

На эти два вопроса, существуют ли Всевышний и душа, ответы давались много раз и издавна высказывалось множество суждений. И всегда бывало так, что временами господствовало то одно направление из этих мыслей и ответов, а временами преимущество переходило к другим из них. Но, бесспорно, какие бы доводы ни приводил, какие бы мысли ни допускал кто-либо из нас, мы непременно будем пленены кем-то из древних мыслителей и станем, как говорится, петь его песню. Мне думается, не осталось таких мыслей, слов и дел, которые не осмысливались бы, не высказывались и не делались в древности. Всему начало положили они. Но многое из того было забыто и потеряно. Причиной тому, конечно, течение времени, пролетавшие века, гибель и смерть. И все же в какие-то моменты прежнее вдруг вновь всплывало, но в обновленном виде, надев на себя одежды уже другой нагрянувшей эпохи. Разве ученые Европы XVII, XVIII и XIX веков не возносили высоко идеи давно ушедших из жизни греков-ионян Эпикура и Демокрита? А Дарвин из XIX века, не

украсил ли пышными перьями мысли старинный посох
деяний Маиена, кости которого давно истлели.
А Коперник, живя в XVI веке, не надел ли, обновив,
древний чепец грека-ионянина Пифагора, от праха
которого, наверное, не осталось и пыли? Энергия
электрии, которую мы причисляем к своим недавним
открытиям, не являлась ли давнишней находкой
греков-ионян?

Ушли хотя и певец, и кюйши,
Мелодии и песни – все те же.
Они сами из жизни ушли.
Но остались их шапки и посох.

Так вот и мы, касаясь тех двух вопросов, стараемся
создать подобное одеяние из лучшего, что заключено
в высказываниях прошлых ученых, украшая его лоскут-
ками своих, самородных мыслей. Но опять же, то, что
мы сейчас считаем своим, первичным, возможно,
когда-то и кем-то уже высказывалось. Этого я не знаю.

ВЫВОДЫ

Причинные источники всего существующего – в без-
мерности познания, могущества и искусности творца.
Мои обоснования: если следовать науке, то ничего из
существующего не создается и не движется само по
себе. Как они могут придать сами себе жизнь и дви-
жение? Этому необходима причина. Тогда могут
сказать, что данной причине нужна другая причина, а
ее, конечной причины, нет. В таком случае должна
быть коренная беспричинная причина. И эта бес-
причинная причина и есть – создатель. Такой бес-
причинной причиной могут считать атом, свет. Но
ведь и они небеспричинны, и тут у меня такой довод –
они наделены движением, которое поддается изме-
рению. Измеряемая вещь не создается сама по себе.
Если говорят, что движение происходит по законам

притяжения и отрицания, то и такому движению нужна причина. И должен быть основатель подобного закона. К тому же у таких первооснов, как атомы, имеются мужские и женские начала. К примеру, сила вещества. Она двуедина, обе части нуждаются друг в друге, и какая же тогда логика в утверждении, что такая вещь существует сама по себе? Поэтому их первопричиной является беспричинная причина – первосоздатель.

Безмерность познаний, изобретательности и всесилия этой беспричинной причины проявляется хотя бы в следующем. Все сущее в мире, каждая вещь бытия, если посмотреть, созданы не бесцельно, не без необходимости. Не надо далеко ходить, взять наши уши, нос, рот... Все имеет целесообразность. Или же – корни растений и деревьев, их сердцевина, кора, листья, соцветия... Ни одно из них не бесцельно, и этого, при научном подходе, никто из нас отрицать не станет. Подобный путь созидания, прокладываемый первопричиной, говорит о том, что ее познания, уточненность могущества – неисчерпаемы. Если все это создавалось бы бесчувственной, слепой природой, откуда бы тогда взяться такой целенаправленности, познаниям, раскованности, гармонии, изяществу во всем, такому стремлению к совершенству? Тех, кто утверждает, что все возникает случайно и самостоятельно, серьезно осуждал, к примеру, замечательный психолог и философ, знаток науки о душе, безоглядно-отчаянный Вольтер, называл их сумасшедшими. Ведь не только ученые, а даже дикии должны были понимать, что совершенная вещь она во всем совершенна, а действия несовершенного также несовершены.

О мудрости и уме разумного, о моци сильного, о виртуозности мастера мы судим по их делам. На мой взгляд, все то, что существует в мире, что мы и сами таковы, каким наметил первосоздатель, ежесекундно вещает и кричит о неизмеримости его познаний и мастерстве:

Своих тайн глубину
Расскажет нам мир и покажет.
Но наша мысль безмозглая
В эгоизме своем не внемлет тому.

По поводу первосоздателя кто-то может затеять и такой разговор: допустим, скажет он, что первосоздатель, как утверждаете вы, это и есть беспринципная причина, в таком случае возможно ли, чтобы этот первосоздатель сам создавал то неисчислимое множество вещей, сплетая и сочетая их из сотворенных им же мельчайших основ, как атомы? На это отвечу так, если я, будучи непревзойденным знатоком и искуснейшим умельцем, создал чудо-машину, которая сама выпускает все необходимое, что вы на это скажете – моя это работа или машины? На первый взгляд, все вещи выпускает, конечно, машина. Но ведь это я придал ей такую энергию и изобретательность. Ну, а меня самого умом-разумом и мастерством одарила существующая природная основа мироздания, благодаря чему машина и выпускает множество вещей. А ее, эту природную основу, столь необыкновенными качествами, выходит, наделил первосоздатель. Кто же теперь, скажите, является основным хозяином всего? Конечно же, верховный творец. Это следовало бы учитывать, чтобы понимать значение слов, когда говорят – «все существующие в мире вещи создает всевышний». Но этого не могли понять и объяснить муллы старой религии, поскольку любая из религий слаба и неопытна в познании тайн происхождения всего сущего.

ЧТО ТАКОЕ ДУША?

Душу я понимаю так. Если сущность души исследовать так же, как мы исследуем глубинную суть тела, выяснится, что душа, как и тело, существует изначально. Исследователи тел говорят о силе вещества так: «сила» –

это и есть душа. Из этого, «занаряженного» душой тела прорастает и развивается другое тело, развивается и душа. С точки зрения науки тело подвержено самым различным изменениям, но ничего в нем вроде бы никогда не исчезало. И душа ничего не теряет. У нее, в соответствии с состоянием тела, тоже бывают периоды подъема или спада, полнокровности или беспомощности. Представьте, к примеру, каковы души у только зачатого ребенка или же у личинок, отложенных в сентябрьскую землю насекомыми?.. У растений души таковы же, как и у животных, если не считать, что у растений меньше свободы для жизнедеятельности. И посмотрите, какие всевозможные, поражающие человеческий ум, качества и свойства, к примеру, у пшеницы, проса, различных корений, у семян плодов находят и используют люди двадцатого века. Откуда же, как не из тайников той самой природы, которую считают слепой и бессознательной, черпаются эти изумляющие свойства; сам-то человек не в силах сотворить ни единой мухинки, ни пылинки, рожденной этой слепой, неразумной природой. Конечно, из того, что взращено ею, человек, скажем, сможет добыть и яйца, и мясо, но, наверняка, что-то из них по велению человека не взлетит, превратившись в птицу, или же не вскочит и не пустится в бег, обратившись в животное.

Будем говорить даже так: с дальнейшим развитием науки человек, допустим, научится одушевлять эти самые яйца и мясо, вкладывая в них душу из сотворенной природой души, но и тогда, какой здравый разум скажет, что их первосоздателем является человек?

Каким образом тело пользуется воздействием души? Есть тела, которые оказываются под быстрым воздействием души, но есть, которые находятся под ее длительным влиянием. Подумайте, к примеру, о том, как вынашивают детенышей в утробный период мелкие

животные или же слон и верблюд. Слон вынашивает 20 месяцев, а кролик – всего месяц. Есть также и такие тела, которые, не получая заряда души, как бы умирают. К примеру, камни, истлевшие кости, песок, пепел – это либо сгоревшие, либо сгнившие тела. Но, думаю, что и они, с истечением времени, соединившись с душой, становятся способными к восприятию. Мои доводы: если обратить внимание на мох, которым обросли камни и кости, можно заметить, что под мхом есть какая-то, похожая на землю, прослойка, которая и держит его на их поверхности. Откуда приносит природа это, похожее на землю, вещество?

Я думаю, что подобно тому, как земля, вода и тепло прорщаивают растения, так и на камне, с воздействием и присоединением к нему воздуха и водного тепла, начинает произрастать мох. Более того, по-научному, когда все существующее на планете вновь превращается в газ, то, ясно, и камни уже не остаются в форме камней. Если мои мысли верны, то камни и мох, хотя и сгорают в огне, спустя времена, соединяясь на сгнивших телах с душой, приобретают возможность живого восприятия и развития.

Поскольку пришлось к слову, поговорим о таких процессах, как горение и гниение.

ГОРЕНИЕ И ГНИЕНИЕ

В научном толковании у горения и гниения – один корень, одно назначение. Без них не обходится процесс естественного распада тел и распространения их составных частей в окружающей среде. Действие огня, правда, происходит быстрее. При этом выделяющаяся из пламени угольная кислота, смешиваясь с воздухом, становится необходимым питательным веществом для животных и растений. Это означает, что даже запахи, исходящие при сгорании и гниении тел, не исчезают бесследно, а,

пройдя цикл превращения, проникают во все сущее, пребывают в них.

Вернемся теперь в связи с этим к душе. Как я уже говорил, душа существует извечно и, поскольку это так, она также не может абсолютно исчезнуть, когда, скажем, покидает тело, которое уже не может служить ее вместилищем. Нет никаких оснований думать о ее абсолютном исчезновении, если даже считать, что душа только видоизменяется. В своих различных проявлениях она продолжает существовать во всем окружающем. До сих пор я говорил о душе в целом, не затрагивая ее различных проявлений, которыми каждая душа отличается друг от друга. Ей могут быть присущи такие свойства, как инстинкт, сознание, мысль, ум. Подобные различия и разнообразие, по-моему, зависят от природы самого тела и существующих причин. С его изменениями растет, развивается, возвышается и душа. У растений, например, больше наблюдается такое свойство души, как чувствительность. К примеру, ощущая тепло, растение оживает, а при холодае замерзает, сникает. Да и сама чувствительность у них не одинакова. Известен такой пример из книги о растениях, одно из которых обладает необыкновенным свойством: может изловить какую-нибудь мушку, севшую на его цветочную пыльцу, затем переварить ее, оставив лишь оболочку. Такие действия близки к осознанным. Можно сказать, что инстинктивное сознание присуще для всех вольных животных, среди которых, как нам известно, есть более разумные, с более развитым инстинктом. Люди хотя и не так далеко ушли от животных в своих инстинктах, но проявлять полноту и глубину ума могут только они.

Существует такое суждение о душе. Оно утверждает, что душа, вселившаяся в живые тела, не может отделиться от их душ, поскольку новая душа сливаются с ними в однородную массу наподобие того, как

смешиваются в единое вода с водой, земля с землей. Такое суждение считаю легковесным. Думаю так, потому что мы постоянно убеждаемся в самостоятельном существовании души, скажем, по проявлениям таких ее свойств, как воля, мысль, цель, ощущения, знания. А вот таких доказательств того, что душа неотделимо сливаются с телом, у меня, к примеру, нет. Скорее всего, она соединяется не так, как соединяются между собой тела. Ее же соединение легко разделимо. И чьей бы это ни было волей, слепой и бесчувственной природы ли, всевышнего творца ли, словом, кто бы из них ни создавал, разве не сопровождают они процесс бытия соединением тел, их всевозможными видоизменениями, распадом их элементов, разделением мельчайших основ, служащих источником самых разнообразных свойств?

Проследить хотя бы весь наш путь от того момента, когда мы научились высекать огонь, и до обнаружения энергии, создания радио? А что из себя представляет вода? На первый взгляд, это ведь неразделимое вещество. Но кто-то же определил, что она настолько-то должна состоять из водорода, а в такой-то части – из кислорода для того, чтобы их можно было разъединить и использовать для каких-то нужд или же, при необходимости, снова соединить их, превратить в воду? Все это, конечно, воплощается через созданного слепой природой человека. И кто бы этим не управлял, глухая ли природа, высший ли создатель, сотворившие вначале газ, затем жидкое, а потом и твердые тела, из которых порождено неисчислимое множество существующих вещей, свойств и качеств, – кто же из разумных сможет сказать, что все это созданное ими не имеет целесообразности или какая-то из вещей сработана не так?

Видя, что ни одно из указанных выше свойств и качеств души вовсе не похоже на действия и качества тела, видя, что душе не свойственны присущие телу

всякие разрушения и изменения, я прихожу к убеждению: заметно именно то, что при каждом следующем процессе круговорота душа идет к новому качественному восхождению. Поэтому всякое беглое, без глубокого осмысления, принятие на веру высказываний вышеназванных Дольна, Фламмариона, Герберта Спенсера, Стуармеля, профессора Фонтеля, будет очевидно легковесным.

УЖДАН – СОВЕСТЬ

Человеческую скромность, справедливость, добродетель в их единстве я называю мусульманским словом уждан, русским – совесть. Уждан-совесть. Что это такое? Кто ее создает? Некоторые, отвечая, говорят, что это – человечность, честь. По-моему, это все равно, что говорить о совести. Я тоже задавался таким вопросом, но ответа на то, откуда она исходит, вроде бы нет. И все же, по-моему, совесть – есть желание, потребность души. Это потому, что душа является такой сущностью, которая никогда не исчезает, не поддается порче, а с каждым разом все совершенствуется, идет к возвышению. Это потому, что она делает для себя обязательными такие причины, которые ускоряли бы ее возвышение. К примеру, – чистоту тела, чистоту и полноту нрава, помыслов и дел. И одной из ее первейших потребностей должна быть именно совесть. Она потребна душе не только для существующей, но и последующей жизни. Если бы она была необходимой лишь для земной жизни, это, выходит, она призвана служить некой корысти или похвалы. К примеру, для удовлетворения желания человека, который не прочь думать про себя: «Пусть будет вознесено мое имя, пусть обо мне разнесется молва в народе, пусть люди говорят – «Ах, каким праведным был этот человек!» Другого понимания здесь нет. Это так, а иначе для чего нужна совесть, если ее владелец стоит

на том, что никакой, де, души, никакой там последующей жизни нет. Какая же тогда разница, что этакая машина, в которую слепая природа не соизволила вложить душу, поступает по совести или нет. В таком случае нет никаких оснований на то, чтобы говорить: «Пусть облагодетельствует всевышний», потому как его существования они не признают. Тем более, что глухая природа их слов о всевышнем не слышит, не внимает им. Вот и удивляюсь тому, что люди, отрицающие всевышнего, прибегают к словам: «Пусть благодеинствует такой-то!», «Пусть процветает то-то!» Это что – повеление или пожелание? Если повеление, то – кому, если пожелание, то – от кого?

Я думаю, что бы там ни говорили, как бы ни старались свести на нет всевышнего, здравое свойство души не отступит от того, чтобы не привести к ее признанию. Но этого человек не осознает, ибо не может превозмочь ему привычного.

Отрицающие существование души, о которых говорилось выше, считают, что душа – это некое присущее мозгу и неотделимое от него качество. Сказать так – это все равно, что провести по тому месту, где находится душа, и не обнаружить, не почувствовать ее. Местом средоточия души является головной и спинной мозг, который подобен сосуду с батареями, вбирающими в себя энергию электрии, их разрушение ведет к оттоку электрии, так отлетает и душа со смертью человека. При этом она, эта душа, будто бы вселяется в какое-нибудь животное, а с его гибелью – в другое и так продолжает свое переселение. Каково же обоснование подобному утверждению?

Коль скоро это так, возникает вопрос: отлетевшая душа вселяется в тело уже облеченнное душой или же в тело, не имеющее ее? Если тело имеет душу, нужна ли ему еще одна, тем более, что оно абсолютно не ведает о том, что в нем живет своя собственная душа? Ну, а если действует стремление стать душой мертвого, так

какая необходимость и в этом, поскольку у человека умершего опять-таки есть своя душа, которая хотя и покинула его, но не исчезла вовсе, а где-то витает, находя убежище и преображаясь в телах животных. К тому же, несмотря на то, что она стала душой животного, себя ведь никак не теряет и не перестает осознавать свою первоначальную суть. Разве это не схоже с постулатами религии брахманов, утверждающих, что в последующем душа, видоизменяясь, в меру своих деяний на этом свете, испытывает или же блаженство или же мучения?

Отрицающие существование души в качестве еще одного довода говорят о круговороте, когда все в этом мире заново превращается в газ, затем в жидкость, которая, остывая, твердеет, и вновь рождается планета. На ней появляются и люди, и животные, и растения. Только все, что было раньше, абсолютно не похоже на то, что образовалось заново. Но все это вроде бы не остается в нашей памяти, поскольку, когда происходят изменения, исчезают все ощущения и чувства. Такое понимание отвечает представлениям теологов, которые как раз и живут в ожидании подобной катастрофы.

Есть еще и такой довод: это путь природного происхождения вещей, когда все сущее в мире создается в самой природе; а поскольку это так, хотят сказать они, отрицающие душу, какова же необходимость во всяком другом творце? Что здесь получается: слепая, ничего не ведающая природа представляется ими то как нечто действительно невежественное и бессознательное, а то как – наделенное умением осуществлять отбор, умением возвышать. Наверное, вы это заметили?

Может ли перевоспитываться тот, что должен встать на путь исправления, если у него нет ни цели, ни стремления? Да и может ли воля и устремленность исходить от того, кто не наделен чувствами и сознанием?

Еще один из их аргументов – это путь сородства в природе. Но о нем уместнее говорить, когда речь заходит о тайнах происхождения, а не выделять в виде доказательства, которое будто бы отрицает существование творца и души. Выходит, что люди, животные и растения прошли долгий путь видоизменения, оставаясь вместе с тем схожими между собой, поскольку у них единое начало, одно происхождение – некие живые существа, некогда вышедшие из воды на сушу. Животные и люди зарождались, говорят, друг от друга, претерпевая изменения. Выскажу свои мысли по этому поводу, хотя к разговору о всевышнем и душе они не столь и нужны.

Если не иметь в виду первосоздателя, то, наверняка, никакой здравый ум не будет спорить того, что все растущее и развивающееся в мире создается и преображается природой. Но мое сознание никак не воспринимает суждений, строящихся на том, что существует схожесть претерпевших изменения вещей, когда начинают твердить и доказывать, что, мол, вот это зародилось конкретно от того-то, а вот это – именно от этого. По-моему, в ту пору, когда происходило смешение земли и воды в единую массу с тем, что имелось в окружении, были созданы условия и причины для зарождения растений и животных, которые в дальнейшем развивались схожими, отдаленно схожими или вовсе не схожими между собой, причем, в соответствии с определенной соразмерностью земли, воды и воздуха в составе окружающей среды. Чтобы убедиться в правоте моих слов, присмотритесь к тому, насколько схожи, отдалено схожи или вовсе не похожи друг на друга растения, произрастающие в одной окружке, в одной местности – на солончаке ли, в зеленом ли овраге или на побережье реки; стоит исследовать и такие факторы их роста, как земля, вода и воздух. Если верны умозаключения Дарвина и Маиена, то получается, что эти растения

зародились друг от друга, а в последующем видоизменились. Тут можно привести такое сравнение: если от лошади и осла и может народиться мул, то от двух лошадей он произойти не может.

Выводы из всего сказанного таковы: правда, что у всего сущего одно родительское начало; правда и то, что, имея однопричинное происхождение, они подвержены изменению; но не может быть такого, чтобы все схожее рождалось друг от друга и в процессе изменения превращалось в другой вид. Схожие, или в какой-то степени схожие, или же вовсе отличающиеся друг от друга, происходят и развиваются в соответствии с заданными им причинами и условиями. Эти слова я говорю вовсе не из какого-то чувства стыда за того, кто произошел от обезьяны. Напротив, здесь уместно именно то, чтобы радоваться происхождению чего-то лучшего от дурного. Молодые люди, которые теперь постигают науки на русском языке, не осмыслив моих суждений, подойдут к ним поверхностно, могут и осудить меня за то, что я оспариваю высказывания Дарвина, взгляды которого сегодня вроде бы признает вся Европа. На это я скажу: прочтите книгу германского ученого Дидвара Дотмана о дарвинизме, в которой он критикует учение Дарвина о происхождении видов и естественном отборе; прочитав, сравнив, взвесьте и оцените Дарвина и Дидвара, а потом можно и осуждать меня, это, думаю, никогда не поздно.

Мои выводы в конце этой книги в большинстве своем основываются на полемических высказываниях ученых Европы. Я заостряю свое внимание на тех из них, которые воспринимает моя мысль. При этом, стараясь быть беспристрастным, надеюсь, что односторонности я не допустил. Для своих каких-то новых выводов я беру то, чтоозвучно с моими мыслями. Ведь, кто не без лести говорит, что очень правильны слова такого-то, а потому, дескать, какой нам толк

читать и придумывать еще сверх того, тот, считайте, «захоронил глубокие мысли в землю» и все равно что ослепил себя, выколов свои глаза.

Теперь о том, что я думаю по поводу высказываний тех ученых Европы, которые утверждают, что у таких явлений, как магнетизм, спиритизм, телепатия, фахризм, лунатизм, сновидение – единый источник энергии. Я говорю – есть и душа, есть и злой дух, есть и своя энергия у человеческой души. Подтверждения таковы:

1. Явление души, ее голос, ее достоверные свидетельства о своем владетеле.

2. Человек, который, не подозревая этого сам, оказывается от природы наделенным умением к знахарству, фахризму, а то и какими-то сверхсилами.

3. Различие источников энергии в таких трех явлениях, как лунатизм, магнетизм, вешние сны; думаю, искать для них единый источник движущей силы – это ошибочно.

Удивляюсь тем, кто говорит, что нет души и нет жизни после смерти. Чья же мысль им подсказывает эти слова? Сегодня, когда обнаруживаются ясные как солнце, доказательства того, что душа существует и не исчезает после смерти человека, разумно ли оставаться столь непоколебимыми в своих понятиях, уподобляясь муллам, которые не могут выбраться из привычных колодок своей обветшалой религии? Кто-то, восприняв разумом своим, искренне верит в то, что душа после смерти человека не только не исчезает, а становится еще чище и возвышенней; в понимании же другого – если умирает человек, то навсегда исчезает и его душа. Теперь, скажем, они сами оказались при смерти, причем оба знают об этом и оба в полном сознании. В каком же тогда расположении духа, с какой мыслью они уходят из жизни? Наверное, это – так: верящий в то, что душа после смерти очищается и возвышается, умирая, вероятно, пре-бывает в некоем блаженстве, а верящий в ее исчез-

новение оставляет этот мир скорее всего с чувством досады на то, что поздно пришел к пониманию бессмертия души и что лучше, если бы это ему было неведомо. Ведь человек, уверовавший в то, что уждан-совесть есть потребность души, испытывает угрызения, страдает от того, что когда-то в своей жизни совершил какое-то зло, и, наоборот, непомерно радуется, вспоминая о своих добрых деяниях. А если у человека нет веры в жизнь души и он считает, что совесть пригодна лишь для видимости, лишь для общей человеческой личины, для такого, видать, нет и особой разницы между добром и злом.

В таких случаях, наверное, остается лишь находить способ скрывать это, так сказать, уметь «заметать следы», ибо сердце человека, так и не поверившего в дальнейшую жизнь души, не поверившего в то, что совесть и душа это одинаково необходимая опора для обеих жизней, не смогут очистить ни одна наука, никакое искусство, ни один путь и никакой закон. Но, если же человек в полной мере уверует в посмертную жизнь души и в то, что совесть это ее первейшая потребность, тогда ничто не сможет сделать его сердце черным и черствым, потому единственный путь, который бы роднил людей как братьев, открывая им возможность жить в добре и в этом, и другом мире – это вроде бы мусульманский путь. Некоторые теологи обречены на мучения из-за убожества религии, из-за своей лености, а у творца есть знания, есть и своеобразная жизнь души после смерти. И ничто не ущемит и не обеднит человеческую душу, если ее, как в этой, так и в последующей жизни, питает и одухотворяет уждан-совесть. Собственно, это и есть та самая крепкая опора для духовного возвышения, и это как раз то, что я называю тремя истинами.

АПРЕЛЬ ШАКАРИМА

Шакарим... Если вслушаться в звукопись этого имени, то можно отчетливо уловить зов сквозь шорох космического гравия шуршащего звездами в ночном пространстве степи – зов неумирающего творчества.

Это имя где-то вольно рифмуется с казахскими значениями – шакыру, шакырым – в которых, если перевести, заключается древнее понятие зова и само пространство услышанного голоса, протянувшееся из эпоса веков в наше время, постепенно синевелировавшееся в обыденную версту, в заурядный километраж расстояний.

Мухтар Ауэзов в своей великой эпопее в силу реальных причин запрета расчленил это имя Шакарим на Шаке и Амир, тем самым сохранил этот образ в книге, воссоздав его для нас – читателей.

В своей бессмертной страничке, в своем стихотворении в прозе «Слово о Пушкине» Анна Ахматова просто и величественно сказала о гenie русской словесности – «он победил и время, и пространство».

Думаю, что это можно отнести и к возвращенному имени поэта Шакарима, несмотря на трагедийность его финала.

Можно запретить публиковать поэта.

Но – стихи его будут жить в народе.

Можно выстрелом остановить биение поэтического сердца.

Но – образы, рожденные им, найдут убежище в сердцах многочисленных читателей.

Можно, наконец, забросить тело убитого семидесятичетырехлетнего мудреца в забытый колодец...

Но – люди, воспитанные его поэтическим духом, все одно найдут, пусть даже тридцать лет спустя, и быть может, по одной только редкой пуговице, оставшейся от истлевшей одежды, опознают прах и похоронят рядом с великим Абаем.

Такова горечь вымысла и горькая правда степи.

Такова поэзия и проза реального мира.

Такова память народа.

«Кану я, но будут жить мои стихи».

Впервые с творчеством Шакарима, с его судьбой познакомил меня писатель и ученый Мухтар Магаунин. И вечное ему спасибо за это. Мне кажется, что до сих пор должным образом не оценен критикой его многолетний труд – книга «Кобыз и копье» и выстраданный им однотомник «Поэты Казахстана», который давно уже стал библиографической редкостью.

Четырнадцать стихотворений, переведенные русскими поэтами В. Рождественским и В. Цыбиным, впервые познакомили читателя Москвы и Ленинграда, братских республик с творчеством степного толстовца Шакарима. Это произошло в 1978 году, благодаря гражданскому мужеству М. Магауна, ибо он знал, что без Шакарима, без его «магического кристалла» творчества, многовековая поэзия Казахстана была бы далеко не полной.

До этого советский читатель не знал его стихов, но читая произведения Абая, Мухтара Омархановича Ауэзова, находил в примечаниях, что Шакарим, ученик великого поэта, перевел на язык казахской поэзии А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, арабо-персидских поэтов... Иногда залетали сведения из-за рубежа. Както мой товарищ, переводчик китайской литературы Александр Бобров принес китайский литературный журнал, утверждая, что в нем опубликован один из казахских эпосов. Я попросил его расшифровать иероглифы заголовка. Он прочел по складам «Калкаман – Мамыр». А составитель казахской поэзии

на турецком языке Ирфан Насреттин-оглу, который приезжал в прошлом году в Алма-Ату, недоумевал, почему Союз писателей Казахстана не включает в эту антологию стихи Шакарима, не раз опубликованные в Стамбуле?.. Но все это, благодаря апрельскому ветру перемен, позади.

Думаю, надеюсь, уверен – навсегда.

Как утверждается в реабилитационном постановлении, Шакарим Кудайбердыев по своему мировоззрению ярко выраженный демократ, просветитель, пропагандист, популяризатор в прямом смысле слова передовых идей, независимо от их географического и национального происхождения. Ему хорошо знакома западноевропейская философия, русская демократическая идея, художественная культура Запада и Востока. Шакарим следует традициям Абая, а кое-где и усиливает ее реалистический, критический дух, вносит в поэзию осязаемую живую струю. Все это определяет жизненное кредо, облик, миропонимание поэта и его становление как личности. Поэзия Шакарима Кудайбердыева сугубо новаторская по сравнению с тем, что было в то время. Благодаря высокому мастерству художественного перевода Шакарима произведения Пушкина, Физули, Низами стали доступны для понимания в каждом ауле, в любом уголке степи.

Талант Шакарима Кудайбердыева многогранен: он пишет обо всем, что волнует его, и пишет искренне, вкладывая весь жар поэтического сердца в свои произведения. Глубоко лирические стихи перемежаются с дидактическими, философскими размышлениями. Поэт обращается к таким вечным и постоянно новым понятиям, как честь, справедливость, человечность, милосердие, чувство и разум, глупость и ум. Его постоянно привлекает внутренний мир человека. Настроение, движение души ощущимо чувствуется в лирике поэта. Характерным в целом для

творчества Шакарима Кудайбердыева является глубокое понимание необходимости высокой художественности и социальной значимости произведений литературы. Во главу угла он ставит искусство слова, место и роль поэта в обществе.

Творческое наследие крупнейшего поэта, философа и мыслителя конца XIX и начала XX веков Шакарима Кудайбердыева становится достоянием исследователей и широких читательских масс. Как приходилось ему самому пережить многие сложные перипетии, так и поэтический талант его претерпел драматические тиски эпохи, которые в конце концов привели поэта к гибели в тридцатых годах. В течение более чем полувека творения поэта и сама биография его многострадальной судьбы оставались под негласным запретом.

Даже после реабилитации Шакарима Кудайбердыева в 1958 году, снявшей с него все ложные обвинения, оставался в силе командно-бюрократический прессинг.

В силу сложившихся обстоятельств, а именно прошел всего год, как открылись архивы по Шакариму и его творческому наследию, когда почти каждый день приносит нам новые факты его биографии – очень сложно раскрыть в полном исследовательском объеме жизнь поэта и время, в которое он жил.

Шакарим Кудайбердыев родился в 1858 году в Чингисских горах Семипалатинской области в ауле великого казахского поэта Абая. Занимаясь под руководством Абая, Шакарим становится, несмотря на то, что не учился в специальных учебных заведениях, одним из образованнейших людей своего времени. Как утверждает Мухтар Магаунин, Шакарим прекрасно владел турецким, арабским, персидским и русским языками. В это же время Шакарим не ограничивает свою учебу пристальным изучением классической восточной поэзии, лучших образцов

русской и европейской литератур, он внимательно штудирует труды по философии, по истории религии. Шакарим Кудайбердыев еще в начале нашего века совершил паломничество в Мекку, но это не мешало ему быть членом Российского Географического общества. В период своего путешествия в Саудовскую Аравию и в Турцию он много времени потратил на посещение различных библиотек Стамбула, чтобы пополнить и систематизировать свои обширные знания. Был в переписке с Л.Н. Толстым и перевел ряд его произведений на казахский язык. В своих научных трактатах Шакарим не раз спорил с философской концепцией Шопенгауэра, внося в этот спор свое понимание природы и человека.

Смерть Абая в 1904 году, а затем революционные события 1905-1907 годов глубоко потрясают Шакарима. Он покидает общество, поселившись в одиночестве в местечке Шакпак неподалеку от Чингисских гор, где занимается чисто литературным творчеством. В 1917-1925 годах Шакарим Кудайбердыев недолго возвращается к активной жизни, приветствует новые преобразования в обществе, печатает на страницах газет и журналов ряд своих произведений, затем вновь покидает общество, однако в начале тридцатых годов Шакарим Кудайбердыев становится жертвой сталинского произвола.

Шакарим Кудайбердыев, чья плодотворная деятельность в литературе как поэта и прозаика, переводчика и драматурга, историка и философа, продолжалась более полувека, оставил после себя богатое литературное наследие.

«Читая Шакарима, входишь в волшебный, неповторимый, удивительный мир поэзии, – писал в свое время профессор Муслим Базарбаев, – окунаясь в глубину и широту мыслей, суждений, в мир прекрасных образов».

Пусть наше угрюмо наследство,
Но корни сгоревшей травы
Вновь выплеснут буйное детство
В грядущую глубь синевы.
Наш ветер апреля срывает
Запреты, засовы, замки
И – белые пятна смывает,
И – ложную запись строки.
Да, музу поэта хранима
Народом до лучших времен...
Бессмертны стихи Шакарима,
Он нам навсегда возвращен.

*г. Москва, Бюллетень секретариата
Союза писателей СССР, сентябрь 1989 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Данная книга великого казахского поэта, ученого и просветителя Шакарима Кудайбердыева впервые в таком широком объеме выходит на русском языке.

Издание вбирает в себя фрагменты литературного, философского и научного наследия Шакарима Кудайбердыева.

Владимир Цыбин. Известный русский поэт. Родом из Казахстана. Является переводчиком казахской поэзии. Стихи Шакарима Кудайбердыева в переводе В. Цыбина были включены Мухтаром Магаиным в академический сборник «Поэты Казахстана» (Ленинград, 1978).

Всеволод Рождественский. Известный русский поэт. Переводчик казахской поэзии. Его переводы Шакарима Кудайбердыева были включены в академический сборник «Поэты Казахстана» (Ленинград, 1978).

Бахытжан Канапьянов. Известный казахский поэт, писатель, переводчик. Его переводы поэзии Шакарима Кудайбердыева были включены в ряд книг, вышедших в Алматы и в Москве, а также публиковались в «Литературной газете» (Москва, ноябрь, 2006), и в периодике Казахстана. Б. Канапьянов является

автором повести «Последняя осень поэта», опубликованной к 150-летию Ш. Кудайбердыева в журнале «Простор» (№11, 2008).

В 1993 году был снят фильм «Последняя осень Шакарима» (автор сценария Б. Канапьянов, режиссер Т. Ибраев. «Казахтелефильм»).

Стихи Шакарима Кудайбердыева в переводе Б. Канапьянова не раз публиковались в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Мурат Султанбеков. Поэт, переводчик. Исследователь творчества Шакарима Кудайбердыева. Его переводы поэзии Ш. Кудайбердыева не раз выходили отдельными изданиями и в периодической печати Семипалатинска, Алматы, Астаны, Москвы.

Клара Серикбаева. Переводчик и исследователь творчества Абая Кунанбаева и Шакарима Кудайбердыева.

Роллан Сейсенбаев. Известный писатель, издатель. Автор романа о Шакариме Кудайбердыеве, а также многих рассказов, повестей и романов, которые были изданы в ряде зарубежных стран и получили высокую оценку критиков и читателей.

Мекемтас Мырзахметов. Ученый. Доктор филологических наук. Профессор. Абаевед. Автор многих научных статей по творчеству Абая, Шакарима Кудайбердыева, Мухтара Ауэзова, Бауржана Момыш-улы.

Бахыт Каирбеков. Поэт, переводчик, кинорежиссер. Автор ряда поэтических сборников и документальных кинофильмов. Родословная (турков, киргизов, казахов и ханских династий) Шакарима Кудайбердыева в переводе Бахыта Каирбекова впервые была издана в издательстве «Жазушы» в 1990 году.

Shakarim Kudaiberdiyev

Shakarim... If listen attentively in the record of this name, clearly can be caught the call, through the cosmic gravel of rustles stars in the space of steppe – call of never-dying creation.

This name somewhere rhyme with the Kazakh meanings – Shakiru, Shakyrym –if translate, in what infer ancient meaning of calls and space of heard voices, which was stretched from the epos of the ages to our time, gradually upgraded to the usual joiner's benches in to the common mileage of distance.

Mukhtar Auezov in his great epic in the power of real reasons of prohibition dismembered the name Shakarim to Shake and Amir, and saved the manner in the book, by recreating them for us – for readers.

In his never-dying page, in his poem in prose «Word about Pushkin», Anna Ahmatova simply and augustly said about genius of Russian literature – «he won the time and space».

I think that, it can be related to returning the name of poet Shakarim, in spite of his tragedian final.

It is possible to forbid the publishing of poet.

But his verses will live in the people.

It is possible by shooting to stop the beating of poetic heart.

But – manners, which were give birth by him, will find the refuge in heart of numerous readers.

Finally, it is possible to throw the body of killed seventy-three years old man in to forgotten wells...

But people, who brought up his poetic spirit, all of them will found, even if after thirty years, and maybe, by only one rare button, which was residuary from putrefied clothes, will identify the ashes and will bury close to great Abai.

So, this is bitterness of fantasy and bitter steppe truth.

So, this is poetry and prose of real world.

«I will drop, but my verses will live».

Firstly with the creations of Shakarim, with his destiny I'm acquainted after writer and scientific Mukhtar Magauin. And eternal to him thanks for that. It seems like – so far did not properly appraised by critic his longstanding work – book «Kobyz and spear» and suffered by him omnibus «Poets of Kazakhstan», which was long time ago come as bibliographic rarity.

Fourteen verses, which was translated by Russian poets Rozhdestvenskiy V. and Tcybin V., firstly acquainted the readers from Moscow and Leningrad of brotherly republics with the creations of steppe tolstoyan Shakarim. It took place in 1978, thanks to civil courage of Magauin M. because he known, that without Shakarim, without his «magic crystals» of creations, centuries-old poetry of Kazakhstan would not be so full.

Before it, soviet reader did not know his verses, when you read the creations of Abai and Auezov Mukhtar Omarkhanovich, found in the note that, Shakarim, disciple of great poet, translated in to Kazakh language poetries of Pushkin A.S., Tolstoy L.N., arab-persian poets... Sometimes were data from foreign countries. Some my friend, translator of Chinese literature Aleksandr Bobrov brought Chinese literary magazine, affirming that, there some of Kazakh epos. I ask him to decode the hieroglyph of caption. He red by syllables! «Kalkaman – Mamyr». And compiler of Kazakh poetry in Turkish language Irfan Nasrettin-oglu, who come in Almaty last year, be at a loss, why the Union of writers of Kazakhstan in this anthology the verses of

Shakarim, which were not one time published in Istanbul?
But all of this, thanks to April wind of changes – in past.

I think, I hope, I'm sure – forever.

As affirmed in the rehabilitation decision, Shakarim Kudaiberdiyev, by his standpoints, brightly expressed democrat, enlightener, propagandist, popularizer in the direct meaning of the word of leading ideas, independently from their geographic and national origin. For him good known, west-european philosophy, Russian democratic idea, artistic culture of west and east. Shakarim follows by traditions of Abai, and somewhere strengthened his realism, critical spirit, adding in to poetry tangible alive stream. All this defines the live credo, face, outlook of poet and his standing as individual. Poetry of Shakarim especially innovative in compare with that, what were in that time. Thanks to high skills of applied art translate of Shakarim the creations of Pushkin, Fizuli, Nizami, became accessible to understand in every village, in every part of steppe.

Talent of Shakarim Kudaiberdiyev was many-sided: he wrote about everything, what excite him, and wrote sincerely, putting in the whole heat of poetical heart in his creations. Deep lyrical verses alternate with didactic and philosophical reflections. Poet applies, to so eternal and constantly new ideas as honor, justice, humanity, charity, feelings and reason, stupidity and intellect. His always attracted the inner world of man. Frame of mind, movement of soul aloud feels in the lyric of poet. Typical intact to the creations of Shakarim Kudaiberdiyev was deep understanding in necessity of high artistic and social concernment of works in literature. To the chapter of corner he puts skills of word, place and role of poet in the society.

Creational heritage of gross poet, philosopher and thinker of the end of XIX and beginning of XX centuries of Shakarim Kudaiberdiyev becomes property of explorers and wide reader mass. As he is experienced the many hard peripeteias, as his poetic talent suffered after dramatic clamps of epoch, which finally fetched the poet to the death

at the thirties years. During the more than half century, creations of poet and biography of his long-suffered destiny was left under private ban.

Even after rehabilitation of Shakarim Kudaiberdiyev in 1958, which took away from him false accusations, was left in power of command-bureaucratic pressure.

In power of turned out circumstances, exactly past only one year, how opened archives by Shakarim and his creational heritages, when every day bring us new facts of his biography – it is hard to open in full exploring volume of poet's life and time, when he lived.

Shakarim Kudaiberdiyev was born in 1858 year in Chingiz Mountains of Semipalatinck region in the village of great Kazakh poet Abai. When he studied under guidance of Abai, in spite of that he does not studied in special educational institution, Shakarim becomes one of the educated people of his time. As Mukhtar Magauin said, Shakarim greatly owns Turkish, Arab, Persian, and Russian languages. At this time Shakarim do not expire his education at intent education of classic east poetry, the best sample of Russian and European literature, he attentively studied works by philosophy, by history of religion. Shakarim Kudaiberdiyev at the beginning of our century made pilgrimage to Mecca, but it does not prevent him to be the member of Russian Geographic Society. During the trip to Saudi Arabia, and Turkey, he spends many times to visiting the different libraries of Istanbul, to full up and systematize his wide knowledge. Was in correspondence with Tolstoy L.N. and translated number of his creations into Kazakh language. In his scientific treatises, Shakarim more than once argued with philosophical conceptions of Schopenhauer, introducing in this argue his understanding of nature and man.

Death of Abai in 1904, and after revolutionary occurrences in 1905-1907 years, deeply shook Shakarim. He left society, and lodged in loneliness at place, named Shakpak, not far from Chingiz Mountains, where busy

themselves with literary creations. In 1917-1925 years, Shakarim Kudaiberdiyev, not for a long time comes back to active life, greet new transformations in society, prints at the pages of newspapers and magazines numbers of his creations, and after that left society again, but at the beginning of thirties years, Shakarim Kudaiberdiyev become a victim of Stalin's tyranny.

Shakarim Kudaiberdiyev, whose productive activity in literature as poet and prose writer, translator and dramatist, historian and philosopher, continued more than half century, and left after itself rich literary heritage.

At his time, professor Muslim Bazarbayev said, – «When you reading the Shakarim, you enter into magic, unique, amazing world of poetry, you will plunge into deep and wide idea, opinion, into world of beautiful manner».

Bakhytzhan KANAPYANOV

СОДЕРЖАНИЕ

<i>E.B. Сыдыков. Шакарим – поэт-мыслитель.....</i>	5
--	---

СТИХИ

Перевод с казахского Вл. Цыбина

О молодости.....	12
Язычник, что забот вовек не знал.....	17
Смолоду язык турецкий.....	18
Что такое человек?.....	19

Перевод с казахского Вс. Рождественского

О старости.....	22
Исповедь	25
Я мог бы для огня взять горсть углей	28
Явился в мир ты голышом	30
Перо – ты родич мой	31
Уже нет в небе черных туч	32
Взошла заря свободы.....	34
Не стало истинно влюбленных.....	36
Блаженство моих безгорестных дней	38
Цари на войско не жалеют трат.....	39

Перевод с казахского Б. Канапьянова

О себе	41
Выборочные места из назиданий.....	42
Приходит лето.....	44

Толстосумы. Сильные мира сего.....	45
Огонь. Жизнь.....	48
Жизнь имеет три этапа в наши дни.....	48
Был рожден как бы в рубашке.....	49
Будь стрелком, что бьет по цели, снова видя в жизни цель.....	51
Прощание.....	52
Слово.....	53

Перевод с казахского М.Султанбекова

Поэтам.....	58
Песня, в которой новейший мотив	59
О молодости	62
О старости.....	66
Насихат.....	69
Песни, которые спел для себя после кончины Абая	72
В год овцы.....	77
Наступит лето.....	80
Плохих казахов нет в помине.....	81
Мечта	82
Мулла гяуром назовет чужого.....	84
Простишь иному недостатки.....	85
Бездушным став.....	86
И я уйду.....	87
Три вида жизни знаю.....	88
Мысли на горной вершине.....	89
Вначале охота была.....	90
Владею тюркским	91
Ноль.....	92
Поверь науке.....	93
В какой-то год.....	97
Казах в зеркальном отражении о себе	99
Иные вторят	101
Не подходите близко.....	102

Нипочем мне словопрение.....	104
Прощай.....	105

ПОЭМЫ

Перевод с казахского М. Султанбекова

Енлик и Кебек.....	108
Лейли и Меджнун.....	132
Калкаман и Мамыр.....	193

ПРОЗА

*Перевод с казахского
К. Серикбаевой, Р. Сейсенбаева*

За семьдесят два года.....	208
Зеркало подлинного счастья.....	212
Сады подснежников.....	216
Мысли разных лет.....	227

РОДОСЛОВНАЯ

Перевод с казахского Б. Каирбекова

Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий.....	230
--	-----

ТРИ ИСТИНЫ

Три истины.....	342
-----------------	-----

Апрель Шакарима. <i>Б. Канапьянов.....</i>	392
Примечания. <i>Б. Канапьянов.....</i>	398
Shakarim Kudaiberdiyev.	400

Литературно-художественное издание

Серия
“БИБЛИОТЕКА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

**ШАКАРИМ
МОЕ ВРЕМЯ**

Редактор *Б. Мусаханов*

Технический редактор *С. Бейсенова*

Компьютерная верстка *А. Кадикеновой*

Корректор *Г. Мухамадиева*

Разработка суперобложки
дизайнцентра издательства «Аударма»

ISBN 9965-18-312-0

9 789965 183126

ИБ № 315

Подписано в печать 17.09. 2010 г. Формат 84x108 ^{1/32}.

Гарнитура . “NewBaskervilleCTT”. Печать офсетная. Усл.-печ. л. - 21,42

Уч.-изд. л. - 20,00 Тираж 3000 экз. Заказ №

Издательство “Аударма”
010009, г. Астана, ул. Г. Мусрепова, 5/1, ВП-2